

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

А.И. Бастрыкин,

Председатель Следственного комитета Российской Федерации,
Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук,
профессор, генерал юстиции Российской Федерации

ЧЛЕНЫ КОЛЛЕГИИ

А.В. Федоров,

заместитель Председателя
Следственного комитета
Российской Федерации,
кандидат юридических
наук, профессор,
генерал-полковник,
Заслуженный юрист
Российской Федерации

Д.Н. Кожухарик,

исполняющий обязанности
ректора Московской
академии Следственного
комитета Российской
Федерации, кандидат
юридических наук, доцент,
полковник юстиции,
Почетный сотрудник След-
ственного комитета Российс-
кой Федерации

О.Ю. Антонов,

декан факультета
подготовки криминалистов
Московской академии
Следственного комитета
Российской Федерации, доктор
юридических наук, доцент

Ю.М. Антонян,

доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный
деятель науки РФ

В.В. Бычков,

декан факультета
повышения квалификации
Московской академии
Следственного комитета
Российской Федерации,
кандидат юридических наук,
доцент

И.В. Groшев,

заместитель директора
по научной работе НИИ
образования и науки, доктор
психологических наук,
доктор экономических наук,
профессор, Заслуженный
деятель науки РФ

И.А. Калинин,

начальник Московского
университета МВД России
им. В.Я. Кикотя,
генерал-лейтенант полиции,
кандидат педагогических
наук

В.Н. Карагодин,

директор Екатеринбургского
филиала Московской
академии Следственного
комитета Российской
Федерации, Заслуженный
юрист Российской
Федерации, доктор
юридических наук,
профессор

А.А. Крымов,

начальник Университета
ФСИН России (г. Санкт-
Петербург), доктор
юридических наук,
профессор, генерал-майор
внутренней службы

В.М. Крук,

доктор психологических наук,
профессор

Е.Л. Логинов,

заместитель генерального
директора Института
экономических стратегий,
доктор экономических наук,
дважды лауреат премии
Правительства Российской
Федерации в области науки
и техники

В.Б. Мантусов,

начальник Российской таможен-
ной академии, доктор экономи-
ческих наук, профессор

И.М. Мацкевич,

Главный ученый секретарь
ВАК при Министерстве
образования и науки РФ
по праву, доктор юридических
наук, профессор

Г.Б. Мирзоев,

ректор Российской академии
адвокатуры и нотариата,
доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный
юрист Российской Федерации

С.Ф. Мурашко,
профессор кафедры русского
и иностранных языков
факультета подготовки
следователей Московской
академии Следственного
комитета Российской Федера-
ции, Почетный работник
высшего профессионального
образования Российской
Федерации, кандидат
психологических наук, доцент

В.С. Осипов,
заведующий кафедрой
управления человеческими
ресурсами Российского
экономического университета
им. Г.В. Плеханова,
доктор экономических наук,
PhD (Brit.), доцент

А.Ж. Саркисян,
руководитель
редакционно-издательского
отдела Московской
академии Следственного
комитета Российской
Федерации, кандидат
юридических наук, доцент

С.Г. Симагина,
заместитель директора
Научно-исследовательского
института образования
и науки, доктор
экономических наук, доцент

А.В. Симоненко,
начальник Краснодарского
университета МВД России,
доктор юридических наук,
профессор, генерал-лейтенант
полиции

Б.А. Спасенников,
главный научный сотрудник
НИИ ФСИН России, доктор
юридических наук, доктор
медицинских наук, профессор

А.Е. Суглобов,
профессор Департамента
учета, анализа и аудита
Финансового университета
при Правительстве Российс-
кой Федерации, доктор эконо-
мических наук, профессор

С.Н. Федотов,
доктор психологических наук,
профессор

В.Л. Цветков,
начальник кафедры
юридической психологии
Московского университета
Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени
В.Я. Кикотя, доктор
психологических наук,
профессор

Ю.А. Цыпкин,
председатель Учебно-
методического центра
«Профессиональный
учебник», доктор
экономических наук,
профессор

Н.Д. Эриашвили,
главный редактор Объединен-
ной редакции, кандидат исто-
рических наук, кандидат
юридических наук, доктор
экономических наук,
профессор, лауреат премии
Правительства Российской
Федерации в области науки
и техники

EDITORIAL BOARD

CHAIRMAN

A.I. Bastrykin,

Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation,
Honored Lawyer of Russia, Doctor of Law, Professor, General
of Justice of the Russian Federation

MEMBERS OF THE BOARD

A.V. Fedorov,

Deputy Chairman
of the Investigative
Committee of the Russian
Federation, Candidate
of Law, Professor,
Colonel-General,
Honored Lawyer of Russia

D.N. Kozhukharik,

Acting Rector of the Moscow
academy of the Investigative
Committee of the Russian
Federation, Candidate
of Law, Associate
Professor, Colonel
of Justice, Honorary Officer of
the Investigative Committee of
the Russian Federation

O.Yu. Antonov,

Dean of the faculty
of Forensics Training
of the Moscow academy
of the Investigative committee
of the Russian Federation,
Doctor of law, Associate
Professor

Yu.M. Antonyan,

Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist
of the Russian Federation

V.V. Bychkov,

Dean of the Faculty
for Continuing Education
of the Moscow academy
of the Investigative committee
of the Russian Federation,
Candidate of law, Associate
Professor

I.V. Groshev,

Deputy Director of Research
Institute of Scientific Work
Education and Science,
Doctor of Psychology,
Doctor of Economics,
Professor, Honored
Scientist of the Russian
Federation

I.A. Kalinichenko,

Head of the Moscow
University of the MIA
of Russia named after
V.Ya. Kikot, Police Major
General, Candidate
of Pedagogics

V.N. Karagodin,

Director of the Yekaterinburg
branch of the Moscow
academy of the Investigative
Committee of the Russian
Federation, Honored Lawyer
of the Russian Federation,
Doctor of Law, Professor

A.A. Krymov,

Head of the University
of the Federal Penal Service
of Russia (St. Petersburg),
Doctor of Law,
Professor, Major-General
of Internal service

V.M. Kruk,

Doctor of Psychology,
Professor

E.L. Loginov,

Deputy Director General
of the Institute of Economic
strategies, Doctor
of Economics, Twice
Laureate of the Prize
of the Government
of the Russian Federation
in the Field of Science
and Technics

V.B. Mantusov,

Head of the Russian
Customs Academy,
Doctor of Economics,
Professor

I.M. Matskewich,

Chief Scientific Secretary
of the Higher Attestation
Commission of the Ministry
of Education and Science,
Doctor of Law, Professor

G.B. Mirzoev,
Rector of the Russian Academy
of Lawyers and Notaries,
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer
of the Russian Federation

S.F. Murashko,
Professor of the Department
of the Russian and Foreign
Languages of the Faculty
of Training Investigators
of the Moscow academy
of the Investigative Committee
of the Russian Federation,
Honoured Worker of Higher
Professional Education
of the Russian Federation,
Candidate of Psy-chology,
Associate Professor

V.S. Osipov,
Head of the Department
of Human Resourced
Management of the Plekhanov
Russian Economic, Doctor
of Economics, PhD (Brit.),
Accociate Professor

A.Zh. Sarkisyan,
Director of editorial
and publishing Department
of the Moscow Academy
of the Investigative
Commettee of the Russian
Federation, Candidate of Law,
Associate Professor

S.G. Simagina,
Deputy Director of the
Scientific and Research
Institute of Education
and Science, Doctor
of Economics

A.V. Simonenko,
Chief of the Krasnodar
University of the MIA
of Russia, Doctor
of Law, Professor,
Lieutenant-General
of the Police

B.A. Spasennikov,
Chief Scientist of the Scientific
and Research Institute
of the Federal Penal
Service of Russia, Doctor
of Law, Doctor of Medicine,
Professor

A.E. Suglobov,
Professor of the Department
of Accaunting, Analysis
and Audit of the Financial
University under the
Government of the Russian
Federation, Doctor
of Economics, Professor

S.N. Fedotov,
Doctor of Psychology,
Professor

V.L. Tsvetkov,
Head of the Department
of Judicial Psychology
of the Moscow University
of the Ministry of Internal
Affairs named after
V.Ya. Kikot, Doctor of Law,
Professor

Yu.A. Tsypkin,
Chairman of the Educational
and Methodological Centre
«Professional Training
Textbook», Doctor of
Economics, Professor.

N.D. Eriashvili,
Editor-in-Chief of the Joined
Editorship, Candidate
of History, Candidate of Law,
Doctor of Economics,
Professor, Laureate of the Prize
of the Government of the
Russian Federation in the Field
of Science and Technics

УЧРЕДИТЕЛЬ

**Федеральное государственное
казенное образовательное
учреждение высшего
образования «Московская
академия Следственного
комитета Российской
Федерации»**

*Исполняющий обязанности
ректора Московской
академии Следственного
комитета Российской
Федерации, кандидат
юридических наук,
доцент, полковник юстиции*
Д.Н. Кожухарик

РЕДАКЦИЯ

*Главный редактор
Объединенной редакции
Н.Д. Эриашвили,
лауреат премии
Правительства РФ
в области науки и техники,
доктор экономических наук,
кандидат юридических
и исторических наук,
профессор*
E-mail: professor60@mail.ru

**Научный редактор,
ответственный за издание**

А.Ж. Саркисян,
*руководитель редакционно-
издательского отдела
Московской академии
Следственного комитета
Российской Федерации,
кандидат юридических наук,
доцент*

**В подготовке номера
участвовали:**

Редакторы
**О.В. Берберова,
И.Д. Нестерова**

Художник
А.П. Яковлев

Верстка номера
М.А. Бакаян

Подписной индекс 71175

*Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций*

Свидетельство

о регистрации

ПИ № ФС77-69345

Адрес редакции:

125080, Москва, ул. Врубеля, д. 12

Тел.: 8-499-740-60-14,

8-499-740-60-15,

E-mail: 7700153@gmail.com

ВЕСТНИК МОСКОВСКОЙ АКАДЕМИИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СОДЕРЖАНИЕ № 4/2020

Поздравление с Новым годом (А.И. БАСТРЫКИН) 11

*К 10-летию юбилею
Московской академии СК России*

Д.Н. КОЖУХАРИК. Московская академия
Следственного комитета Российской Федерации:
история и современность 13

Юридические науки

**Теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве**

Л.В. ГОЛОСКОКОВ. О модернизации современного
права и государства 21

И.В. ТАРАСЕНКО. Доказательства и доказывание
в российском уголовном процессе XV—XVII столетий 27

Н.Д. ЭРИАШВИЛИ, Ю.А. ИВАНОВА. Государство:
сущность и его социальное назначение 35

**Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право**

А.В. БОРИСОВ. Классификация угроз транспортной
безопасности 43

В.В. БЫЧКОВ, В.А. ПРОРВИЧ. Искусственный
интеллект как средство противодействия
преступлениям экстремистской направленности,
совершаемым с использованием информационно-
телекоммуникационных сетей, в том числе
сети Интернет 47

Н.В. КРУЧИНИНА, Н.П. КРУЧИНИН. Повышение
эффективности доказывания уголовных дел о налоговых
преступлениях в современных условиях 53

А.Л. САНТАШОВ, А.А. ЖИТКОВ. Современное
состояние и перспективы совершенствования уголовного
законодательства о дезорганизации деятельности
учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества 58

Оригинал-макет
подготовлен издательством
«ЮНИТИ-ДАНА»

- Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. За сведения, содержащиеся в рекламных объявлениях, редакция ответственности не несет.
- Редакция не вступает в переписку с авторами писем, рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации» ссылка на журнал обязательна.
- В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не вправе обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письма, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8. Печ. л. 20
Печать офсетная

Отпечатано в цифровой типографии
«Буки Веди», 105066, Москва,
ул. Новорязанская, д. 38, стр. 1,
пом. IV
Заказ №

Цена договорная. Тираж 3000 экз.
Первый завод — 1000 экз.

А.А. ШУТОВА. Привлечение медицинских работников к уголовной ответственности за несоблюдение положений документов, регламентирующих порядок оказания медицинской помощи 64

Уголовный процесс

О.М. ЕФРЕМОВА, В.Ф. ВАСЮКОВ. Нуждаются ли в корректировке правила производства следственных действий, направленных на изъятие электронных носителей информации и копирование компьютерной информации? 69

Т.Ю. САБЕЛЬФЕЛЬД. Прокурор как субъект стороны обвинения в уголовном процессе 75

А.Ю. ФЕДЮКИНА, Е.В. ГОРКИНА. Избрание мер пресечения в отношении подозреваемого: проблемы теории и практики 79

Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-разыскная деятельность

В.Б. БАТОЕВ. Применение искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов 83

Б.В. БОРИН. Использование специальных знаний при расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности, совершенных военнослужащими 88

Д.В. ГАЛКИН. Источники криминалистически значимой информации о географических координатах мест нахождения людей и объектов, полученных с помощью спутниковой навигации 93

М.А. ИВАЩЕНКО, Д.В. ГЛАДКОВ. Актуальные проблемы взаимодействия следователя с оперативными сотрудниками при раскрытии и расследовании преступлений 98

А.Н. ПАНКРАТЬЕВ, С.В. ТРОХОВ. Актуальные вопросы выявления и расследования преступлений, предусмотренных статьей 199.2 УК РФ 102

В.А. ПЕРОВ. Электронные следы при расследовании уголовных дел о преступлениях с использованием криптовалют 108

Е.В. САНЬКОВА. Актуальные вопросы взаимодействия следователей с сотрудниками оперативных подразделений: сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуального законодательства государств — бывших союзных республик СССР	112
--	-----

Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

И.Д. КОЧАНЖИ, Т.С. РАГИМОВ. Принципы медиации как механизм регулирования правовых споров	117
---	-----

Международное право; Европейское право

Р.Р. РАХМАДЖОНЗОДА (Р.Р. ЮЛДОШЕВ). Системность и стабильность уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан	122
---	-----

Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

Т.В. ЧЕРЕМИСИНА. Понятие, цели, задачи и принципы воспитательной работы в Следственном комитете Российской Федерации	127
---	-----

Экономические науки

Экономика и управление народным хозяйством

Ж.С. ЧУПИНА, А.Л. ЧУПИН. Практика и значение таможенной экспертизы товаров при выявлении правонарушений в Шереметьевской таможне	133
---	-----

Исследования молодых ученых

Ж.С. АЛЕКЯН. Понятие юридической ошибки в науке об уголовном праве и ее виды	139
---	-----

Е.А. БОРЗЫХ. Корпоративные соглашения в России: обзор становления института и перспективы развития в рамках институциональной экономики	144
--	-----

С.О. МАХТЮК. Самостоятельность или амбиции: к вопросу о процессуальном взаимодействии следователя и руководителя следственного органа	150
--	-----

В.М. ЯКОВЛЕВА. Запрещенные предметы как инструменты совершения преступлений корыстной направленности в местах лишения свободы	156
--	-----

FOUNDER

**The Moscow Academy
of the Investigative Committee
of the Russian Federation**

*Acting rector of the Moscow
Academy of the Investigative
Committee of the Russian
Federation, candidate of law,
associate professor,
colonel of justice*
D.N. Kozhukharik

EDITORIAL STAFF

*Editor-in-Chief of the Joined
Editorship*
N.D. Eriashvili,
*the winner of an award
of the Government
of the Russian Federation
in the field of science and
equipment, doctor of economy,
candidate of law and history,
professor*
E-mail: professor60@mail.ru

**Scientific editor,
responsible for publishing**

A.Zh. Sarkisyan,
*director of Editorial
and Publishing Department
of the Moscow Academy
of the Investigative Committee
of the Russian Federation,
candidate of law, associate
professor*

**The issue was
prepared by:**

Editors
**O.V. Berberova,
I.D. Nesterova**

Painter
A.P. Yakovlev

Imposition
M.A. Bakayn

*The journal is registered
by the Federal Service
for supervision in the sphere
of telecom, information
technologies and mass
communications.*

**The certificate of registration
PI № FS 77-69345**

Editorial staff address:
125080, Moscow, st. Vrubelya, d. 12
Tel.: 8 (499) 740-60-14,
8 (499) 740-60-15
E-mail: ask_rf@mail.ru

BULLETIN OF THE MOSCOW ACADEMY OF THE INVESTIGATIVE COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION

CONTENT № 4/2020

Happy New Year (A.I. BASTRYKIN) 11

To the 10th anniversary of the Moscow Academy of sports of Russia

D.N. KOZHUKHARIK. Moscow Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation: history
and modernity 13

Legal science

Theory and history of law and state; history of the teachings of law and the state

L.V. GOLOSKOKOV. On modernization of modern law
and state 21

I.V. TARASENKO. On evidence in the Russian criminal
proceedings of the XV—XVII centuries 27

N.D. ERIASHVILI, Yu.A. IVANOVA. The state:
its essence and social purpose 35

Criminal law and criminology; criminal Executive law

A.V. BORISOV. Classification of threats to transport
security 43

V.V. BYCHKOV, V.A. PRORVICH. Artificial intelligence
as a means of countering extremist crimes, committed
using information and telecommunications networks,
including the Internet 47

N.V. KRUCHININA, N.P. KRUCHININ. Increasing
the efficiency of proving criminal cases of tax crimes
in modern conditions 53

A.L. SANTASHOV, A.A. ZHITKOV. Current state
and prospects for improving criminal legislation
on disorganization of institutions providing isolation
from society 58

A.A. SHUTOVA. Criminal liability of medical personnel
for non-compliance with documents regulating
the provision of medical care 64

The original-model is created
by publishing house
UNITY-DANA

■ The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

■ Editorial staff does not enter into a correspondence to authors of letters, manuscripts does not return.

■ At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials «Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation» the reference to the journal is obligatory.

■ In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8. Offset
printing Circulation
1000 copies Buki Vedi
Your Publishing Partner
Moscow, Ilmsky pr-d,
d. 1, bldg. 6
Tel. 8 (495) 926-63-96

Criminal trial

O.M. EFREMOVA, V.F. VASYUKOV. Is there a need to adjust the rules for investigative actions aimed at removing electronic media and copying computer information? 69

T.Yu. SABELFELD. The prosecutor as a participant in criminal proceedings on the part of the prosecution 75

A.Yu. FEDYUKINA, E.V. GORKINA. Choosing preventive measures against a suspect: problems of theory and practice 79

Criminalistics; forensic science activity; operational and investigative activities

V.B. BATOEV. The use of artificial intelligence in the activities of law enforcement agencies 83

B.V. BORIN. Use of special knowledge in the investigation of extremist and terrorist crimes committed by military personnel 88

D.V. GALKIN. Sources of forensic information about the location of people and objects formed using satellite navigation 93

M.A. IVASHCHENKO, D.V. GLADKOV. Actual problems of interaction of the investigator with operational employees at disclosure and investigation of crimes 98

A.N. PANKRATEV, S.V. TROHOV. Topical issues of detection and investigation of crimes under Article 199.2 of the Criminal Code of the Russian Federation 102

V.A. PEROV. Electronic traces in the investigation of criminal cases of crimes involving the use of cryptocurrency 108

E.V. SANKOVA. Topical issues of interaction between investigators and employees of operational units: comparative legal analysis of criminal procedure legislation of the former Soviet Union republics 112

Civil law; business law; family law; private international law

I.D. KOCHANZHI, T.S. RAGIMOV. Principles of mediation as a mechanism for regulating legal disputes 117

International law; European law

R.R. RAKHMADJONZODA (R.R. YULDOSHEV). Consistency and stability of the criminal procedure legislation of the Republic of Tajikistan 122

**Judicial activities, prosecutorial activities,
human rights and law enforcement activities**

T.V. CHEREMISINA. Concept, goals, tasks and principles of educational work in the Investigative Committee of the Russian Federation 127

Economics

**Economy and management
of the national economy**

Zh.S. CHUPINA, A.L. CHUPIN. Practice and value of customs examination of goods in detection of offences in the Sheremetyevo customs office 133

Research by young scientists

Zh.S. ALEKIAN. The concept of legal error in the science of criminal law and its types 139

E.A. BORZYKH. Corporate agreements in Russia: an overview of the formation of the institution and prospects for development in the framework of the institutional economy 144

S.O. MAKHTYUK. Independence or ambition: on the issue of procedural interaction between the investigator and the head of the investigative body 150

V.M. YAKOVLEVA. Prohibited items as instruments for committing self-interest crimes in places of deprivation of liberty 156

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ, ВЕТЕРАНЫ СЛЕДСТВИЯ! ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Вспоминая уходящий год, мы испытываем противоречивые чувства. С одной стороны, это год 75-летнего юбилея Великой Победы, колоссальное значение которой мы особенно явно осознаем, отдавая дань памяти подвигу советского народа в Великой Отечественной войне. С другой стороны, 2020 год — это время тяжких испытаний и потерь, вызванных пандемией новой коронавирусной инфекции, мировым экономическим кризисом и усилением негативных политических процессов. Но и в этих непростых условиях Следственный комитет Российской Федерации не только не сбавил темпы работы, но и добился улучшения ее основных результатов, сделав все возможное для сохранения стабильности в стране, укрепления законности и правопорядка.

Насколько нам это удалось, можно судить по следующим показателям. За 9 месяцев 2020 г. следственными органами Следственного комитета расследовано 110 тыс. преступлений, из них тяжких и особо тяжких — 43,5 тыс. Благодаря принципиальным усилиям сотрудников Следственного комитета, за 9 месяцев 2020 г. по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. увеличилось число дел о коррупции, направленных в суд с обвинительным заключением, с 5679 до 5925, при этом возмещено свыше 2,3 млрд руб. Наложено арест на имущество взяточников и казнокрадов, чем подготовлен возврат еще более 8 млрд руб.

Как и прежде, в 2020 г. особое внимание уделялось раскрытию преступлений прошлых лет. За 9 месяцев уходящего года раскрыто 5072 таких преступлений, что на 12 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. Активно проводится работа и по другим составам преступлений. Расследовано и направлено в суд 695 уголовных дел о налоговых преступлениях, в ходе досудебного производства государству возмещены неуплаченные налоги на сумму почти 20 млрд руб. Направлено в суд 652 уголовных дела о преступлениях, связанных с невыплатой заработной платы. Потерпевшим возмещен ущерб на сумму более 2,5 млрд руб.

К нашим достижениям отнесу создание ведомственного Судебно-экспертного центра, что стало возможно после устранения пробелов в законодательстве. Уверен, что это положительно отразится на качестве следствия и сокращении сроков его проведения. Оптимизация организационной структуры ведомства, создание Культурного центра и нового филиала Санкт-Петербургского кадетского корпуса в Севастополе, развитие ведомственной медицины — вот то, над чем мы активно работали в уходящем году и продолжим работать в новом.

В сфере подготовки кадров и развития научного потенциала Следственного комитета надо признать, что в прошлые годы создана система ведомственного высшего и дополнительного профессионального образования — от школьной скамьи в кадетских корпусах и классах до подготовки молодых специалистов и научно-педагогических кадров высшей квалификации и дальнейшего повышения квалификации в академиях ведомства. Пользуясь случаем, хотел бы сердечно поздравить коллектив Московской академии СК России со знаменательной датой — 10-летием со дня образования! За эти годы пройден славный путь от первого набора слушателей института повышения квалификации до трех выпусков молодых специалистов, пополнивших ряды следователей и криминалистов ведомства. Научные труды и методические разработки преподавателей и научных сотрудников академии получили признание в академическом сообществе и востребованы следователями в практической работе.

Дорогие коллеги! Выражаю вам сердечную признательность за неустанный труд, высокий профессионализм и мужество, за верность присяге и компетентность, за самоотверженность и упорство в преодолении трудностей и преград на нашем пути. Особенно благодарю ветеранов следствия, передающих свои знания и опыт молодежи. Сердечно поздравляю кадет и обучающихся учебных заведений СК России, их преподавателей и наставников.

В преддверии нового 2021 года желаю вам и членам ваших семей крепкого здоровья, неиссякаемой энергии и новых свершений. Пусть мир и радость царят в ваших домах и служат для каждого из вас стимулом к достижению новых профессиональных высот в служении Отчизне ради высоких идеалов справедливости!

С Новым годом, дорогие товарищи, соратники, друзья!

Председатель Следственного комитета
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист России,
генерал юстиции Российской Федерации

А.И. Бастрыкин

Дмитрий Николаевич КОЖУХАРИК,
и.о. ректора Московской академии Следственного
комитета Российской Федерации,
Почетный сотрудник Следственного
комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент,
полковник юстиции

МОСКОВСКАЯ АКАДЕМИЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. В статье освещены основные этапы становления и развития Московской академии Следственного комитета Российской Федерации (далее — Академия) как ведомственного образовательного учреждения дополнительного профессионального и высшего юридического образования в системе Следственного комитета Российской Федерации (далее — Следственный комитет, СК России). Рассматриваются организационная структура вуза, направления подготовки обучающихся, научно-исследовательская и учебно-методическая деятельность вуза.

Ключевые слова: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, факультет подготовки следователей, военный учебный центр, факультет подготовки криминалистов, факультет подготовки научно-педагогических кадров, факультет повышения квалификации, филиалы, научно-исследовательский отдел.

В начале пути

10 лет минуло с тех пор, как **1 ноября 2010 г.** Институт повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации (далее — Институт), на базе которого впоследствии создана Академия, набрал первых слушателей — сотрудников и руководителей следственных органов.

Первоначально в Институте было создано три кафедры: криминалистики, уголовного права и уголовного процесса. На торжественном открытии Института руководством Следственного комитета перед сотрудниками Института были поставлены задачи организации учебного процесса с уклоном на практическое применение знаний, подготовки пособий и методических рекомендаций по расследованию различных видов преступлений. По мысли учредителя, Институт должен был стать не только учебным, но и научным центром, сочетающим в себе аналитическую, исследовательскую и методическую деятельность.

Целями учреждения Института явились получение сотрудниками следственных органов профессиональных знаний и навыков передовой отечественной и зарубежной следственной практики, включая эффективные формы и методы организации, техники и методики рассле-

дования преступлений, взаимодействия следователей и работников органов дознания, получения доказательств и их использования в изобличении виновных лиц, применение новейших научно-технических достижений в области криминалистики, использование возможностей различных видов экспертиз.

Создание Академии

Не секрет, что юридические специальности пользуются большим спросом у российской молодежи и вузы страны выпускают огромное количество юристов, однако Следственный комитет испытывал и продолжает испытывать острую нехватку высококвалифицированных сотрудников, ориентированных именно на следственную работу. Поэтому закономерно, что следующим этапом формирования в Следственном комитете системы ведомственного образования стало создание на базе Института Академии, призванной обеспечить Следственный комитет постоянным притоком высокопрофессиональных молодых специалистов.

Инициатором и непосредственным организатором образования высшего учебного заведения в системе Следственного комитета стал Председатель Следственного комитета Российс-

кой Федерации, генерал юстиции, доктор юридических наук, профессор **А.И. Бастрыкин**. В настоящее время он является куратором Московской академии Следственного комитета, председателем редколлегий и постоянным автором двух научных и ведомственного журналов, издаваемых Академией. Под его редакцией вышел ряд известных учебников и пособий, подготовленных профессорско-преподавательским составом и научными сотрудниками Академии. Глава ведомства регулярно читает лекции и выступает на международных форумах в стенах Академии, находит время для встреч с обучающимися.

17 января 2014 г. приказом Председателя Следственного комитета Российской Федерации № 1 на базе Института создано федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия Следственного комитета Российской Федерации», а в сентябре того же года был сделан первый набор студентов специалитета. Исполнять обязанности ректора Академии Следственного комитета Российской Федерации был назначен генерал-майор юстиции **А.М. Багмет** (приказ СК России от 20 января 2014 г. № 1куо).

21 февраля 2014 г. Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки Академии выдана лицензия на право ведения образовательной деятельности по следующим образовательным программам:

1) высшее образование — подготовка кадров высшей квалификации в аспирантуре по специальностям:

- 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право;
- 12.00.09 — Уголовный процесс;
- 12.00.12 — Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-разыскная деятельность;

2) дополнительное профессиональное образование.

Приказом Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от **14 апреля 2014 г.** Академия получила лицензию на право ведения образовательной деятельности по программам высшего образования специалитета — «Правовое обеспечение деятельности национальной безопасности» и магистратуры — «Юриспруденция».

За время функционирования учреждения создано шесть факультетов повышения квалификации в городах: Санкт-Петербург, Екатеринбург, Новосибирск, Нижний Новгород, Ростов-

на-Дону, Хабаровск, а также Санкт-Петербургский филиал.

В сентябре 2016 г. на базе Санкт-Петербургского филиала создана Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, в которую был включен и факультет повышения квалификации г. Санкт-Петербург. В связи с этим Академия Следственного комитета Российской Федерации переименована в федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации» (приказом Следственного комитета РФ от **29 декабря 2016 г. № 160**).

С 4 апреля 2020 г. приказом Следственного комитета РФ № 26куо от 27 марта 2020 г. исполнять обязанности ректора назначен полковник юстиции **Д.Н. Кожухарик**, Почетный сотрудник СК России, кандидат юридических наук, доцент.

Поступление в Академию

Процесс формирования современного следователя не сводится только к получению знаний и практических навыков следственной работы, он направлен на формирование личности будущего офицера юстиции, хорошо образованного, высококвалифицированного, идейного, патристически настроенного, с высокой правовой культурой, ориентированного на служение Закону и Отечеству. Важно также, чтобы обучающиеся стремились работать следователями и осознавали важность этой профессии, что способствует укреплению и стабилизации кадрового состава Следственного комитета, повышению уровня профессионализма следователей, обеспечению преемственности поколений.

В целях отбора среди абитуриентов лиц, наиболее склонных к следственной работе, в Следственном комитете установлен строгий порядок. В соответствии с приказом Следственного комитета Российской Федерации от 31 марта 2014 г. № 22 г. «Об утверждении порядка и условий приема граждан Российской Федерации в федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия Следственного комитета Российской Федерации»» (вступил в силу 4 ноября 2014 г.), абитуриенты обращаются в кадровое подразделение следственного органа Следственного комитета по месту жительства, где с ними проводится собеседование. Выясняется, каковы успеваемость, индивидуальные достижения и, что очень важно, какова мотивация молодого

человека или девушки. Из представленных абитуриентами документов (после их проверки) формируются личные дела, которые направляются в приемную комиссию Академии для участия в конкурсном отборе. Отбор происходит по результатам ЕГЭ (обществознание, история, русский язык) и вступительных испытаний (обществознание, русский язык, физическая культура). Учитываются также индивидуальные достижения абитуриентов.

Своеобразным инкубатором для будущих кадров являются кадетские корпуса и классы Следственного комитета. Учебные заведения стараются подготовить выпускников для поступления в ведомственные академии и последующей работы в следственных органах. В свою очередь, сотрудники следственных органов и преподаватели Академии активно знакомят кадет с будущей профессией. Надо отметить, что подготовка выпускников кадетских корпусов уже на начальном этапе обучения определяет более высокий уровень дисциплины, способности к самоорганизации и, как следствие, к обучению. В этом году приняты на обучение в Академию 48 выпускников Кадетского корпуса СК России им. Александра Невского и 3 выпускника Кадетского корпуса СК России им. Ф.Ф. Слипченко. Всего 51 кадет в 2020 г. стали студентами специалитета Академии.

Последние два года особенностью набора обучающихся стало воплощение в жизнь инициативы Председателя СК России, который обратил внимание на необходимость обеспечения равных возможностей для ребят с трудной судьбой. А.И. Бастрыкин убежден, что поступление в ведомственные образовательные учреждения и поддержка детей-сирот со стороны офицеров будет служить им достойным ориентиром и при должном усердии в учебе позволит им найти свое место в обществе и реализоваться в профессии¹. На призыв Председателя откликнулись все следственные управления СК России, направляя для учебы в ведомственные академии ребят, попавших в трудную жизненную ситуацию. Сегодня в Академии обучается 106 студентов-сирот, адаптация, учеба и быт которых стали насущной заботой и делом руководителей, воспитателей и преподавателей Академии. Глава ведомства регулярно встречается с обучающимися льготных категорий, оказывая им,

со своей стороны, действенную помощь и поддержку. Студентам ведомственных образовательных учреждений выплачивается ежемесячная стипендия в размере 16 тыс. рублей. Сиротам также предоставляют социальную стипендию, компенсируют расходы на питание, книги и одежду. В общем счете студенты-сироты получают ежемесячно порядка 30 тыс. рублей.

Академия сегодня

В настоящее время в составе Академии есть следующие факультеты:

- факультет подготовки следователей;
- факультет подготовки криминалистов;
- факультет подготовки научных и научно-педагогических кадров;
- факультет повышения квалификации.

Академия располагается в двух зданиях, обладает необходимым количеством аудиторий, оборудованных современными техническими средствами обучения, собственным библиотечным фондом, который соответствует требуемым критериям по количеству учебной, научной литературы на одного обучающегося.

В настоящее время по научному потенциалу преподавательского состава Академия находится на достаточно высоком уровне: около 80 % преподавателей имеют ученые степени доктора и кандидата юридических наук. В учебном процессе принимают активное участие специалисты-практики, обладающие бесценным опытом следственной или экспертной деятельности и научно-педагогической работы, ветераны следствия.

Для эффективной учебной деятельности, отвечающей современным требованиям следственной практики, а также моделирования следственных ситуаций в Академии имеется криминалистический полигон. На полигоне проводятся практические занятия по криминалистике, в ходе которых используются специально приобретенные Академией различные виды современных технико-криминалистических средств.

В арсенале кафедры криминалистики имеется свыше 100 единиц технико-криминалистических средств: георадары, нелинейные локаторы, металлоискатели, обнаружители скрытых видеокамер, квадрокоптер, наборы для обнаружения различных следов и др. Студенты учатся работать с аппаратно-программными комплексами UFED, позволяющими получать информацию, удаленную с гаджетов, данные о местонахождении устройства и его пользовате-

¹ Председатель СК России заслушал доклад о результатах приемной кампании и перспективах развития ведомственной системы образования. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1387038> (дата обращения: 16.11.2020).

ля, переписку в чатах и др.; с аппаратным копировщиком жестких дисков Tableau. Есть в Академии и специальное программное обеспечение (например, программа для создания фоторобота, программа виртуального осмотра места происшествия, программа для создания 3D-панорамы).

Образовательный процесс в Академии предусматривает широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий (компьютерных симуляций, деловых и ролевых игр, разборов конкретных ситуаций, практикумов, психологических и иных тренингов, учений) в сочетании с внеаудиторной работой (общественными помощниками) и практикой в следственных органах СК России с целью формирования и развития необходимых профессиональных навыков обучающихся.

В 2020 году Академия выпустила 94 молодых специалиста, из которых 74 окончили факультет подготовки следователей (программа специалитета), 20 человек — факультет подготовки криминалистов (программа магистратуры).

Дипломы с отличием получили 29 человек, из которых 23 человека окончили факультет подготовки следователей, 6 человек — факультет подготовки криминалистов. Выпускница факультета подготовки криминалистов *В.О. Загарских* награждена золотой медалью за отличное окончание образовательной организации высшего образования Следственного комитета Российской Федерации.

Растет научный потенциал вуза. Только за истекший пятилетний период (2015—2020 гг.) профессорско-преподавательским составом и научными сотрудниками Академии:

- изданы 49 монографий, 63 учебника, 306 учебных (учебно-методических) и иных пособий;
- опубликованы 3267 научных статей (в том числе 1230 — в журналах, рекомендуемых ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, и 23 — в журналах, индексируемых в базах данных Web of Science и Scopus);
- проведен 171 научно-практический форум, из которых 30 — международного уровня;
- осуществлено 37 официальных оппонирований по защите диссертаций;

- подготовлено 33 отзыва ведущей организации и 429 отзывов об авторефератах диссертаций;
- направлены 374 заключения (разъяснения, рекомендации) по запросам следственных органов СК России.

Научно-исследовательский отдел (далее — НИО) создан в результате реорганизации научно-исследовательского института, образованного приказом Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 02.04.2018 № 28-кш. С момента образования в 2018 г. НИО возглавляет подполковник юстиции кандидат юридических наук, доцент **Ю.А. Цветков**. В НИО проводятся прикладные и фундаментальные научные исследования по вопросам деятельности Следственного комитета Российской Федерации. Научная продукция НИО предназначена как для поддержки профессиональной деятельности сотрудников следственных органов, так и для обеспечения учебного процесса качественной литературой. В отделе готовятся ответы на запросы руководителей следственных органов по возникающим в ходе следствия вопросам, требующим глубокого научного анализа. Научные сотрудники осуществляют авторское сопровождение результатов исследований, в том числе при проведении занятий со слушателями по программам повышения квалификации.

Сотрудники НИО реализовали ряд крупных научных проектов: провели социологическое исследование по теме «Общественное мнение о деятельности СК России»; подготовили монографию «Прием граждан и рассмотрение обращений в следственных органах»; обобщили следственную практику всего Следственного комитета и на этой основе подготовили учебные пособия «Новые следственные ошибки», «Настольная книга следователя» и т.д. Они регулярно готовят методические рекомендации по актуальным вопросам следственной деятельности, а также публикуют результаты своих исследований в престижных научных изданиях, в том числе на платформе Web of Science.

Редакционно-издательский отдел Академии ежеквартально издает два научных журнала: «*Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*» и «*Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации*». Оба издания включены в систему Российского индекса научного цитирования, а также в перечень журналов, рекомендованных ВАК для публикации результатов кандидатских

и докторских диссертаций. Кроме того, с июля 2019 года по поручению Председателя Следственного комитета А.И. Бастрыкина на базе Академии возобновилось издание ежеквартального ведомственного журнала «Следственная практика».

В журнале «Академический блокнот» отражены разные аспекты жизни студентов: научно-исследовательская работа, учебная деятельность, волонтерство, спорт, творчество. Освещаются мероприятия, прошедшие в стенах Академии: форумы, конференции, встречи с замечательными людьми, праздники, соревнования.

Наряду с изданием журналов, Академия выпускает сборники научных трудов по результатам проведенных конференций, форумов и круглых столов, а также научную и учебно-методическую литературу (монографии, учебники, курсы лекций, учебные пособия, методические материалы и др.) в целях обеспечения образовательного процесса, научной деятельности профессорско-преподавательского состава Академии, а также практической деятельности следователей и сотрудников Следственного комитета Российской Федерации.

При Московской академии Следственного комитета Российской Федерации в 2016 г. создана военная кафедра, которая с 2019 г. преобразована в **Военный учебный центр (ВУЦ)**, который готовит офицеров запаса для органов и подразделений военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации по военно-учетной специальности 850400 Следственная работа (срок обучения — 2,5 года).

ВУЦ оснащен современными образцами военного и военно-учебного имущества, электронным и пневматическим тирами, стреловым плацем. Учебный процесс в военном учебном центре осуществляет квалифицированный профессорско-преподавательский состав, имеющий боевой и практический опыт службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, а также ученые степени и звания. При обучении особое внимание уделяется военно-патриотическому воспитанию студентов.

Студенты, успешно прошедшие обучение по программе военной подготовки и итоговую аттестацию, по окончании Академии приказом Министра обороны Российской Федерации зачисляются в запас с присвоением личного номера и воинского звания офицера — лейтенант юстиции.

Факультет подготовки следователей

Факультет подготовки следователей создан в 2019 году на базе факультета подготовки специалистов, когда с сентября 2014 года Академия приступила к реализации основной образовательной программы высшего образования — программы специалитета по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности» (квалификация (степень) «юрист»), очная форма обучения. Численность обучающихся по указанной программе составляет 662 человека.

В августе 2015 года первым деканом факультета была назначена капитан юстиции кандидат юридических наук **Е.И. Бычкова**, которая в настоящее время возглавляет кафедру государственно-правовых дисциплин.

В 2015 г. по программе специалитета была успешно пройдена государственная аккредитация образовательной деятельности и получено соответствующее свидетельство, что свидетельствует о ее полном соответствии федеральному государственному образовательному стандарту Российской Федерации.

В настоящее время декан факультета подготовки следователей — подполковник юстиции **Д.В. Алехин**, кандидат юридических наук, доцент.

В состав факультета входят кафедры:

- государственно-правовых дисциплин;
- гражданско-правовых дисциплин;
- гуманитарных и социально-экономических дисциплин;
- информационных технологий;
- русского и иностранных языков;
- уголовного права и криминологии;
- уголовного процесса;
- физической и специальной подготовки.

Основной акцент образовательного процесса на факультете делается на реализации компетентностного подхода, предусматривающего широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий в сочетании с внеаудиторной работой и практикой в следственных органах СК России. Овладев этими компетенциями, выпускник Академии будет способен применить полученные знания, умения и навыки на практике в стандартных и нестандартных профессиональных ситуациях и, в конечном итоге, сократить время вхождения в должность следователя.

Во исполнение распоряжения Председателя Следственного комитета А.И. Бастрыкина

от 25.01.2019 № 3/201р на факультете проводятся мероприятия по организации работы студентов в качестве общественных помощников следователей.

Успешно действует институт кураторства. За всеми учебными группами закреплены преподаватели кафедр факультета подготовки следователей, которые на постоянной основе проводят среди студентов воспитательно-патриотическую работу.

Таким образом, руководство и профессорско-преподавательский состав факультета подготовки следователей во взаимодействии с отделом воспитательной работы целенаправленно работает над решением поставленных задач по подготовке высококвалифицированных кадров для Следственного комитета.

Факультет подготовки криминалистов

Факультет осуществляет организацию обучения на базе высшего образования уровня бакалавриата или высшего профессионального образования, подтверждаемого присвоением квалификации «дипломированный специалист», по двум программам 40.04.01 Юриспруденция «Следственная деятельность» и «Криминалистическое сопровождение предварительного расследования преступлений», квалификация (степень) магистр. Программа магистратуры прошла аккредитацию в 2017 году.

Образовательная программа «Следственная деятельность» реализуется на очной форме обучения с 2016 года. По данной программе успешно окончили обучение 68 магистров, большинство из которых продолжают службу в различных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации.

О высоком уровне подготовки выпускников магистратуры свидетельствуют не только полученные ими две памятные золотые медали за отличное окончание образовательной организации высшего образования Следственного комитета Российской Федерации и 19 дипломов с отличием, но и положительные отзывы следственных органов Следственного комитета, а также успешное прохождение большинством магистров первичной аттестации.

Образовательная программа «Криминалистическое сопровождение предварительного расследования преступлений» реализуется по инициативе Председателя Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкина в целях подготовки из молодых следователей, имеющих стаж работы не менее двух лет, следова-

телей-криминалистов, отвечающих требованиям профессионального стандарта «Следователь-криминалист», утвержденного приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 23 марта 2015 г. № 183н «Об утверждении профессионального стандарта “Следователь-криминалист”».

Руководство факультетом с декабря 2016 года осуществляет доктор юридических наук, доцент, полковник юстиции **О.Ю. Антонов**, имеющий 20-летний стаж службы в органах внутренних дел и 5-летний опыт работы в территориальном следственном органе Следственного комитета.

В структуру факультета в этом году вошли две кафедры: криминалистики, судебно-экспертной и оперативно-разыскной деятельности, которые являются выпускающими кафедрами не только по программам магистратуры, но и по программе специалитета. Руководители и преподаватели кафедр имеют богатый опыт следственной работы или экспертной деятельности либо большой стаж службы в правоохранительных органах.

К проведению занятий по совместительству привлекаются практические работники: руководитель научно-исследовательского института криминалистики Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, полковник юстиции Бессонов А.А., и.о. директора Российского федерального центра судебно-медицинской экспертизы, доктор юридических наук, профессор Макаров И.Ю., доцент кафедры судебно-медицинской экспертизы Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова, доктор юридических наук, доцент Иванова Е.В., кандидат медицинских наук, доцент Соколова З.Ю., кандидат юридических наук Пичугин С.А.

В рамках обучения магистранты активно занимаются научно-исследовательской работой: за период 2017–2020 годов ими опубликовано более 400 научных статей, в том числе более 20 — в научных журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий для публикации результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Таким образом, в Академии ведется планомерная работа в целях обеспечения полноценного, практико-ориентированного образования второго уровня и получения магистрами профессиональных знаний, умений и навыков, необходимых для самостоятельной следственной

работы или соответствия квалификационным требованиям следователя-криминалиста.

Воспитательная работа

Обучающиеся специалитета и магистратуры Академии воспитываются в патриотическом духе. Такая работа осуществляется в тесном взаимодействии с *отделом воспитательной работы*.

На постоянной основе проводятся встречи студентов с ветеранами следствия, в рамках которых они делятся с обучающимися тонкостями профессии, передают свой опыт, особое внимание обращая на то, какими качествами должен обладать следователь. Проводятся шахматные турниры, демонстрация документальных фильмов, презентации книг.

Ежемесячно проходят встречи студентов с сотрудниками ГСУ СК России по г. Москве, ГСУ СК России по Московской области, Московского межрегионального следственного управления на транспорте СК России, признанными победителями и призерами в соответствующих номинациях конкурса «Лучший сотрудник Следственного комитета Российской Федерации».

С 2015 года обучающиеся принимают участие в реализации дополнительной общеразвивающей образовательной программы «Юный следователь» в Международном детском центре «Артек», а с 2018 г. во Всероссийском детском центре «Океан».

В Академии функционирует Студенческий совет, который включает в себя 5 секторов: культурно-массовый сектор, спортивный сектор, научный сектор, сектор, отвечающий за издательскую деятельность (СМИ), учебный сектор.

В Академии есть вокально-инструментальный ансамбль «Золотые погоны», который неоднократно участвовал в мероприятиях, проходящих как в Академии, так и в Следственном комитете. В репертуар ансамбля входят песни патриотической направленности.

Концертный хор Московской академии, за время своего существования ставший лауреатом I степени в VIII Международном открытом фестивале-конкурсе молодых исполнителей «Vivat Musica!», принял участие в VII Международном открытом фестивале искусств «Дню Победы посвящается...», который проходил на сцене Большого зала Консерватории.

В Академии создан Волонтерский центр. В рамках данного вида деятельности студенты факультета подготовки следователей ведут работу с детьми, проходящими лечение в Доме

милосердия Доктора Лизы, и с воспитанниками Центра содействия семейному воспитанию «Алые паруса». Обучающиеся не только оказывают помощь в уборке территории и помещений, но и посещают детей, оказывая им поддержку и помощь, поздравляют с праздниками. В непростое время эпидемии новой коронавирусной инфекции студенты-волонтеры помогают ветеранам решить медицинские и бытовые проблемы, закупают им продукты, лекарства.

Особое внимание уделяется мероприятиям, приуроченным к празднованию Дня Победы. Студенты осуществляют волонтерское сопровождение парадов Победы и народного шествия «Бессмертный полк», участвуют в акции «Георгиевская ленточка», «Спасибо каждому ветерану!». По результатам конкурса творческих работ «Без срока давности» одним из призеров стала студентка 5 курса Московской академии СК России *М. Ефремова*.

В настоящее время в Академии реализуется образовательный проект «Герой моей семьи, герой моей страны», организованный управлением кадров СК России при участии «Регионального благотворительного фонда содействия сохранению памяти о полководцах Победы» (Фонд памяти полководцев Победы, председатель — Наталия Ивановна Конева, дочь Маршала Советского Союза Ивана Степановича Конева).

Большое внимание уделяется формированию здорового образа жизни и спорту. Студенческая футбольная команда Академии принимает участие в матчах Молодежного чемпионата Amateur League U21. Проводятся турниры по настольному теннису. Функционирует волейбольная секция. Обучающиеся участвуют в чемпионатах России и мира по борьбе сумо, по плаванию, по джиу-джитсу и пауэрлифтингу. Принимают участие в Московском студенческом фестивале ГТО.

Факультет подготовки научно-педагогических кадров

На факультете подготовки научно-педагогических кадров обучаются аспиранты для написания и защиты диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук и сдачи кандидатских экзаменов.

Декан факультета — полковник юстиции *Д.Н. Кожухарик*, Почётный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Обучение в аспирантуре ведется по трем научным специальностям: 12.00.08 — Уголов-

ное право и криминология; уголовно-исполнительное право; 12.00.09 — Уголовный процесс; 12.00.12 — Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-разыскная деятельность.

Форма обучения — заочная, за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета. Срок обучения — 3,5 года.

В настоящее время в аспирантуре обучается 41 действующий сотрудник Следственного комитета.

Факультет повышения квалификации

Факультет повышения квалификации (ФПК) является структурным подразделением Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, обеспечивающим повышение квалификации и профессиональную переподготовку сотрудников Следственного комитета Российской Федерации путем реализации дополнительных профессиональных программ.

Декан факультета — полковник юстиции **В.В. Бычков**, Почётный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

В состав факультета входят:

1. Кафедра предварительного расследования (создана 4 февраля 2020 г.). Основная цель деятельности кафедры — обеспечение комплексной правовой подготовки и переподготовки специалистов в сфере предварительного расследования преступлений.

2. Кафедра управления и психологии следственной деятельности (Высшие академические курсы).

Кафедра управления и психологии следственной деятельности (Высшие академические курсы), до февраля 2020 г. — кафедра психологии и организации правоохранительной деятельности (Высшие академические курсы), — подразделение факультета повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, правопреемник одноименной кафедры (менеджмента деятельности следственного органа), образованной приказом Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 29.05.2012 в Институте повышения квалификации СК России.

Кафедра является основным структурным подразделением Академии, осуществляющим проведение учебной, методической, воспитательной и научной работы по вопросам управления

в следственных органах, психологии, а также этики следственной деятельности.

За 10 лет на факультетах повышения квалификации (включая филиалы) Академии по программам дополнительного профессионального образования прошли обучение более 25 тыс. сотрудников Следственного комитета различных категорий: руководители следственных органов и подразделений, их заместители, следователи, следователи-криминалисты, сотрудники процессуального контроля, помощники следователей и др.

В настоящее время профессорско-преподавательским составом разработаны и успешно реализуются 39 программ повышения квалификации сотрудников следственных органов СК России.

Филиалы Академии

В структуру Московской академии Следственного комитета входят три филиала с дислокацией в городах: Екатеринбург, Новосибирск, Хабаровск, в которых реализуются программы повышения квалификации сотрудников Следственного комитета.

Причем они имеют определенную направленность.

Екатеринбургский филиал специализируется на особенностях расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних.

В **Новосибирском филиале** повышают квалификацию следователи, расследующие преступления в сфере экономической деятельности, в частности налоговые преступления и связанные с захватом имущества, имущественных и неимущественных прав, денежных средств предприятий, так называемое рейдерство.

В **Хабаровском филиале** совершенствуют свою деятельность следователи, расследующие коррупционные преступления, в частности, в сферах государственных закупок, жилищно-коммунального, автодорожного хозяйства и здравоохранения.

Все специализированные программы сотрудники филиалов обеспечивают научной и учебно-методической литературой.

Кроме того, сотрудники филиалов организуют и проводят региональные научно-практические форумы, на которых обсуждаются проблемы в сферах их деятельности и вырабатываются пути их решения, внедряемые в учебный процесс.

УДК 340.13
ББК 67.022.1

Леонид Викторович ГОЛОСКОКОВ,
ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела
Московской академии Следственного комитета Российской
Федерации, доктор юридических наук, доцент
E-mail: l.v.goloskokov@mail.ru

Научная специальность: 12.00.01 — Теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

О МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА И ГОСУДАРСТВА¹

Аннотация. Накопление в государстве и его законодательстве разнородных проблем делает всё менее эффективным традиционный путь модернизации права и государства, которым является принятие новых законов и корректировка старых. Автор предлагает более активный путь модернизации государственных институтов, права, экономики и финансов — путь апробации новых конструкций государственных институтов и права в модельном государстве.

Ключевые слова: государство, право, модернизация, инновации, модельные законы, модельное государство, виртуальная модель, цифровая экономика, сетевая структура.

Leonid Viktorovich GOLOSKOKOV,
Leading Researcher of the Research Department
of the Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation, Doctor of Law
E-mail: l.v.goloskokov@mail.ru

ON MODERNIZATION OF MODERN LAW AND STATE

Abstract. The accumulation of diverse problems in the state and its legislation makes the traditional way of modernizing law and the state, which is the adoption of new laws and the correction of old ones, less and less effective. The author suggests a more active way of modernizing state institutions, law, economics and finance by approbating new designs of state institutions and law in a model state.

Keywords: state, law, modernization, innovation, model laws, model state, virtual model, digital economy, network structure.

Современное право развивается в рамках устоявшейся парадигмы, которую можно упрощённо представить в виде совокупности известных процедур: создание новых законов, коррекция действующих законов, большая длительность процесса, законодательная

инициатива, подготовка проекта, обсуждение законопроекта, принятие, подписание, публикация. Ещё 20—30 лет назад такое положение было естественным и приемлемым, но в последние годы длительность процедуры не обеспечивает своевременного появления новых законов, их проекты быстро устаревают, коррекция законов занимает всё большую долю работы законодателя. С.Б. Вепрев и С.А. Нестерович пи-

¹ Подготовлено при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

шут, что «международный терроризм приобрел новые — „информационные“ черты»², и тогда возникает вопрос, как с ним можно эффективно бороться, имея такое медленно создающееся «бумажное» право? Это внешняя сторона проблемы. Внутренняя сторона состоит в том, что эффективность (действенность, коэффициент полезного действия) законодательства снижается, что видно из статистики.

В 1991 году в СССР было примерно 250 законов, сегодня их более восьми тысяч, региональных законов — более ста шестидесяти тысяч. Их можно оценить ещё по объёму и сложности. Например, Гражданский кодекс РСФСР 1964 года в 1991 году состоял из 300 тыс. знаков, а один федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» имеет объём текста в пять раз больше, но данный закон проблемы банкротств не решил даже за счёт значительного усложнения законодательства, как не решили иные проблемы страны тысячи новых законов в иных сферах права.

Такого рода правовых сфер появилось достаточно. Пример — налоговая сфера. В СССР видов налогов было немного, собирались они относительно полно, нарушения были, но минимальными силами и средствами контрольно-ревизионных управлений они вскрывались, ущерб в основном возмещался, налоговой службы и полиции не было вообще. Сегодня мы прошли этапы существования налоговой полиции, налоговой службы, колоссального роста объёма и сложности налогового законодательства, создали электронные сети налоговой службы и казначейства, а налоги собираются не в полной мере, и за прошедший период было возбуждено огромное количество уголовных дел, связанных с неуплатой налогов. С.С. Бурынин даёт представление о современной ситуации: сумма ущерба по оконченным и приостановленным уголовным делам о налоговых преступлениях за 2019 г. составила 85 242 710 тыс. руб.³ Причин общего (не криминального) плана такого положения множество: упомянутая сложность законода-

тельства, институциональные ловушки, которые описал В. Полтерович⁴, и др.

Наука всегда предлагает какие-то решения. Так, Ю.А. Цветков предложил, как можно наладить эффективное сотрудничество между следствием и наукой⁵, и такая идея будет верной долгое время, а мы предлагаем использовать опыт технических наук и его новый механизм — искусственный интеллект (ИИ) для решения проблем государства и права.

Модернизация нужна в сфере государства и права, в экономике и финансах, а в таких новейших областях, как криптовалюта, технологии блокчейн, сетевые технологии и многие другие, нужно было двигаться с опережением, но мы традиционно отстаём даже в осмыслении новых явлений. Появление новых технологий поставило весь мир в такое положение, что не всегда ясно, где ждать от новаций плюсов, а где — крупных провалов. Тем не менее США и Канада пытались облагать налогами прибыль, полученную с помощью оборота биткоинов⁶, а другие, в числе которых и Россия, считали использование криптовалют рискованным⁷. Время всегда работает против государств медлительных и нерешительных, не имеющих концепций и стратегий развития.

Мы предлагаем, используя искусственный интеллект, создать работающую модель государства, отработать на ней способы самоорганизации граждан и иных субъектов, апробировать перспективные и при этом рискованные новации, а потом внедрять их в государстве реальном. Модельное государство в виртуальной форме может быть предназначено также для поиска технологий опережающего развития, методов перехода от сырьевой экономики к государству инновационного типа, которое, в отличие от существующего рентного государства, будет заниматься инновациями, а не только говорить об их необходимости четверть века, как это де-

² Вепрев С.Б., Нестерович С.А. Международный терроризм и информационные технологии // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 2. С. 86.

³ Бурынин С.С. Организационное обеспечение расследования налоговых преступлений: учебно-методическое пособие / под ред. Ю.А. Цветкова. М.: Московская академия СК России, 2020. С. 6.

⁴ Полтерович В.М. Институциональные ловушки: есть ли выход? // Общественные науки и современность. 2004. № 3. С. 5—16.

⁵ Цветков Ю.А. Проблемы и перспективы взаимодействия следственных органов с научным сообществом // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 2 (28). С. 99—105.

⁶ Воловик Е. Чего не хватает биткоину. Особенности налогообложения криптовалют // Финансовая газета. 2018. 12 февраля (№ 5).

⁷ Информация Банка России от 04.09.2017 «Об использовании частных «виртуальных валют» (криптовалют)» // СПС «КонсультантПлюс».

ляет Россия. Модельное государство может позволить искать и внедрять новые идеи и принципы, которые обеспечат рывок вперёд в современных условиях, когда медленная модернизация государства и права путём создания всё новых и новых законов на протяжении четверти века результатов не дала и видно, что не даст. Методов преодоления застоя, замедления темпов изобретательской и внедренческой деятельности пока не предложено, в сфере технологий отдельные проекты типа «Сколково» заметных результатов не дали, а в сфере таких феноменов, как государство и право, подобных проектов вообще нет.

Мы полагаем, что главная задача государства — всё время находиться в состоянии ускоренной модернизации всего и вся: техники и технологий, самого государства и его институтов, а также права, экономики, финансов, развития человеческого интеллекта и культуры, прав и свобод. Застой привёл к краху СССР, а неумение предвидеть, модернизировать свою внутреннюю и внешнюю политику, понимание мира, технику и технологии сводит со сцены истории одно государство за другим: Югославию, Ирак, Ливию и др. Модернизация государства только способом создания всё новых и новых законов конкретно в России привела к остановке прогресса в стратегическом и концептуальном направлении именно при колоссальном росте количества принятых стратегий. Право само по себе здесь оказалось бессильным.

Достижение устойчивого развития происходит как эволюционным путём, так и путём ускорения, которое происходило при реализации таких проектов, как атом, космос, компьютер, сети и т.п. Развитие идёт в пограничном слое между порядком и хаосом, где появляется шанс найти и создать что-то новое, а в науке такой сферой являются междисциплинарные и трансдисциплинарные исследования, где и происходят новые открытия.

Мы видим, что в государстве, его институтах права и экономики накопились неразрешимые проблемы, которые не дают развиваться десятки лет подряд. Так, Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации констатирует: «в глобальном рейтинге привлечения талантов Россия находится в шестом десятке стран, выступая в роли донора человеческого капитала для мировой науки»⁸; «государ-

ственные инвестиции в человеческий капитал фактически обеспечивают рост конкурентоспособности других экономик, вследствие чего возможности удержания наиболее эффективных учёных, инженеров, предпринимателей, создающих прорывные продукты, существенно сокращаются в сравнении со странами, лидирующими в сфере инноваций»⁹.

Далее Стратегия ставит задачу «эффективного освоения и использования пространства, в том числе путём преодоления диспропорций в социально-экономическом развитии территории страны», а также «укрепления позиций России в области экономического, научного и военного освоения космического и воздушного пространства, Мирового океана, Арктики и Антарктики»¹⁰.

Всё это правильно, но почему не освоить ещё и виртуальное пространство? Потому что нет понимания, что это такое и для чего оно нужно. Идея модельного государства показывает путь освоения виртуального пространства и извлечения из него максимальной пользы, и это возможно путём использования сетевого формата организации людей — путём создания виртуального «государства», то есть государства без территории. Для модельного государства важны связи между субъектами, правила их взаимодействия между собой и в целом с модельным государством. Эта сеть связей и будет регулироваться правом модельного государства. Это право предстоит создать с нуля специально для него. В эксперименте по созданию новой системы цифрового, сетевого права можно как опираться на опыт всех государств мира, так и создавать нечто принципиально новое, характерное для современных, быстро возникающих отношений на основе электронных сетей.

В России, взявшей курс на построение цифровой экономики, ничего не было сказано о соответствующем ей «цифровом праве». По умолчанию предполагается, что право будет традиционное, существующее, однако выше мы показали, что правовая система России буксует при разработке новых конструкций сетевой, цифровой экономики вне зависимости от изменяющихся названий экономики. До цифровой экономики была сетевая экономика, курсы которой читались в университетах более десяти лет. Мир виртуальной реальности, электронных сетей и цифровая экономика требуют принци-

⁸ Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 49. Ст. 6887.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

пиально новых подходов в правовом регулировании, но государство не в состоянии принять решение о переходе к цифровому или сетевому праву, поскольку нет понимания, что это такое и как это будет работать. Такие идеи и нужно генерировать и обкатывать в модельном государстве, здесь мало написать учебник «Цифровое право»¹¹, опираясь на прошлые представления, нужно менять реальные отношения и заново строить их на новых принципах, а написанием учебников это сделать невозможно.

Действующее государство — слишком дорогой для экспериментов субъект и одновременно объект эксперимента, и любая ошибка может оказаться фатальной. То же касается и права, экономики, финансов, промышленности, которые все тесно связаны. Остаётся применять метод, освоенный инженерами, — проводить эксперименты, испытывать теоретические идеи не на настоящем объекте, а на его модели. Инженеры испытывают модели автомобилей, самолётов и таким образом исследуют их прочностные и другие характеристики, позволяющие в конечном итоге усовершенствовать изделие.

Юристы пока едва обозначили такой метод. Есть узкая область, которая напоминает о данном методе, но, скорее всего, только своим названием. Это область правотворчества модельных актов разного уровня, к которым относятся, например, Постановление № 10-4.2 Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности «О модельном законе ОДКБ „О гуманитарной помощи“»¹², а всего таких документов около двух сотен. В этой узкой сфере идёт своя неспешная работа.

Для быстрого осмысления новых динамичных отношений в электронных сетях, в сфере цифровой экономики и создания новых правил нужен другой инструмент, обеспечивающий скорость понимания новых реалий, быстрое внедрение новаций, безопасность, опережающее мышление и действие, и его идея такова. Модельное государство позволяет опробовать новые методы, принципы, законы, новые сетевые

технологии управления людьми и другими его субъектами с целью нахождения пути преобразования нынешнего рентного государства в государство инновационное, которое получит выход на новый технологический уклад. Вместе с тем модельное государство может сформировать среду, которая создаст предпосылки для постепенной социокультурной перекодировки граждан, привыкших к безответственному поведению по отношению к себе и к государству, отчуждённости от управленческих государственных процессов на всех уровнях власти — от федерального до муниципального, и для воспитания у них ответственности за новое общее дело, в котором у них будет личный интерес. В глобальном плане модельное государство может быть инструментом опережающего действия, в отличие от российского государства, действующего внутри и во внешней политике, как правило, только в ответ на вызовы.

Рассмотрим, какое право должно быть в модельном государстве, если его рассматривать как прообраз государства с развитой цифровой экономикой. Нынешнее право показало предел своего развития, когда оно перестаёт эффективно регулировать всё в целом (мы не берём отдельные его области, где регулирование идёт, хотя тоже с падением эффективности). Критерий такой оценки простой и надёжный — нет роста благосостояния народа, но есть ухудшение многих сфер жизни — пенсионной сферы, образования, медицины, появление огромного класса бедных — всё то, что стало отправной точкой последней предвыборной программы Президента РФ В.В. Путина и обеспечило его победу. В модельном государстве право должно быть создано заново, с учётом накопленного опыта, но это не значит, что объём законов должен будет превзойти всё написанное ранее. Напротив, нужно прийти к максимальной компактности, помня известное высказывание А. Барака: «Право движется как маятник, колеблясь между правилами и принципами, причём новое право движется от правил к принципам»¹³. В нашем случае должен произойти переход от бесчисленных правил (законы и другие нормативные правовые акты) к относительно немногим принципам. Право должно сжаться и показать эффективность не за счёт количества законов, а за счёт нового качества и новых принципов.

Устройство модельного государства. Оно должно быть виртуальным и сетевым по форме и

¹¹ Цифровое право: учебник / [А. Дюфло, Л.В. Андреева, В.В. Блажеев и др.]; под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). М.: Проспект, 2020. 640 с.

¹² Постановление № 10-4.2 Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности «О модельном законе ОДКБ „О гуманитарной помощи“»: принято в г. Санкт-Петербурге 13.10.2017 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Барак А. Судейское усмотрение: пер. с англ. М.: Норма, 1999. С. 352.

инновационным по содержанию и цели. Гармония между вертикалью власти и сетевым устройством должна проявляться в грамотном распределении задач государства между центром и локальными центрами. Российская вертикаль власти передала неудобные для неё полномочия в регионы, ответственность переложила на регионы, а финансами их не обеспечила, поэтому проблемы не решаются. Это ошибка управления, чреватая появлением экстремальных ситуаций. Виртуальное государство позволит с нуля создать оптимальную структуру управления, основанную на сетевом принципе построения и вовлечении в общую работу всех активных граждан, а также решить проблемы, известные в науке управления как принцип Л.Д. Питера, закон самовозрастания бюрократизма управленческих организаций, первый и третий законы С.Н. Паркинсона, игнорирование которых, в частности, привело к краху СССР.

Поскольку модельное государство будет виртуальным, оно не имеет территории, границ, военных, правоохранительных и других видов расходов, присущих реальному государству. Это недостижимое для реального государства преимущество, которое надо использовать. Если говорить о юридическом понятии формы правления, то ясно, что никакие известные формы правления в чистом виде для модельного государства не подходят, поэтому нужно будет создавать новую форму под его глобальные цели: ускоренное инновационное развитие, принцип справедливости, опережающее мышление и действие, если цели изложить только основные и кратчайшим образом. Вообще говоря, весь научный мир ищет конвергентные модели развития, понимая, что век капитализма на исходе.

Ближайшей к искомому варианту является президентская республика, и тогда от неё в нашей модели можно использовать принципы выборности, коллегиальности государственных органов, законности, сменяемости должностей исполнительной власти. Но основной акцент нужно сделать на происхождении термина «республика», учитывая его перевод с латыни как «общее дело». В российском государстве общего дела нет, как нет и глобального мирового проекта. И то и другое было в СССР одновременно в виде поэтапного строительства социализма и коммунизма, всё это было утрачено при смене социалистического пути развития на капиталистический, и ничего нового взамен так и не предложено. В рамках модельного государства можно создать свои правила, спроециро-

вать их в мир и перестать играть по чужим правилам.

Общим делом может стать перевод российского государства на инновационный путь развития, когда для каждой личности, участвующей в модельном государстве, а в идеале мы должны постепенно привлечь в проект всех граждан, будет действовать принцип: лично участвую, лично финансирую своими средствами, лично контролирую всё, лично несу ответственность, получаю дивиденды от инновационного процесса и внедрения изобретений, а также удовлетворение от участия в общем деле строительства своего государства.

Такой принцип приводит к невозможности существования модельного государства в чисто научном формате (внутри компьютера в виде программы), где всё будет моделироваться на компьютерах или производиться в форме знакомой для вузовских юристов игровой модели учебно-тренировочного судебного процесса. Моделировать на компьютерах нужно обязательно, для этого должен быть задействован в полной мере инструмент под названием «искусственный интеллект», который просчитает наилучшие варианты (модели) развития как объекта под названием «государство», так и объекта под названием «право», но далее наилучшую модель нужно будет сделать действующей, а именно, реальные инвестиции должны собираться, изобретения делаться, отбираться, внедряться в определённой последовательности с учётом стоимости конкретного проекта, выгоды, рисков и других параметров. Такой подход потребует создания многочисленных и разнообразных бизнесов, масштабирования проекта, постоянного расчёта рисков и их минимизации научными методами, применения известных методов внутреннего аудита, Due Diligence, комплаенс-контроля и задействования всего потенциала науки и практики риск-менеджмента.

После компьютерных расчётов искусственного интеллекта и определения наилучшей модели государства и соответствующего ему права можно будет начинать строить новое государство в натуре. Для этого могут быть использованы известные принципы управления: принцип транспарентности, подотчётности, подконтрольности, ответственности, принцип эффективности, перманентности, оптимального сочетания децентрализации и централизации, принцип устойчивости и стабильности, принцип рациональности, адекватности, принцип оптимальности Парето — Уинстона, принцип требу-

евого разнообразия Эшби¹⁴ и др. Задача науки и практики — использовать их вместе с теми принципами, которые будут касаться особенностей управления в сетевой среде субъектов.

Действующая модель государства (натурная) должна расширяться количественно и качественно, приносить доходы, налоги государству и прибыль участникам. Должно возникнуть два государства: одно — чисто модельное (внутри компьютера, цифровой двойник), а другое — натурное. При этом в цифровом двойнике искусственный интеллект может беспрепятственно экспериментировать, предлагать варианты развития, а переносить их или не переносить в действующее (натурное) государство будут люди. Так может происходить дальнейшее развитие государства и права — от модели к натуре. Все участники (главные из которых — граждане) должны быть мотивированы на интенсификацию процесса будущими дивиденда-

ми. Основные движущие силы развития модельного государства: 1) идея, которую в самом общем виде можно представить как личное участие в общем деле по развитию своего собственного государства; 2) личный финансовый интерес участника получать больше дивидендов от всего проекта в целом и доходов (или зарплаты) от участия в конкретном созданном бизнесе.

Только правильно сформулированные ценности (а ценности — это не правовая и не экономическая категория), а также нейтральная, срединная идея без привнесения в проект религиозных, национальных и иных разъединяющих мотивов способны привлечь в него множество людей с самими разными убеждениями и обеспечить приток капитала, идеи в области техники и технологий в любых областях, новые и прорывные идеи в области управления государством.

¹⁴ Понкин И.В. Общая теория публичного управления: правовые основы, цели, принципы, инструменты, модели и концепты публичного управления: лекционный курс / Российская акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ, Ин-т гос. службы и управления. М.: Буки-Веди, 2016. С. 84—88.

УДК 343.1(091)
ББК 67.3(2)4

Илья Вадимович ТАРАСЕНКО,
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: tarasenko.55@mail.ru

Научная специальность: 12.00.01 — Теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ДОКАЗЫВАНИЕ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ XV—XVII СТОЛЕТИЙ

Аннотация. В статье на основе изучения письменных источников, работ историков права различных поколений дается обобщенный анализ проблем доказательств и доказывания в российском уголовном процессе XV—XVII столетий.

Ключевые слова: разыскной (инквизиционный) процесс, доказательства, доказывание, преступление, разбой, Судебник 1497 г., Судебник 1550 г., Соборное уложение 1649 г., XV—XVII вв., Московское государство.

Ilya V. TARASENKO,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
E-mail: tarasenko.55@mail.ru

ON EVIDENCE IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE XV—XVII CENTURIES

Abstract. Basing on the study of written sources, works of historians of law of different generations, the author of the article gives a general analysis of the problems of evidence and proof in the Russian Criminal Proceedings of the XV—XVII centuries.

Keywords: investigative (inquisitional) process, evidence, proof, crime, robbery, 1497 Law Code (Sudebnik), 1550 Law Code (Sudebnik), 1649 Law Code, XV—XVII centuries, Moscow State.

В XV—XVII вв. в Московском государстве гражданские дела, дела о крепостном состоянии по-прежнему рассматривались в рамках судебного или обвинительного (или частно-состязательного) процесса, все основные характеристики которого сформировались еще в эпоху Русской Правды, уставных и судных грамот.

Производство по делам об общеуголовных преступлениях, в первую очередь разбое, татьбе (в то время аналог современным краже и грабежу) и смертоубийстве, стало осуществляться в разыском, или инквизиционном, уголовном процессе.

Основные характеристики разыскного процесса заключались в следующем: уголовное преследование осуществлялось уполномоченными государством органами и лицами в публичном или частно-публичном порядке; функции рас-

следования преступления, обвинения, защиты и судебного разрешения дела находились в руках одного, уполномоченного государством, должностного лица; судебное производство не было отделено; обвиняемый или подозреваемый (законодатель того далекого времени не делал разницу между этими участниками процесса) являлся объектом, а не субъектом процесса и практически никакими процессуальными правами не обладал; для разыскного процесса было характерно тайное и письменное производство.

Заместитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации, профессор А.В. Федоров в одной из своих статей подчеркивал: отличительной чертой разыскного процесса являлось то обстоятельство, что досудебное расследование преступлений и розыск преступников осуществлялись государственными

органами и должностными лицами, выполнявшими наряду с решением этих задач и другие функции, в том числе и государственного управления¹.

Розыск по делам о подобных преступлениях должностные лица: губные старосты, воеводы, доводчики и др. — вели под контролем центральных органов власти Московского государства (Боярской думы и приказов) и, как правило, докладывали о каждом своем шаге в расследовании отписками на имя государя, а в дальнейших действиях руководствовались указаниями из Москвы. Подобную особенность розыскного процесса московского времени доктор исторических наук Д.О. Серов квалифицировал как его ревизионно-решающий характер².

В рамках розыскного процесса сложилась система доказательств и доказывания, коренным образом отличавшаяся от той, которая была присуща частно-состязательному процессу. Доктор юридических наук С.Ю. Косарев в своей монографии «История и теория криминалистических методик расследования преступлений» сформулировал сущностные черты доказывания в розыскном процессе следующим образом: «При этой форме процесса обязанность собирать по делу доказательства, как изобличающие обвиняемого, так и оправдывающие его, принимает на себя государство. В ходе разбирательства выстраивалась особая система судебных доказательств, так называемая система формальных или легальных доказательств. В случае непризнания вины обвиняемым применялись разнообразные пытки в целях получения признания в содеянном, которое признавалось лучшим из всех доказательств („дарицей доказательств“). Пытки были самым распространенным способом „установления“ уголовной истины, устранив собой затруднения по достоверному изобличению преступника устаревшими доказательствами: ордалиями и т.п. Свидетельские показания в инквизиционном процессе оценивались по формальным признакам; особое значение при этом придавалось не существу показаний, а личности свидетелей, которые в любом случае

давали свои показания после принесения ими присяги, считавшейся гарантией правдивости свидетельских показаний. В качестве других, менее значимых доказательств рассматривались результаты осмотра, обыска и документы»³.

От эпохи Московского царства до нас дошел достаточно солидный массив документов, устанавливающих процессуальные нормы розыска по «делам разбойным, татебным и убийственным»: Судебники 1497 и 1550 гг., Уставная книга Разбойного приказа 1555 г. (приказ руководил производством по указанным делам в масштабах всего государства), Соборное уложение 1649 г., Новоуказные статьи 1669 г., ряд губных грамот (указания царя, регламентирующие деятельность губных учреждений); а также обширная переписка воевод, губных старост с центральными органами власти, касающаяся производства в рамках розыскного процесса.

Изучение указанных документов дает возможность проанализировать основные виды доказательств в розыскном процессе, а также процессуальные нормы, регулирующие их собирание, проверку и оценку.

Характерный для розыскного процесса принцип формальной оценки доказательств означал, что сила, «вес» и значение каждого доказательства определялись по внешним, формальным признакам, в соответствии с определенными условиями, установленными законом. То есть значение доказательства заранее устанавливалось законом, а не судьей при производстве розыска или в ходе судебного заседания.

Самым весомым, значимым доказательством считалось признание обвиняемым вины. Наличие признания обвиняемого освобождало лицо, ведущее розыск (в большинстве случаев это лицо выносило и судебное решение по делу), от подтверждения его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств, как этого требует сегодня п. 2 ст. 77 УПК РФ⁴, и было достаточным для вынесения обвинительного приговора.

Уже в XV—XVI вв. уголовное право Московского государства делало разницу между своевольным сознанием в совершении преступления и сознанием, вынужденным пыткой.

¹ См.: Федоров А.В. 300 лет «майорским» следственным канцеляриям как первой системе российских самостоятельных следственных органов // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 4. С. 17—18.

² См.: Серов Д.О. Ревизионно-решающий порядок в уголовном процессе России конца XV — первой четверти XVIII вв. // Журнал российского права. 2008. № 6. С. 102—109.

³ Косарев С.Ю. История и теория криминалистических методик расследования преступлений: монография. СПб: Юридический центр Пресс, 2006. С. 16—17.

⁴ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

Законодатель того далекого времени в ст. 10 Судебника Ивана III 1497 г. и ст. 55 Судебника Ивана Грозного 1550 г.⁵ ввел норму, согласно которой дело преступника, задержанного с поличным (вещественное доказательство, как правило похищенное имущество) в момент совершения первой татьбы, рассматривалось в обвинительном процессе и он подвергался торговой казни (битье кнутом), был обязан возместить истцу материальный ущерб и заплатить продажу (штраф) государю. В случае вторичного совершения этого же преступления на основании ст. 11 и ст. 56 соответственно обвиняемый подлежал смертной казни. Эта же норма была подтверждена ст. 10 Уставной книги Разбойного приказа 1555 г.⁶

В соответствии со ст. 25 Судебника Ивана Грозного 1550 г., в случае если человек обвинялся, хотя бы и не впервые, частным лицом в разбое (хищение, связанное с применением насилия) и татьбе и сам признавал совершение им одного из этих преступлений, но не признавал второго, то его дело также рассматривалось в обвинительном, а не в розыском процессе, и он имел право представить суду свидетелей в свою пользу и при недоказанности второго преступления подвергался денежному штрафу или иному наказанию, указанному государем.

Если же обвиняемый делал признание в совершении повторной татьбы под пыткой, то согласно ст. 56 Судебника 1550 г. он безусловно подвергался смертной казни.

Соборное уложение 1649 г. фактически абсолютизировало собственное признание под пыткой как главное доказательство вины⁷. В соответствии со ст. 9—18 главы XXI любой преступник, обвиняемый в совершении татьбы, разбоя или убийства, подвергался пытке. При этом если обвиняемый под пыткой признавался в совершении только первого разбоя; первой или второй татьбы, не сопряженных с убийством, то он подвергался торговой казни, чле-

новредительским наказаниям, тюремному заключению (за вторую татьбу на более длительный срок) и возмещал материальный ущерб потерпевшему. В случае обвинения в совершении татьбы в третий и более раз, независимо от признания вины под пыткой, преступник подлежал смертной казни. Если обвиняемый в разбое или татьбе при расспросе (допросе) под пыткой признавался, помимо названных преступлений, в совершении убийства, то его деяния также карались смертной казнью.

Ст. 28 гл. XXI Соборного уложения предписывала по лицу, обвиняемому в совершении татьбы или разбоя и не давшему признательные показания ни своевольно, ни под пыткой, проводить повальный обыск и осуществлять дальнейшее производство по делу в соответствии с его результатами.

Ст. 72 гл. XXI Соборного уложения предусматривала возможность предания смертной казни обвиняемого в умышленном убийстве даже при отсутствии собственного признания, если по мнению судьи его вина была безусловно очевидна («сыщется про то допряма») на основании иных доказательств.

В Новоуказных статьях 1669 г. законодатель ввел норму, имевшую целью более активно побудить преступника к своевольному признанию своей вины, не смягчая установленного законом наказания, но гарантируя избавление от мук пытки. В ст. 8 записано: «А приведут татя, а доведут на него одну татьбу, а он в той татьбе в расспросе без пытки повинится: и его расспрашивать накрепко и в иных татьбах с пристрастием, а не пытать, и посадить его в тюрьму на две недели...»⁸ Если в течение этого времени на обвиняемого не поступало челобитных о других совершенных им татьбах, то он приговаривался к торговой казни и отсечению руки. Отказ же от своевольного признания вины в первой татьбе автоматически влек за собой применение расспроса под пыткой. Аналогичная норма была установлена и в отношении лиц, впервые совершивших разбой.

Вторым видом доказательств являлась «язычная молка», которая по своей сути, но не по способу получения, частично совпадает с современными показаниями обвиняемого, подозреваемого.

⁵ См.: Судебник 1497 г. // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина: [сайт]. URL: <http://музейреформ.рф/node/13625> (дата обращения: 02.05.2020); Судебник 1550 г. // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина: [сайт]. URL: <http://музейреформ.рф/node/13628> (дата обращения: 02.05.2020).

⁶ См.: Уставная книга Разбойного приказа // Хрестоматия по истории русского права / сост. М. Владимировский-Буданов. 3-е изд. В 3 вып. Вып. 3. Киев; СПб, 1889. С. 48.

⁷ См.: Соборное уложение 1649 г. // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина: [сайт]. URL: <http://музейреформ.рф/node/13632> (дата обращения: 02.05.2020).

⁸ См.: Новоуказные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. Т. 1: С 1649 по 1675. СПб, 1830. С. 775.

Если при расспросе под пыткой подозреваемый давал показания на соучастников совершенного им преступления или на лиц, совершивших иные преступления, то эти показания, или «оговор», назывались «язычной молвкой» или «молкой», а сам подозреваемый или обвиняемый, давший показания, — «языком». Процессуальные нормы использования язычной молки в качестве доказательства устанавливались ст. 14 Судебника 1497 г., ст. 57 Судебника 1550 г., ст. 4—9, 19, 20 Уставной книги Разбойного приказа 1555 г., ст. 8, 21, 23, 39, 40, 41, 93 гл. XXI Соборного уложения 1649 г.

Язычная молка признавалась недействительной, если тати и разбойники оговаривали не под пыткой, а во время длительного, более полугода, тюремного заключения. Молка не принималась судьей к сведению и в том случае, если языки оговаривали в преступлениях лиц, передавших их в губную избу (орган управления губой — административно-полицейской территориальной единицей).

В случае наличия одной язычной молки лицо, ведущее розыск, в соответствии со ст. 4 Уставной книги Разбойного приказа было обязано провести между языком и оговоренным очную ставку: «А на которого человека в расспросе и с пытки язык говорит в разбое или в татьбе, и на очной ставке его опознает и учтет на него говорить с очей на очи тоже...»⁹

Если оговоренное лицо не признавало вину, то оно передавалось на поруку общине (деревенской, сельской, уличной и др.), членом которой являлось, и по нему назначался повальный обыск, результаты которого определяли дальнейший ход дела. В случае признания вины в ходе очной ставки это лицо становилось обвиняемым и в отношении него начинался розыск.

Статья 14 Судебника 1497 г. вводила норму, в соответствии с которой, если оговоренный («прирочный человек») ранее совершал преступление и имелись доказательства («довод») совершения им преступления, то он подвергался пытке на основании даже одной язычной молки: «**О татиных речех.** А на кого тать возмолвит, ино того опытати: будет прирочной человек з доводом, ино его пытати в татьбе; а не будет на него прирока з доводом в какове деле в прежнем, ино татиным речем не верити, дати его на поруку до обыску»¹⁰.

Если 2 или 3 языка оговаривали кого-то в разбое на пытке, то оговоренного следовало под-

вергнуть пытке. «А будет, — записано в ст. 40 гл. XXI Соборного уложения, — которые разбойники два, или три человеки с пыток учнут говорить на кого в разбое на причинных людей, и тех причинных людей по язычным молкам и без обыску пытати, и указ им чинити, до чего доведется»¹¹.

Если обвиняемый языками и с пытки на себя ничего не показывал, то предписывалось провести по нему повальный обыск. При условии, что по результатам обыска он признавался добрым человеком, за ним следовало освобождение его на поруку и ему выдавалась грамота о невинности.

В случае, когда язык обвинил кого-то в разбое, но при повальном обыске половина обыскных людей признала обвиняемого лихим человеком, а половина добрым, обвиняемого следовало подвергнуть пытке. Если он на пытке не признавал себя виновным, то подлежал освобождению на поруку.

Вместе с тем при царе Федоре Иоанновиче в конце XVI столетия в ст. 9 Уставной книги Разбойного приказа законодатель установил норму, в соответствии с которой при отсутствии признания со стороны обвиняемого при применении к нему пытки, на основании одних только язычных молк он приговаривался к пожизненному заключению.

В вышеуказанных нормативных правовых актах также содержится норма, предписывающая судье не учитывать при разрешении дела отказ языка от сделанной молки на третьей пытке (если на двух предыдущих он ее заявлял) или при следовании языка к месту казни.

Сопоставительный анализ документов XV—XVII вв. дает возможность сформулировать существовавшие в то время основания для применения расспроса под пыткой с целью получения признательных показаний от обвиняемого, получения язычной молки, установления количества добытого разбоем, татьбой или сожжением имущества для определения пени, которая должна была быть взыскана с обвиняемого.

Основания применения пытки в розыске были следующими: подозреваемый задержан по результатам повального обыска, признавшего его лихим человеком; обвиняемый приведен с поличным; на подозреваемого или обвиняемого имелись язычные молки от 2—3 языков; обвиняемый был задержан в момент совершения разбоя; обвиняемый — крепостной крестьянин или холоп, обвиненный в совершении преступ-

⁹ Уставная книга Разбойного приказа. С. 45.

¹⁰ Судебник 1497 г.

¹¹ Соборное уложение 1649 г.

ления своим господином; обвиняемый являлся бродягой, которого оговорил хотя бы один язык; обвиняемый совершил государственное преступление.

По разбойным, татебным и убийственным делам обвиняемого нельзя было подвергать пытке более трех раз.

Необходимо отметить, что в некоторых наиболее ранних нормативных правовых документах содержится позже исчезнувшая норма, предусматривавшая проведение расспроса под пыткой в присутствии наиболее авторитетных представителей вотчинной или губной администрации, а также местного населения, выполнявших как бы процессуальную функцию понятых. Так, например, Губная грамота 1540 г. предписывает: «...а у пытки б стоял дворской да целовальники и лутчие люди... и те б у вас речи (показания обвиняемых под пыткой — *И. Т.*) писал дьяк земской, а вы б к тем речем руки свои прикладывали...»¹²

Следующим и, пожалуй, наиболее важным после собственного признания видом доказательства в российском розыском процессе рассматриваемого периода являлись результаты повального обыска.

Суть повального обыска заключалась в опросе уполномоченным лицом, например губным старостой, сыщиком, воеводой, недельщиком и др., 10—20 опросных (обыскных) людей из населения местности, где совершено преступление, с целью получения информации о совершенном или готовящемся преступлении, а также о лицах, совершивших или способных его совершить¹³.

Первоначально, в XV—XVI вв., главной задачей повального обыска преимущественно было получение сведений о том, совершал ли обвиняемый ранее какие-либо преступления или проступки, нарушавшие установленные нормы общежития, — то есть мог ли он, с учетом его повседневного поведения, совершить преступ-

ление? Если ответ был положительным, это означало, что обыскные люди обвиняемого «облиховали» — признали лихим человеком, и тогда следующим шагом в расследовании становилось применение к нему пытки, а итогом розыска становился смертный приговор.

Ординарный профессор Императорского Московского университета по кафедре русского законодательства, историк И.Д. Беляев в одной из своих работ пришел к заключению, что Судебник 1497 г. «назначает наказание не по качеству самого преступления, а по степени виновности преступника, т.е. смотря потому, первый или не первый раз уличается в преступлении преступник»¹⁴.

Если опросные люди помимо того, что признавали человека лихим, приводили доказательства совершения им преступления, то такой преступник именовался «ведомым» лихим человеком с доводом (доказательством) — рецидивистом, и, соответственно, его ждало более тяжелое наказание.

Таким образом, законодатель придавал обстоятельству, характеризующим личность обвиняемого, значение одного из решающих доказательств в розыском следствии, поэтому мы вполне можем заключить, что содержание п. 3 ч. 1 ст. 73 действующего УПК РФ имеет достаточно глубокие исторические корни.

В XVII столетии на первое место в качестве задачи повального обыска выходит подтверждение или отрицание обыскными людьми факта совершения конкретным обвиняемым конкретного преступления.

Новоуказные статьи 1669 г. (ст. 118—120)¹⁵ помимо обязанности проводить повальные обыски предписали представителям наиболее зажиточных слоев населения: детям боярским, дворянам, горожанам, свободным сельским жителям — кроме священнослужителей — периодически подавать в Разбойный приказ «сказки» (письменные донесения) о совершаемых в округе разбоях и татьбе. Священнослужители подавали сказки иерархам, имевшим право суда духовных лиц и людей, проживающих на землях, принадлежавших церкви.

Для розыского процесса были характерны нерешительные приговоры. Так, если обвиняемый в повальном обыске признавался добрым

¹² 1540 августа 31. Губная Соль-Галицкая грамота, с предоставлением соль-галичанам права судить и казнить смертью разбойников // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедицией Императорской академии наук: в 4 т. Т. 1: 1294—1598. СПб, 1836. С. 169.

¹³ О процессуальных нормах проведения повального обыска более подробно см.: Тарасенко И.В. О повальном обыске в розыском процессе Московского царства XV—XVII веков // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 3. С. 41—47.

¹⁴ Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. М.: Типолитограф. С.А. Петровского и Н.П. Панина, 1879. С. 521.

¹⁵ Новоуказные статьи о татебных, разбойных и убийственных делах. С. 798—799.

человеком, то он передавался на поруку общине, к которой принадлежал, и обыскным людям, которые его одобрили. Община в этом случае брала на себя ответственность за обеспечение ненарушения закона взятым на поруки, а в случае совершения им преступления обязывалась возместить материальный урон потерпевшему и представить преступника властям для производства розыска.

Достаточно наглядно подтверждают вышеприведенное суждение ст. 36 и 37 гл. XXI Соборного уложения:

«36. А будет кого в обысках одобряют, и его по обыском дати на чистую поруку з записью, за тех же обыскных людей, которые его в обыску добрили, в том, что ему впредь не красти и не розбивати, и лихим человеком татем и розбойником приезде к себе не держати, и татинья и розбойныя рухляди не перекупати, и иным никаким воровством не воровати. <...>

37. А которой оговорной человек дан на чистую поруку, а за порукою учнет каким воровством воровати, и того человека поймати и указ ему чинити по тому же, до чего доведется, а на порутчиках его взяти выть (денежная или имущественная компенсация материального ущерба, нанесенного потерпевшему — *И. Т.*) потому, что за их порукою воровал»¹⁶.

В качестве доказательства также использовались результаты «постановки с очей на очи», или очной ставки. При этом необходимо подчеркнуть, что данное протоследственное действие было одновременно аналогом и современной очной ставки, и опознания. Постановка с очей на очи следовала непосредственно за получением язычной молки или простого оговора. В ходе нее ведущее розыск лицо не только требовало от языка повторить свои показания в присутствии оговоренного и ответить на все его вопросы, но предварительно опознать оговоренное лицо среди представленных нескольких людей. Ст. 12 Уставной книги Разбойного приказа предписывала языку, не узнавшего оговоренного среди нескольких людей, «накрепко пытати» с целью установить причину необоснованного оговора или причину сознательного неопознания оговоренного. Если язык оговор свой «сговаривал» (отказывался от него), то по оговоренному в обязательном порядке проводился повальный обыск.

Данная норма была подтверждена ст. 44 гл. XXI Соборного уложения: «А на которых

людей языки говорят в розбое за очи, а с очей на очи на них говорити не учнут, и во многих людех их не узнают, или узнав их, да учнут с них зговаривать, и тех языков пытати накрепко, не по засылке ли (сговору — *И. Т.*) их не узнали или узнав зговаривают. Да будет с пытки скажут, что их поклепали (оговорили сознательно необоснованно — *И. Т.*), и тех людей давать за приставы, и про них обыскати. А в обыску про них скажут, что они лихие люди, и тех людей пытати»¹⁷.

Следующим видом доказательства в розыском процессе являлись показания иных участников процесса. Потерпевшие, как правило, первоначально давали свои показания в форме явочных челобитных, подаваемых лицам, уполномоченным для производства по делу.

Так, например, в 1613 г. суздальскому воеводе поступила явочная челобитная от вдовы служилого человека Анны Афанасьевны Плоховой¹⁸.

Потерпевшая в челобитной приводила данные о том, что за неделю до Масленицы, в ночь с субботы на воскресенье, она стала жертвой грабежа. Преступление было совершено приказчиком князя Ф.А. Татеева Недьяком Ивановым из села Осепова Ростовского уезда и бывшими с ним княжескими дворовыми людьми Пятункой Брыкаловым и Саввою Доводчиковым, помимо того в грабеже принимали участие несколько крестьян князя Ф.А. Татеева и беглые крестьяне самой потерпевшей Тишка Ульянов и Дружинка Сидоров. Далее в челобитной перечислялось похищенное имущество: денежные суммы, ювелирные изделия, запасы зерна, лошади и др. — на общую сумму 120 рублей и 25 алтын. Кроме того, преступники изъяли с применением физического насилия у двух крестьян помещицы денег и животных (любое движимое и недвижимое имущество — *И. Т.*) на сумму 16 рублей 25 алтын — список похищенного был приведен полностью. Грабители также увели с собой с использованием силы 2 крестьянские семьи — 8 человек. В завершение явочной челобитной пострадавшая просила воевод учинить розыск по делу о разбое.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: 1613 марта 4. Явка вдовы Анны Плоховой на разных крестьян, о грабеже и побоях // Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства / изданы Археографическою комиссией. СПб., 1838. С. 94—95.

¹⁶ Соборное уложение 1649 г.

В ситуации, когда в явочной челобитной преступник был указан «имянно» (с указанием имени), но отсутствовало поличное, или язычная молка, или данные повального обыска, дело в соответствии со ст. 18 Уставной книги Разбойного приказа и ст. 49 гл. XXI Соборного уложения передавалось в Судный приказ для производства по нормам обвинительного (частно-состязательного) процесса. Если в его ходе устанавливались признаки разбоя или татьбы, то дело возвращалось в Разбойный приказ для производства розыска.

Существовала еще одна форма свидетельских показаний — оговор. Термин «оговор» анализируемые нормативные правовые акты часто использовали как синоним язычной молки. Но есть и отличия, позволяющие видеть в оговоре свидетельские показания. Так, в частности, ст. 12 Судебника 1497 г. предусматривала ситуацию, при которой 5—6 детей боярских или 5—6 черносошных (свободных, не зависимых) крестьян, не замеченные в нарушении православных канонов, имели право под присягой обвинить кого-либо в татьбе — без язычной молки, без поличного и других доказательств. Такого оговора было достаточно, чтобы судья в частно-состязательном процессе вынес решение о возмещении истцу понесенного в результате преступления убытка.

Свидетельские показания при розыске также получались, помимо указанных протоследственных действий, в ходе простого расспроса обвиняемого, его «расспроса у пытки» (в виду пыточных орудий, но без их применения), расспроса свидетелей. Допросы протоколировались в виде «расспросных речей».

Важное место в доказывании вины обвиняемого имело представление истцом или свидетелями изъятого у обвиняемого поличного. В случае если обвиняемый не мог доказать законность приобретения им обнаруженного у него похищенного у истца имущества, оно приобретало значение «неотведенного поличного», которое являлось, в зависимости от обстоятельств по делу и личности обвиняемого, основанием или для проведения повального обыска, или расспроса под пыткой.

Ст. 21—23 Уставной книги Разбойного приказа, ст. 30, 51—58, 88 гл. XXI Соборного уложения устанавливали следующие процессуальные нормы изъятия поличного и использования его в качестве доказательства. Поличное должно было быть изъято приставам (должностным лицом) в присутствии понятых. Полич-

ное становилось доказательством исключительно при изъятии «из-под замка», что свидетельствовало о сокрытии его обвиняемым. Если обвиняемый препятствовал изъятию поличного или пытался его отобрать у пристава, это являлось основанием для применения к нему пытки. В случае изъятия поличного истцами без участия пристава, наличия заявления обвиняемого в том, что его «ополичнили сильно» (подбросили вещественное доказательство), по данному факту назначался сыск (расследование); в случае доказывания этого факта виновные подвергались торговой казни. В ситуации, при которой потерпевший при задержании в своем доме татя с поличным убил его или нанес ранение, он был обязан немедленно заявить об этом с приложением поличного в губную или воеводскую избу или в приказ.

При задержании сопротивляющегося татя с поличным во время погони, нанесении ему ран или его убийстве истец был также обязан немедленно представить его или тело убитого, отобранное поличное и тех, с кем он осуществлял погоню, соответствующему должностному лицу и подать явочную челобитную.

Если потерпевший в своем доме стал сам пытать и мучить татю, то он обязан был возместить татю причиненные мучения и имел право предъявить татю иск в частно-состязательном процессе, но при этом тать впоследствии пытке уже не подлежал. Законодатель установил норму, в соответствии с которой жена и дети татя, знавшие о наличии в доме поличного, но не сообщившие об этом властям, были обязаны выплатить выть потерпевшему в размере, установленном судьей.

Последним видом доказательства в розыске являлись результаты «досмотра побоев и ран», являвшегося далеким историческим аналогом современных освидетельствования, судебно-медицинской экспертизы, а в ряде случаев и экспертизы.

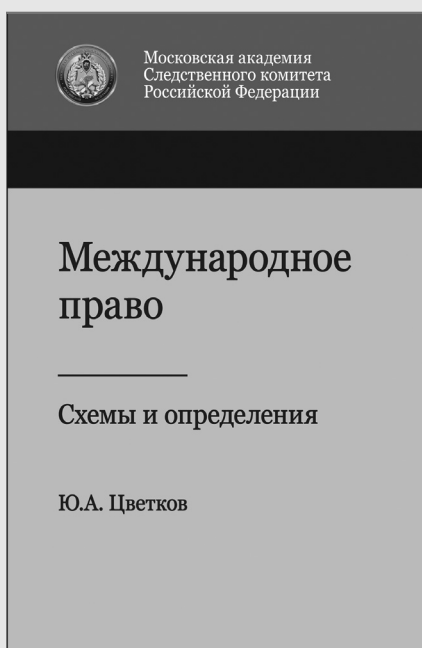
До нас дошла выписка (краткое изложение) из розыскного дела об убийстве крестьянина Рязанского уезда Ивана Потапова в 1613 г. В документе зафиксирован факт посылки на место обнаружения мертвого тела в деревню Лесные подьячего Переяславль-Рязанской приказной избы Якова Андреева и стрельца Федки Скулова. В выписке указано, что велено им «при понятых досмотреть на мертвом теле... на Ивашке Потапове, который объявился под той деревней Лесными в болоте мертв, а осмотра напи-

сать в досмотр свой имянно»¹⁹ (то есть составить протокол осмотра за подписями лиц, проводивших его, и понятых). И далее в выписке приведен протокол осмотра трупа: «...а по досмотру нашему и по сказке понятых на мертвом теле боя и ран: губы и нос разбиты до крови, на правой руке на локте ошиблено до крови, левая рука в локте переломлена, на спине и на боках все сине и багрово... <...> А доезд (протокол проведения протоследственных действий на выезде — И. Т.) и досмотр писал подъячий Яков Андреев. Да к тому доезду стрелец Федка Скулов руку приложил, да села Кикусолы Николаевской [церкви] поп Макарий вместо понятых и прихожан своих, кои в сем доезде и досмотре

имены их писаны, по их веленью, руку приложил»²⁰.

В завершение представляется целесообразным отметить, что доказывание в рассматриваемый период осуществлялось с учетом социального положения как обвиняемых, так и других участников процесса.

Подводя итог, можно заключить, что доказательства и доказывание в российском разыском уголовном процессе XV—XVII вв. представляли собой систему формальных доказательств и протоследственных действий по их собиранию, проверке и оценке, регулируемых установленными законом процессуальными нормами.

Цветков Ю.А. Международное право. Схемы и определения: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки «Юриспруденция», «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Правоохранительная деятельность» / Ю.А. Цветков. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. — 167 с.

ISBN 978-5-238-03325-9

В учебном пособии в схематическом виде представлены все основные разделы учебной дисциплины «Международное (публичное) право», даны определения основных институтов и понятий.

Для студентов юридических вузов.

¹⁹ 1693 сентября 13 — октября 2. Дело об убийстве крестьянина Ивана Потапова // Акты, относящиеся до юридического быта древней России / изд. Археографическою комиссией под ред. *Николая Калачова*. В 3 т. Т. 1: Выборы, выписи, грамоты, данные, доклады, допросы, досмотры, доезды, духовные, дела, дельные, записки, записи, изветы. СПб: Тип. Императорской акад. наук, 1857. С. 629.

²⁰ Там же. С. 629—630.

УДК 321.01
ББК 66.033.1

Нодари Дарчоевич ЭРИАШВИЛИ,
профессор кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор экономических наук, кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук, профессор,
лауреат премии Правительства России в области науки и техники
E-mail: professor60@mail.ru

Юлия Александровна ИВАНОВА,
доцент кафедры государственного и административного права
Российского технологического университета — МИРЭА,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: julia-ivanova-77@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.01 — Теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

ГОСУДАРСТВО: СУЩНОСТЬ И ЕГО СОЦИАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Аннотация. Вопрос о сущности государства и связанном с этим понимании его социального назначения всегда был среди дискуссионных. Это обусловлено тем, что государство и его жизнь затрагивают все слои и группы населения, касаются всех общественных институтов и организаций их жизнедеятельности. Государство, как никакой другой институт общества, обладает самыми многообразными функциями и задачами, совмещая в себе различные интересы и цели.

Ключевые слова: государство, социальное государство, функции государства, общество.

Nodari Darchoevich ERIASHVILI,
Professor of the Department of Civil and Labor Law,
Civil Process of the Kikot' Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Doctor of Economics, Candidate of Law,
Candidate of Historical Sciences, Professor,
Laureate of the Russian Government prize
in science and technology
E-mail: professor60@mail.ru

Yuliya Alexandrovna IVANOVA,
Associate Professor of the Department
of State and Administrative Law
of MIREA — Russian Technological University,
Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: julia-ivanova-77@yandex.ru

THE STATE: ITS ESSENCE AND SOCIAL PURPOSE

Abstract. The question of the essence of the state and the understanding of its social purpose has always been a subject of discussion. This is due to the fact that the state and its life affect all layers and groups of the population, all public institutions and organizations of their life. The state, like no other institution of society, has a wide variety of functions and tasks, combining various interests and goals.

Keywords: state, social state, functions of the state, society.

Проблема происхождения государства исследовалась мыслителями с древнейших времен. Философы, историки и юристы на протяжении многих веков предполагали самые разные причины и пути становления государственности.

Политико-правовой науке известны несколько сотен определений государства, сформулированных разными деятелями культуры, политики и права. Их анализ позволяет сделать некоторые выводы, касающиеся основных положений в определении государства:

- государство — это результат, своеобразный итог деятельности общества;
- общество и государство взаимосвязаны, для общества, в котором есть государство, само государство — это выражение его существования;
- государственно-организованным может считаться только то общество, в котором есть развитая система всех областей и отраслей его жизни;
- при любом определении государства следует учитывать также определения всех властных механизмов и институтов, государственного аппарата и его органов.

«Государство — это организация политической суверенной власти, осуществляющая управление социальными, экономическими, политическими, духовными процессами жизни общества»¹. Несмотря на выведенное определение, необходимо помнить о том, что само по себе определение термина «государство» всегда будет недостаточно полным, четким и ясным. Недостатком любого определения является то, что оно не может теоретически обосновать все многочисленные сущностные, структурные и функциональные признаки и свойства государства. Это также связано с тем, что общее понятие государства должно вобрать в себя характеристики, привязанные к определенному историческому периоду, общественной формации, идеологии, территории, религии, национальности. Данная особенность позволяет сформировать широкую и разветвленную систему понятий государства на различных уровнях и ступенях обобщенности, которая способствует формированию представления о мировом опыте развития государственного строительства.

В научно-правовой литературе наиболее часто встречающимися признаками государства являются:

- наличие определенной территории;
- территориальная организация населения;
- государственная (публичная) власть;
- наличие государственного суверенитета;
- право государственной публичной власти на взимание налогов.

Анализируя функции государства (способы и формы реализации задач и целей государства), нельзя не отметить, что функции современного государства можно разделять по разным критериям, основаниям и все они значимы и существенны.

Наиболее распространенной является классификация государственных функций как *внешних* и *внутренних*. Внутренние и внешние функции взаимосвязаны и взаимовозникаемы. Международная политика любого государства определяется условиями и реалиями его внутренней жизни, а внутренняя жизнь является полем для реализации обязательств государства, взятых им на основании международных договоров.

В свою очередь, у деления функций государства по внешней и внутренней деятельности существует своя структура. Это связано с тем, что деятельность государства распространяется на все сферы общественной жизни. Поэтому государство осуществляет свои функции в экономической, политической, социальной, культурной, экологической сферах.

Одной из основных задач современного государства является обеспечение функционирования и последовательного развития экономики. Направления экономической деятельности государства довольно разнообразны и широки. Если рассматривать *экономическую функцию* государства в рамках условий демократии и рыночной экономики, то можно сформулировать две области экономического регулирования.

Во-первых, это законодательное установление и разъяснение субъектов и объектов, принимающих участие в экономических отношениях, а также их взаимоотношения.

Во-вторых, это регулирование, контроль, охрана и защита социально, политически, экономически значимых форм хозяйственной деятельности с помощью элементов и механизмов, относящихся к мерам государственного экономического характера. В качестве примера мер государственного экономического характера можно привести систему налогообложения, систему

¹ Теория государства и права: учебник: в 2 ч. / под ред. М.Н. Марченко; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Ч. 1: Теория государства. М.: Зерцало-М, 2011. С. 113.

кредитования и относящиеся к ним специальные условия, субсидии и различные выплаты.

Особенно важным направлением деятельности любого современного государства является выполнение задач, связанных с его *политической функцией*. На первом месте стоит такая политическая функция государства, как признание и защита прав и свобод человека и гражданина, а также связанные с этим уважение человеческого достоинства и обеспечение условий для развития общества и личности. Свидетельство данной функции можно найти в государственных нормативных правовых актах, закрепляющих права и обязанности человека и гражданина. Следует упомянуть также такую политическую функцию государства, как контроль и регулирование политических процессов в обществе, она выражается в законодательном закреплении системы государственных органов, учреждений, организаций, принципов их взаимодействия.

Не менее значимой функцией государства является *социальная функция*, именно через нее выражается социальная сущность и назначение государства. Социальная функция государства позволяет сделать вывод о развитости общества и об общественных отношениях, в свою очередь свидетельствующих о связи между данным обществом и самим государством.

Отобразить содержание социальной функции государства можно в следующих положениях:

- поддержка и защита достойного уровня жизни населения;
- оказание социальной помощи и поддержки незащищенным слоям населения (инвалиды, многодетные семьи, пенсионеры, безработные), выражающихся в материальных выплатах и иных способах;
- охрана труда и трудовой деятельности, поддержка профсоюзов и их объединений;
- государственная политика в области поддержки культуры, образования, медицины, а также жилищной сферы.

Выполнение задач, связанных с социальной функцией государства, обеспечивается законодательной и иной нормативной правовой деятельностью, разработкой и осуществлением государственных программ в названных областях.

С социальной функцией государства можно связать другую — экологическую. *Экологическая функция* на сегодняшний день является составляющей частью государственной политики в обеспечении населения достойными условиями для жизни. Данная государственная функ-

кция выражается в охране и рациональном использовании природных ресурсов.

Государственными гарантиями регулирования и контроля пользования природными ресурсами и обеспечения экологической безопасности в целях поддержания достойной жизни населения являются предупреждение, предотвращение, санкционирование, ликвидация последствий экологически опасных видов деятельности; научный и государственный контроль качества окружающей среды; страхование граждан; образование фондов помощи и возмещение вреда, причиненного здоровью и жизни граждан в результате вредных воздействий на окружающую среду; разработка, контроль и охрана экологического законодательства и ответственность, как органов государственной власти и органов местного самоуправления, так и физических и юридических лиц, в вопросах обеспечения благоприятной окружающей среды.

Таким образом, все вышеперечисленные внутренние функции государства позволяют оценивать государство, используя по отношению к нему характеристики правового, демократического и социального.

Успешная реализация внешних государственных функций также является важным моментом в условиях современного мирового сообщества.

К наиболее значимым *внешним* функциям государства относятся:

- сотрудничество и обмен знаниями, технологиями, разработками с другими участниками мирового сообщества в социальной, экономической, военной, экологической, культурной и духовной сферах;
- оборона страны и обеспечение безопасности государственной территории;
- поддержание мира с другими государствами в различных сферах общественной жизни, в том числе предотвращение войн, разоружение (например, ликвидация ядерного и другого оружия массового поражения и уничтожения);
- борьба с международным терроризмом и преступностью;
- оказание посильной помощи странам, пострадавшим по причине чрезвычайных ситуаций и природных действий;
- участие в решении глобальных мировых проблем.

Кроме деления функций государства на внешние и внутренние существуют и другие классификации. Одной из них является деление государственных функций на постоянные и вре-

менные. В основе данного разделения лежит время их осуществления. Постоянные функции реализуются на всех этапах развития и эволюции государственности, временные же возникают с учетом особенностей конкретного исторического этапа, периода, а также нужд населения в данный момент.

Также существует классификация на основе форм деятельности государства и государственных органов, функции которых можно разделить на законотворческие, управленческие, судебные, а также контрольно-надзорные.

«Сущность государства как общественного явления представляет собой „многогранный стержень“, который состоит из множества взаимосвязанных внутренних и внешних сторон, придающих ему качественную определенность универсальной управляющей системы»².

Можно сказать, что *сущность государства* отражает главные черты, пути развития, внутренние связи и закономерности государства. Юристами, политиками, общественными деятелями и философами было разработано множество теорий о сущности государства. Причиной такого многообразия является то, что, во-первых, сам процесс становления и возникновения государственности очень сложен и многосторонен, что вызывает споры в его понимании. Из этого вытекает вся субъективность восприятия образования государственности, как сложного социального, политического и экономического явления. Во-вторых, причиной разности теорий и мнений является то, что зачастую образование государства исследователями непреднамеренно или преднамеренно смешивается с другими похожими процессами.

Одной из теорий о сущности государства является *теория элит*, возникающая в начале прошлого века в работах В. Парето и Г. Моски. По данной теории управление государством должно осуществляться определенной малочисленной группой людей, элитой. Это связано с мнением о том, что народная масса не способна качественно управлять государством, однако наиболее способные ее представители могут войти в состав элиты. Однако у теории элит существуют некоторые минусы, в числе которых отстранение народа от власти, отсутствие гарантированности представления ограниченной группой людей (депутатами, чиновниками, работниками государственного аппарата) реальных

интересов и потребностей народа. Устранить же эти недостатки сможет лишь строгий контроль над деятельностью народных представителей, осознание избирательного характера их власти.

Отражением политических взглядов социал-демократов и либералов можно назвать *теорию плюралистической демократии*. По мнению представителей данной теории, в условиях современного мира общество и государство потеряли смысл деления людей на классы. На данный момент критерием дифференцированности людей являются страты. Страты — особые объединения людей, образованные по разным общим признакам (возраст, профессия, интересы, место жительства и пребывания, хобби). Таким образом, один человек может быть включен в несколько страт, на основе которых могут создаваться уже политические объединения и организации. Такие групповые отражения политических взглядов людей способны оказывать влияние и давление на официальные органы государственной власти, способствуя тому, что каждый человек окажется включенным в политическую деятельность, сможет участвовать в управлении обществом и государством. Также можно сказать, что так направления политической деятельности будут соответствовать реальным интересам и потребностям людей.

Сущность государства как инструмента для осуществления интересов всех слоев общества и обеспечения всех достойными условиями для жизни выражает *теория государства всеобщего благоденствия*, которая возникла в виде утопии на фоне разрушительных событий Второй мировой войны. Она подчеркивает и отстаивает ценность каждой человеческой жизни, права человека и общества, ставит интересы личности в основу государственного управления и деятельности.

Перечисленные выше теории о сущности государства по отдельности рассматривают вопросы целей государственной власти и средств, методов, функций осуществления государственной деятельности. Однако существует теория, освещающая все эти вопросы, — теория правового государства. Согласно положениям данной теории сущность государства состоит в построении такого государственного строя, во главе которого стоит право, а достижение этой цели производится лишь правовыми способами и методами.

Составить целостное и верное представление о сущности государства возможно только при подробном и тщательном анализе понятий, функций, признаков, форм и режимов данного ин-

² Теория государства и права: учебник / А.С. Пиголкин, А.Н. Головистикова, Ю.А. Дмитриев, А.Х. Саидов; под ред. А.С. Пиголкина. М.: Юрайт, 2006. С. 109.

ститута жизни общества. Однако все перечисленное относится к тому процессу познания, который включает в себя лишь характеристику государства как отдельно взятого образования, отвечая на вопрос о том, что оно из себя представляет. Проследить же взаимосвязь государства с другими элементами системы общественной жизни, оценить их взаимовлияние, историческое течение и развитие относительно друг друга поможет обращение к факторам, лежащим в основе такого понятия, как сущность государства.

К факторам, формирующим сущность государства, относятся политический, экономический, социальный, культурный факторы. Они охватывают все сферы общества, демонстрируя их значение на примере не только сложности и разветвленности каждой сферы, но и на примере их зависимости друг от друга.

Одним из основных факторов считается *политический*, несущий в себе одну из главных функций и сфер деятельности государства. Политика — важная часть государственной жизни. Она включает в себя не только производство действий касательно вопросов и явлений общественной жизни, связанных с функционированием государства, но и политическое сознание, политические идеологии, нормы и ценности, политические партии и политические отношения. Политический фактор в своем проявлении довольно сложен и многообразен. В подтверждение данному утверждению можно сказать о том, что политические идеологии, нормы и ценности играют большую роль в определении вектора движения государственной деятельности, они определяют настроения и отношения внутри государства и его политику за пределами его территорий, подстраивая под себя сознание людей. Политические партии также имеют огромное влияние на характеристику деятельности государства в целом. Они способны не просто оказать воздействие на направления деятельности государства, но и подчинить себе его. В истории нередко встречались случаи, когда политическая партия и государство срачивались в единое образование и аппарат функционирования, можно сказать об опыте нашего государства, когда Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС) являлась правящей партией Союза Советских Социалистических Республик и обладала монопольным и неоспоримым правом на политическую власть, ведение политической деятельности в целом.

Напрямую с политическим фактором взаимосвязан *экономический*. Характер и содержа-

ние, мотивация индивидуального и коллективного (общественного) труда, наличие и эволюция разных форм собственности, степень научно-технической оснащенности производственной деятельности, методы и средства распределения материальных благ образуют всю экономическую подоплеку государства, направляют и решающим образом определяют степень возможностей государственной деятельности и содержание его функционирования, адекватно оценивают реальность его суверенитета и структуру государственного аппарата, государственных органов. Сам по себе тип экономической системы (в современной науке, научной литературе выделяют традиционную экономику, командно-административную экономику, рыночную экономику, смешанную экономику) способен определить и охарактеризовать государственную деятельность, а экономические проблемы, кризисы — привести к государственному падению и деградации. Экономический фактор во всех своих выражениях воздействует на сущностное значение государства через понимание экономических процессов, отражая их как в сознании властвующих и управляющих государством, так и в сознании его населения.

Достаточно важным фактором, лежащим в основе определения сущности государства, является *социальный*. Данный фактор учитывает социальную структуру общества, ее многообразие и разветвленность, развитость и характер внутренних социальных отношений. В подтверждение стоит сказать об обществах и их социальных характеристиках на разных исторических этапах. Социальный фактор изменялся, подстраиваясь под разные условия, в соответствии с различными эпохами. Проследить данные изменения можно на примере перехода от рабовладельческого общества к феодальному. Структура рабовладельческого общества проста и понятна: существуют два класса (рабы и их владельцы), противоположные, антагонистичные друг другу. Само по себе социальное сущностное выражение государства не допускает возможности личностного выражения в виде ценности, уплотнения и усложнения отношений. Рабовладельческое государство и общество — тип, характеризуемый четкой классовой структурой, закрытыми социальными группами. Сущность такого государства и содержится в его строгой социальной дифференциации, так как функционирование рабовладельческого типа государства и общества имеет классовый характер.

Иначе построено феодальное общество. Оусуществляя переход от рабовладельческого типа

к феодальному, общественная социальная система и структура приобрели новые особенности, разделились на новые составляющие. Однако стоит отметить, что в лице главенствующего класса (феодалов) нередко сосредотачивалась как государственная, так и правовая власть. Такое строение государства и общества лишило их сущностную характеристику динамичности, подвижности. Можно увидеть отделение государственного института от общественного, разрыв и минимизирование связей между ними, несмотря на то, что данные образования должны максимально взаимодействовать и связываться друг с другом.

Современные общественные и государственные системы (в качестве наиболее часто встречающейся классификации считается необходимым привести индустриальный и постиндустриальный типы общества) не признают деление на классы. Их сущностное выражение довольно динамично и функционально, так как берет в учет дифференциацию, которая основывается не только на различиях в социальном положении, а также включает в себя народ, нации, народности. При этом в современных обществах и государствах придается большое значение личности, межличностным явлениям и отношениям, индивидуальным и групповым (коллективным) интересам. Конечно, приведенные и рассмотренные структуры общества и государства схематичны, однако и они показывают зависимость общества и государства, их сущности от такого фактора, как социальный.

Влияние на сущность общества и государства оказывает также *культурный фактор*, так как государство — это не только политическое, экономическое и социальное явление, но и культурное. Государство и его образование — особая часть культурной жизни общества, переплетающаяся с остальными сферами жизни. Культурный фактор можно свести к идее личности и ее выражения, проявления. Культура провозглашает человека, его права и достоинства в качестве наивысшей ценности. Именно это и проявляется во влиянии культурного фактора на государственные ориентиры и формы, средства деятельности.

Помимо политического, экономического, социального и культурного фактора существует и множество других. К ним стоит отнести морально-нравственный, национальный, религиозный и т.д. Факторы, лежащие в основе формирования сущности государства, меняются в

зависимости от того исторического этапа, на котором находится общество. К примеру, современному миру присущ процесс глобализации, проникший во все сферы общественной жизни и деятельности. Все государства мира формируют свою политику во всех областях с учетом глобализационного фактора, что, в свою очередь, влияет на их сущность.

Анализ факторов сущности государства позволяет доказать и подтвердить положение о том, что методологический, научный и теоретический образ государства возможно собрать лишь тогда, когда при этом будут рассматриваться другие аспекты и составные части жизни общества. Важным правилом будет являться также и то, что при оценке и классификации различных факторов необходимо помнить об их равнозначности.

Факторный анализ демонстрирует динамичность общества и государства, их изменчивость и противоречивость, а данные характеристики позволяют определить природу и сущность государства в целом, его содержательные и функциональные стороны.

С понятием сущности государства связано понятие социального государства. *Социальное государство* представляет собой особый тип высокоразвитого государства, в котором обеспечивается высокий уровень социальной защищенности всех граждан посредством активной деятельности государства по регулированию социальной, экономической и других сфер жизнедеятельности общества, установлению в нем социальной справедливости и солидарности. Основной целью социального государства является проведение социальной политики, направленной на обеспечение достойных условий жизни всех слоев населения.

По мере исторического развития государства и общества сложилось несколько разных моделей социального государства. В современном мире наиболее часто встречается модель социального государства, в которой само общество выступает как основной носитель ответственности за судьбу граждан. Данная модель демонстрирует значение гражданского общества как института жизни общества и государства. Роль государства состоит в перераспределении бюджета, состоящего из налоговых отчислений, на разные направления социальной политики, с помощью участия частных институтов, на которых лежит вспомогательная функция.

Несмотря на различия в распределении ролей, в основе деятельности всех социальных государств лежат некоторые общие принципы:

- социальное партнерство, признание автономии предпринимателей, предпринимательских объединений, лиц наемного труда, содержащееся в экономической свободе человека;
- признание роли рынка в социальной политике, выражающейся в спросе, предложении, конкуренции и ценообразовании при должном контроле рыночных процессов государством;
- социальная справедливость, ее поддержка обществом и государством.

Опираясь на эти принципы функционирования социального государства, можно сформулировать ряд положений, характеризующих его.

Одним из них является положение о том, что частная собственность играет важную роль в жизни человека, обеспечивая ему материальную опору для поддержания и улучшения собственного благосостояния.

Следующим важным положением является *социальное партнерство*, определение которого содержится в Трудовом кодексе Российской Федерации: «Социальное партнерство в сфере труда — система взаимоотношений между работниками (представителями работников), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений»³. Однако нормы, регулирующие социальное партнерство, относятся только к сфере трудовых отношений, что создает определенную преграду для его полного понимания, так как сфера взаимодействия гражданина и государства многообразна и сложна.

Говоря о социальном государстве, следует сказать об обеспечении социального и экономического равенства среди индивидов и их общностей. В основе данного положения лежат неотчуждаемые (естественные) права человека в социальной и экономической сферах общественной жизни. Установление верховенства этих прав способствует установлению в обществе и государстве социальной справедливости — важ-

нейшего теоретического и практического постулата социального государства.

У социального государства есть главная задача, выражающаяся в достижении того уровня общественного развития, при котором оно опирается на принципы и правила социальной справедливости, закрепленные правом и защищаемые государством. Социальное государство обязано предоставлять поддержку всем слоям населения, обеспечить всем достойные условия для жизни и деятельности, уделяя особое внимание тем, кто в этом нуждается.

Согласно Конституции Российской Федерации, Россия — социальное государство. В Российской Федерации реализуется принцип разделения властей на ветви, принцип обеспечения свободных выборов и правовое закрепление прав граждан в экономической, политической и социальной сферах. Однако зачастую программы социальной поддержки и социального обеспечения граждан не работают или оказываются неэффективными. На данный момент Российская Федерация находится на неоконченном этапе формирования социального государства и нуждается в разработке более эффективных программ социального обеспечения и поддержки, динамично подстраивающихся под разные экономические и политические условия.

Многие функции социального государства совпадают с функциями государства в целом, однако функции, присущие конкретно социальному государству, оказывают влияние на остальные, подстраивая их под себя. Такое преломление функциональной системы государства позволяет судить о его общем социальном назначении.

Социальное государство обладает также особенными, специфическими функциями, характеризующими именно его. Среди специфических функций социального государства можно выделить следующие:

- социальная защита и поддержка наиболее незащищенных слоев населения (пожилые граждане, многодетные семьи, лица с ограниченными возможностями и др.);
- охрана труда и здоровья всех граждан;
- защита и поддержка детства, отцовства и материнства;
- разработка и проведение специальных социальных программ, способствующих сглаживанию и уменьшению социального неравенства;
- поддержка фондов и организаций, занимающихся благотворительной деятельностью;

³ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. от 09.11.2020) // СПС «Консультант Плюс». См. ст. 23.

- поддержка организаций, занимающихся научными исследованиями и культурной деятельностью;
- поддержка трудовой занятости населения, контроль над безработицей;
- обеспечение взаимодействия между экономической сферой государственной деятельности и развитием рыночной экономики, нуждающейся в определенной свободе, в вопросе совершенствования условий жизни для граждан;
- участие на международной арене в вопросах решения мировых общечеловеческих проблем и в вопросах сохранения и защиты мира во всем мировом сообществе.

Однако стоит отметить, что не каждое государство может считаться социальным. Для того чтобы государству был присвоен статус социального, оно должно обладать определенными признаками, должна быть прочная демократическая система организации власти и государственных институтов. Демократические условия определяют главенство прав и свобод человека и гражданина — основной постулат социального государства.

Для функционирования социального государства ему необходимо обладать и такой характеристикой, как высокий нравственный, моральный и культурный уровень сознания граждан, также включающий в себя и правосознание. Социальное государство должно иметь хороший уровень экономического развития с прочной системой экономических отношений между разными общественными и государственными институтами, частными и юридическими лицами. Данный признак необходим для четкого перераспределения расходов и доходов в государстве. Нужно выделить также то, что сами по себе структура и система экономики, экономических отношений должны быть социально ориентированными.

Для того чтобы государство могло считаться социальным, отношения и взаимодействия в нем должны быть полностью подчинены нормам права, соответствовать им, иначе говоря, государство должно быть правовым. Из правового государства вытекает институт гражданского общества, также присущий и необходимый социальному государству.

Социальное государство обладает определенными целями, которые тоже можно назвать неотъемлемым его признаком. Назначение социального государства состоит в установлении всеобщего блага, утверждении социальной спра-

ведливости и устранении социального неравенства, обеспечении граждан достойными условиями жизни и труда, социальной защищенностью и равными условиями для самореализации.

Среди признаков социального государства хотелось бы выделить наличие точного, четкого социального законодательства, обеспечивающего государственный правовой контроль над реализацией социальной политики государства. Из данного признака вытекает положение о том, что существует некая необходимость конституционно закрепить за государством статус социального (например, данное положение прописано в Конституции Российской Федерации).

Необходимо отметить, что современное социальное государство направлено в первую очередь на правовое урегулирование сферы социальных отношений путем гуманизации общества в целом. Основное назначение социального государства состоит в обязательном обеспечении блага индивида, выражаемом в предоставлении ему социальной безопасности, материальной свободы и поддержки, а также достойных условий существования.

Литература

1. *Абдулаев М.И.* Теория государства и права: учебник. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Экономиста, 2006. 622 с.
2. *Иванова Ю.А.* Функции современного российского государства: актуальные аспекты // Государственная служба и кадры. 2015. № 4. С. 33—34.
3. Теория государства и права: учебник / [С.С. Алексеев и др.]; отв. ред. В.Д. Перевалов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2011. 495 с.
4. Теория государства и права: учебник / А.С. Пиголкин, А.Н. Головистикова, Ю.А. Дмитриев, А.Х. Саидов; под ред. А.С. Пиголкина. М.: Юрайт, 2006. 613 с.
5. Теория государства и права: учебник: в 2 ч. / под ред. М.Н. Марченко; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Ч. 1: Теория государства. М.: Зерцало-М, 2011. 516 с.
6. *Эриашвили Н.Д.* О генезисе федерализма в Российской Федерации // Международный журнал конституционного и государственного права. 2020. № 1. С. 105—108.
7. *Эриашвили Н.Д.* О федеративном устройстве Российской Федерации // Образование и право. 2019. № 1. С. 40—43.

УДК 343.97
ББК 67.51

Андрей Викторович БОРИСОВ,
заведующий кафедрой «Уголовное право, уголовный процесс
и криминалистика» Юридического института
Российского университета транспорта (МИИТ),
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: av-borisov@mail.ru

Научная специальность: 12.00.08 — Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

КЛАССИФИКАЦИЯ УГРОЗ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье содержится авторское понятие «угрозы транспортной безопасности». В качестве оснований для классификации угроз транспортной безопасности называются источник (природа) возникновения, причины и условия возникновения, вероятность реализации, виды транспорта, содержание угроз, уровень функционирования, территориальная распространенность, временная распространенность.

Ключевые слова: транспортная безопасность, угрозы, преступность, классификация, основания для классификации.

Andrey Viktorovich BORISOV,
Head of the Department of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminalistics of the Law Institute
of the Russian University of Transport (MIIT),
Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: av-borisov@mail.ru

CLASSIFICATION OF THREATS TO TRANSPORT SECURITY

Abstract. The article contains the author's concept of "threats to transport security". The author names the source (nature) of occurrence, causes and conditions of occurrence, probability of implementation, types of transport, content of threats, level of functioning, territorial prevalence, and temporary prevalence as the grounds for classifying threats to transport security.

Keywords: transport security, threats, crime, classification, grounds for classification.

Угрозы транспортной безопасности — это совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба интересам личности, общества и государства в сфере транспортного комплекса. Диапазон угроз транспортной безопасности очень широкий, поэтому исследователи прибегают к их классификации, что позволяет выделить многообразие не только видов, но и подвидов.

Классификация (от лат. *classis* — разряд и *facere* — делать) — это «распределение по группам, разрядам, классам»¹.

Еще в начале XX столетия С.В. Познышев отмечал, что классификация со стороны внешней — это прием, который вносит в изучение систему и порядок; со стороны внутренней —

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006. С. 276.

прием, который предопределяет полноту и правильность выводов изучения. Кроме того, это первый и чрезвычайно важный шаг, который должен сделать исследователь всякой обширной и разнообразной группы явлений².

Научно обоснованная классификация угроз способствует уяснению этого сложного многоэлементного явления, эффективной организации его анализа, позволяет систематизировать весь объем классифицируемого материала и избежать односторонности его научного толкования.

С практической точки зрения классификация, прежде всего, создает потенциальные возможности для определения основных направлений противодействия угрозам и применения надлежащих криминологических мер обеспечения транспортной безопасности.

Результаты анализа юридической литературы позволяют констатировать, что вопрос относительно оснований классификации угроз транспортной безопасности относится к числу объектов дискуссии и решается различно.

Наиболее распространенным является деление угроз по источнику (природе) возникновения на два вида: 1) внутренние угрозы; 2) внешние угрозы.

По мнению исследователей³, внутренние угрозы транспортной безопасности формируются в пределах транспортной отрасли в системе «человек — машина — среда», то есть обусловлены человеческим фактором. Прежде всего, противоправными общественно опасными действиями (бездействием) персонала (экипажа) транспортных организаций и транспортных средств; ненадлежащим уровнем аттестации сил обеспечения транспортной безопасности, а порой и формальным подходом к ней, итогом чего являются несоответствие знаний, умений, навыков, личностных (психофизиологических) качеств задаче обеспечения транспортной безопасности и низкий уровень квалификации персонала (экипажа).

К внутренним угрозам транспортной безопасности преимущественно относят угрозы технического и информационного характера, в не-

которых исследованиях — экологические и террористические угрозы.

Внешние угрозы транспортной безопасности формируются за рамками транспортной отрасли, в том числе на уровне международных отношений⁴. В ряду внешних угроз называют терроризм, незаконные действия (бездействия) государственных органов и должностных лиц, недобросовестную конкуренцию, военные действия, чрезвычайные обстоятельства природного и техногенного характера⁵.

Необходимо заметить, что установить критерий (основание) для дифференциации криминальных угроз на внутренние и внешние довольно затруднительно, что может привести к негативным последствиям. Во-первых, довольно всеобъемлющим формулировкам. Например, исследователи внешние угрозы транспортной безопасности рассматривают как «экономическую и национальную безопасность России в глобализирующихся мировом экономическом и геополитическом пространствах»⁶.

Во-вторых, одни и те же виды угроз относят как к внешним, так и к внутренним. Например, угрозы экологического и террористического характера одни исследователи причисляют исключительно к внутренним, другие к внешним, что побуждает к дискуссии.

По нашему мнению, применительно к сфере обеспечения транспортной безопасности угрозу экологического характера следует воспринимать в качестве как внутренней, так и внешней. Наша точка зрения обусловлена тем, что транспорт — это громадная системообразующая отрасль, которая имеет тесные внутренние и внешние связи со всеми элементами экономики и социальной сферы; играет важную роль в обеспечении обороноспособности страны, государственной и общественной безопасности; составляет огромную часть мировой экономики; развивается с учетом глобальных общемировых стратегических тенденций.

Угроза террористического характера также не ограничивается пределами транспортной от-

² Познышев С. В. Основные вопросы учения о наказании. М.: Унив. тип., 1904. С. 5.

³ См., например: Проблемы формирования государственной политики транспортной безопасности / В. И. Якунин, С. С. Сулакшин, Б. Н. Порфирьев [и др.]; Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. М.: Наука, 2006. С. 48; Проценко С. В. Угрозы транспортной безопасности Российской Федерации // Российская юстиция. 2010. № 8. С. 40—43 и др.

⁴ Колесников Р. В. Основы криминологической безопасности объектов транспортной инфраструктуры // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2019. № 5-1. С. 24—27.

⁵ Буйкевич О. С. Угрозы транспортной безопасности и меры по их предотвращению // Актуальные проблемы науки XXI века. 2013. № 2. С. 5—9.

⁶ См.: Проблемы формирования государственной политики транспортной безопасности. С. 49; Проценко С. В. Указ. соч. С. 40—43.

расли. Терроризм является транснациональной проблемой, террористические организации используют в своих преступных целях проникновение в органы власти и управления, национальную и международную экономику и политику, а также информационные и коммуникационные технологии. В результате диверсификации преступной деятельности появляются новые формы терроризма (информационный, ядерный, этнорелигиозный, кибертерроризм и др.), которые не всегда формируются и существуют исключительно в рамках транспортной отрасли.

Полагаем, что угрозы террористического характера являются исключительно внешними.

Стремление к ясности в вопросах дифференциации видов угроз на внутренние и внешние обуславливает определение вида субъекта предупредительной деятельности, специфику мер защиты объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства, особенности федерального государственного контроля (надзора) в области транспортной безопасности, что в итоге способствует повышению качества обеспечения транспортной безопасности.

Думается, что по природе возникновения целесообразно предложить дифференцировать угрозы транспортной безопасности на следующие виды:

1) объективные (обусловлены условиями и факторами, не зависящими от воли и сознания человека);

2) субъективные (обусловлены деятельностью человека, являются результатом недостатков этой деятельности);

3) объективно-субъективные.

По нашему мнению, большинство угроз транспортной безопасности являются объективно-субъективными.

С.В. Проценко по характеру источников возникновения угроз транспортной безопасности выделяет:

«угрозы технико-технологического характера (высокая степень износа и моральная устарелость технических средств транспорта, недостаточный уровень подготовки (квалификации) персонала, незаконопослушность, недисциплинированность и др.);

угрозы социального характера (низкая эффективность государственного надзора и контроля, неправомерное вмешательство в функционирование транспорта, террористические акты, иные деяния, приводящие в негодность

транспортные средства или объекты транспортной инфраструктуры, недобросовестная конкуренция и т.п.)»⁷.

В зависимости от причин и условий возникновения С.В. Проценко указывает на существование потенциальных и реальных угроз транспортной безопасности. Первые, по его мнению, представляют собой «процесс зарождения опасности, формирование предпосылок возможности причинения существенного вреда». Вторые — реальные угрозы транспортной безопасности — определены как «окончательно сформировавшееся, ожидаемое или существующее явление, которое объективно уже способно причинить вред жизненно важным интересам личности, общества и государства»⁸.

Н.С. Рязанов в качестве отдельных видов упоминает угрозы чрезвычайных происшествий природного и техногенного характера⁹. В данном случае основанием для классификации выступает вероятность реализации.

Полностью разделяем точку зрения, согласно которой каждому виду транспорта свойственны свои специфические угрозы¹⁰, которые дифференцируют на следующие основные виды:

1) угрозы транспортной безопасности в железнодорожном транспорте;

2) угрозы транспортной безопасности в воздушном транспорте;

3) угрозы транспортной безопасности в речном транспорте;

4) угрозы транспортной безопасности в морском транспорте;

5) угрозы транспортной безопасности в автомобильном транспорте;

6) угрозы транспортной безопасности в электротранспорте (включая метрополитен);

7) угрозы, общие для всех видов транспорта.

В данном случае основаниями для классификации выступают виды транспорта.

Изучение научных исследований привело к выводу о том, что самый обширный перечень

⁷ Проценко С.В. Указ. соч. С. 40—43.

⁸ Проценко С.В. Указ. соч. С. 40—43; Саядова А.С. Угрозы транспортной безопасности Российской Федерации // Юрист-Правовед. 2012. № 2 (51). С. 56—58.

⁹ Рязанов Н.С. К вопросу о соотношении понятий «безопасность» и «транспортная безопасность» // Вестник Омской юридической академии. 2017. Т. 14, № 3. С. 89—94.

¹⁰ См., например: Проблемы формирования государственной политики транспортной безопасности. С. 50—53; Классификация угроз безопасности на различных видах транспорта / И.Н. Озеров, А.Н. Александров, Л.В. Столбина, О.В. Панфилова // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 3 (74). С. 7—12 и др.

видов угроз представлен по классификации в зависимости от их содержания. В числе основных — экономические, которые подразделяют на два подвида — организационно-экономические (или собственно экономические) и противоправные деяния экономического характера¹¹, коррупционные¹², экологические¹³, техногенные¹⁴ и природные¹⁵, криминальные, а также киберугрозы.

Расширяя спектр современных угроз транспортной безопасности криминальными угрозами, мы использовали принцип ограничительного толкования. В связи с чем под криминальными угрозами транспортной безопасности следует понимать, прежде всего, современную деятельность и трансформацию организованных преступных групп и преступных сообществ (преступных организаций), которые формируются на базе легальных экономических структур, в том числе высокого уровня, включая международные, изначально созданные или приобретенные в целях прикрытия преступной деятельности, в том числе в экономической сфере, и обеспечения легализации (отмывания) средств, добываемых преступным путем; широкое использование на криминальном рынке высокотехно-

логических услуг по легализации (отмыванию) преступных доходов.

Тесное взаимодействие подобных организованных преступных групп и преступных сообществ (преступных организаций) с экстремистскими и террористическими организациями, в том числе международными, наличие в их структурных подразделениях высококвалифицированных специалистов, широких коррупционных связей, доступ к информационным и иным технологиям позволяют осуществлять акты незаконного вмешательства, угрожающие безопасной деятельности транспортного комплекса, влекущие за собой причинение вреда жизни и здоровью людей¹⁶, материальный ущерб либо создающие угрозу наступления таких последствий.

В рамках данной статьи акцент сделан на основные виды угроз транспортной безопасности. Возможны и другие их виды, например:

- 1) угрозы общего и специального типа (по уровню функционирования);
- 2) угрозы в масштабе всех стран, региональные угрозы, угрозы отдельной административно-территориальной единицы (по территориальной распространенности);
- 3) постоянные и временные угрозы (по временной распространенности).

¹¹ См., например: *Скубак Н.Ю., Норсеева М.Е.* Проблемы нормативно-правовой базы в области транспортной безопасности и пути их решения // Технологии гражданской безопасности. 2012. Т. 9, № 4. С. 63.

¹² См.: Преступления коррупционной направленности / *О.Р. Афанасьева, А.В. Борисов, М.В. Гончарова, С.К. Илий, В.И. Шиян*. М.: Юридический институт МИИТ, 2018; *Афанасьева О.Р., Гончарова М.В.* Методическое обеспечение анализа и прогноза преступности на объектах транспорта Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2016. № 3 (35). С. 32—37; *Афанасьева О.Р., Шиян В.И.* Состояние преступлений коррупционной направленности на объектах транспорта // Вестник Академии права и управления. 2018. № 3 (52). С. 37—44.

¹³ См., например: *Проценко С.В.* Указ. соч. С. 40—43; *Сильников М.В.* Инновационные технические средства и технологии обеспечения защиты и безопасности // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. 2011. № 9—10. С. 3—5 и др.

¹⁴ Некоторые исследователи техногенные и экологические угрозы рассматривают как подвиды антропогенной угрозы. См., например: *Маршакова Н.Н., Петров В.В.* Классификация внешних угроз безопасности: теоретико-прикладной аспект // Российский следователь. 2008. № 18. С. 31—34.

¹⁵ См., например: *Проценко С.В.* Указ. соч. С. 40—43; *Остапец О.Г.* Административно-правовые аспекты обеспечения транспортной безопасности в современной России // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2011. № 1 (26). С. 105—110; *Буйкевич О.С.* Указ. соч. С. 5—9 и др.

¹⁶ См.: *Афанасьев П.Б.* Криминологический анализ умышленного причинения тяжкого вреда здоровью // Преступность, уголовная политика, закон / под ред. *А.И. Долговой*. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2016. С. 59—64.

УДК 343.32
ББК 67.408.141

Василий Васильевич БЫЧКОВ,
декан факультета повышения
квалификации Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: bychkov_vasilij@bk.ru

Владимир Антонович ПРОРВИЧ,
профессор кафедры уголовного процесса
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации, доктор юридических наук,
доктор технических наук, профессор
E-mail: kse60@mail.ru

Научная специальность: 12.00.08 — Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ, В ТОМ ЧИСЛЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация. В статье описывается основная нормативная база по применению искусственного интеллекта в России. Анализируется возможность использования искусственного интеллекта в борьбе с преступностью. Формулируется необходимость применения искусственного интеллекта при противодействии преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

Ключевые слова: экстремизм, преступления экстремистской направленности, противодействие, выявление, раскрытие, расследование, предупреждение, информационно-телекоммуникационные сети, Интернет, искусственный интеллект.

Vasily Vasilevich BYCHKOV,
Dean of the Faculty of Excellence
of the Moscow Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation,
Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: bychkov_vasilij@bk.ru

Vladimir Antonovich PRORVICH,
Professor of the Department of Criminal Procedure
of the Moscow Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation,
Doctor of Law, Doctor of Technical Science, Professor
E-mail: kse60@mail.ru

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A MEANS OF COUNTERING EXTREMIST CRIMES, COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATIONS NETWORKS, INCLUDING THE INTERNET

Abstract. The article describes the basic regulatory framework for the use of artificial intelligence in Russia. The authors analyze the possibilities of using artificial intelligence against crime; formulate the need for the use of artificial intelligence in countering extremist crimes committed using information and telecommunications networks, including the Internet.

Keywords: extremism, extremist crimes, countering, detection, solving crime, investigation, prevention, information and telecommunications networks, Internet, artificial intelligence.

В настоящее время словосочетание «искусственный интеллект» ни у кого не вызывает недоумения. Все свыклись с мыслью о возможности слияния машины и человеческого разума. Это понятие основательно вошло из фантастики в нашу повседневную действительность.

Согласно Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (далее — Стратегия развития искусственного интеллекта), под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе то, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

По утверждению специалистов, исследования в области искусственного интеллекта развиваются по двум направлениям: логическому и нейрокибернетическому. Первое занимается созданием прикладного (слабого) искусственного интеллекта, решает одну или несколько задач. Второе направлено на создание универсального (сильного) интеллекта, по сути, аналога человеческого мозга, способного решать любые интеллектуальные задачи¹.

В настоящее время существующая нормативная база и основная масса научных исследований по искусственному интеллекту направлены на повышение эффективности экономики² и улучшение социальной сферы.

В Стратегии развития искусственного интеллекта указано, что использование технологий искусственного интеллекта в отраслях эконо-

мики носит общий («сквозной») характер и способствует созданию условий для улучшения эффективности и формирования принципиально новых направлений деятельности хозяйствующих субъектов, в том числе за счет:

- повышения эффективности процессов планирования, прогнозирования и принятия управленческих решений (включая прогнозирование отказов оборудования и его превентивное техническое обслуживание, оптимизацию планирования поставок, производственных процессов и принятия финансовых решений);
- автоматизации рутинных (повторяющихся) производственных операций;
- использования автономного интеллектуального оборудования и робототехнических комплексов, интеллектуальных систем управления логистикой;
- повышения безопасности сотрудников при выполнении бизнес-процессов (включая прогнозирование рисков и неблагоприятных событий, снижение уровня непосредственного участия человека в процессах, связанных с повышенным риском для его жизни и здоровья);
- повышения лояльности и удовлетворенности потребителей (в том числе направление им персонализированных предложений и рекомендаций, содержащих существенную информацию);
- оптимизации процессов подбора и обучения кадров, составления оптимального графика работы сотрудников с учетом различных факторов.

Использование технологий искусственного интеллекта в социальной сфере способствует созданию условий для улучшения уровня жизни населения, в том числе за счет:

- повышения качества услуг в сфере здравоохранения (включая профилактические обследования, диагностику, основанную на анализе изображений, прогнозирование возникновения и развития заболеваний, подбор оптимальных дозировок лекарственных препаратов, сокращение угроз пандемий, автоматизацию и точность хирургических вмешательств);
- повышения качества услуг в сфере образования (включая адаптацию образовательного процесса к потребностям обучающихся и потребностям рынка труда, системный анализ показателей эффективности обучения для оптимизации професси-

¹ Андреев В.К. Динамика правового регулирования применения искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 58—68.

² См. подробно: Волынский А.Ф., Прорвич В.А. Электронное судопроизводство по преступлениям в сфере экономики (научно-практические аспекты): монография. М., 2019; Прорвич В.А. Особенности комплексного применения специальных знаний для профилактики преступлений в сфере традиционной и цифровой экономики // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 201—207.

ональной ориентации и раннего выявления детей с выдающимися способностями, автоматизацию оценки качества знаний и анализа информации о результатах обучения);

- повышения качества предоставления государственных и муниципальных услуг, а также снижения затрат на их предоставление.

Однако с помощью искусственного интеллекта могут быть совершены как общеуголовные преступления, так и преступления экстремистской и террористической направленности³:

- террористический акт (ст. 205 УК РФ), который может выражаться как в совершении взрыва, поджога, отравлении источника водоснабжения, так и в лишении жизни людей с использованием робототехники;
- вандализм (ст. 214 УК РФ) — легко себе представить использование дрона, переносащего капсулу с краской и сбрасывающего ее на здание или сооружение для их осквернения;
- приведение в негодность объектов жизнеобеспечения (ст. 215.2 УК РФ) путем их разрушения, повреждения или приведения иным способом в негодное для эксплуатации состояние с помощью роботов (совершение этих действий из корыстных или хулиганских побуждений квалифицируется по ст. 215.2 УК РФ; при отсутствии названных мотивов, но при наличии цели подрыва экономической безопасности и обороноспособности РФ — по ст. 281 УК РФ);
- незаконное проникновение на подземный или подводный объект, охраняемый в соответствии с законодательством Российской Федерации о ведомственной или государственной охране, с использованием робототехники, включая дроны (ст. 215.4 УК РФ);
- хищение ядерных материалов или радиоактивных веществ путем применения робототехники для незаконного проникновения в помещение или хранилища и завладения предметом преступления (ст. 221 УК РФ);
- незаконное приобретение, передача, сбыт, хищение оружия, его основных частей,

боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств (ст. 222, 222.1, 226 УК РФ), а также его незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо государственную границу РФ с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС (ст. 226.1 УК РФ) с использованием робототехники, особенно дронов;

- нападение на морское или речное судно в целях завладения чужим имуществом, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения посредством использования робототехники, включая дроны (ст. 227 УК РФ).

Преимущества в использовании искусственного интеллекта для совершения преступлений очевидны:

во-первых, возможность его применения в опасных зонах, в том числе биологически опасных;

во-вторых, физическая безопасность лица, использующего эти технологии для совершения преступления, поскольку оно находится, как правило, далеко от места их использования, у него нет страха быть обнаруженным, что психологически облегчает принятие решений, связанных с совершением общественно опасных деяний;

в-третьих, по использованному искусственному интеллекту трудно идентифицировать преступника.

Работу искусственного интеллекта определяет созданная человеком программа, предполагающая определенный алгоритм поведения механизма или устройства. В таком случае, если посредством или с участием искусственного интеллекта совершается преступление, то речь идет об умышленной форме вины, так как механизм или устройство действует, выполняя волю создателя программы. Это предполагает опосредованное совершение преступления⁴.

Все относительно ясно, если программист задает программу, не предполагающую причинения какого-либо вреда.

В случае если искусственный интеллект отклоняется от определенной программы, возможны следующие ситуации:

- создан искусственный интеллект с элементами творчества, но по определенному алгоритму, например для сочинения музыки, который предполагает выборку опре-

³ Грачева Ю.В., Арямов А.А. Роботизация и искусственный интеллект: уголовно-правовые риски в сфере общественной безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6. С. 172.

⁴ Денисов Н.Л. Концептуальные основы формирования международного стандарта при установлении уголовной ответственности за деяния, связанные с искусственным интеллектом // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 4. С. 18—20.

деленных звуков, отрывков в определенном виде, последовательности и т.д. (действительность данной программы может привести к совершению преступления, которое предусмотрено ч. 1 ст. 146 УК РФ либо ст. 272 УК РФ);

- создан искусственный интеллект, предполагающий саморазвитие и самостоятельное мышление, с выходом за рамки первоначальной программы (нет гарантии, что совершенные таким искусственным интеллектом деяния не подпадут под признаки состава преступления);
- искусственный интеллект сам создает новый искусственный интеллект, который совершает общественно опасное деяние.

Развитие искусственного интеллекта требует адекватного правового регулирования, способного спрогнозировать риски его применения и предусмотреть ответственность в случае причинения вреда общественным отношениям. Существует отставание в разработке, в частности, уголовно-правовых норм, поскольку не завершен процесс определения гражданско-правового статуса робота, а от него зависит построение концепции уголовно-правовых рисков в искусственном интеллекте.

Специалистами предлагается проработать вопрос об уголовной ответственности за незаконный оборот робототехники с искусственным интеллектом; грубое нарушение правил эксплуатации роботов, повлекшее причинение вреда жизни, здоровью человека или крупного ущерба. Подобные нормы будут априори содержать бланкетные диспозиции, их принятие потребует сначала разработки соответствующего отраслевого законодательства, определяющего правила оборота робототехники, способной причинить существенный вред общественным отношениям, установления запрета и (или) ограничения в обороте отдельных видов робототехники, например смертоносных автономных систем, хотя бы для частных лиц и т.д. В качестве условий законного оборота такой техники производитель должен предусмотреть возможность аутентификации робота, ведение реестра пользователей или владельцев роботов⁵.

С целью внедрения искусственного интеллекта в юриспруденцию специалистами выделяются следующие его особенности⁶:

- многозадачность;

- способность работы с большим массивом информации;
- стабильность системы и надежность сохранения данных;
- гибкость системы, способность к самообучению;
- способность анализировать правовые ситуации с постоянно меняющимися условиями.

Искусственный интеллект как технология зарекомендовал себя надежной системой, справляющейся с самыми распространенными запросами, в том числе и с подготовкой процессуальных документов.

Уже сейчас в судебной практике действует программа **Casebook**, в которой внедрена технология **machine learning**, позволяющая рассчитывать вероятность исхода и продолжительность процесса. Тем самым истец, подавая заявление в суд, реально оценивает свои шансы на успешный исход. Такие программы помогают судебной системе оптимизировать работу с огромным массивом документов, предоставляя возможность сфокусироваться на рассмотрении дела.

Следует отметить, что Европейской комиссией по вопросам эффективности правосудия (СЕРЕЖ) в 2018 г. принята Этическая хартия использования искусственного интеллекта в судебных системах, в которой названы приоритетные принципы использования искусственного интеллекта⁷.

В настоящее время системы искусственного интеллекта применяются в оперативно-разыскных и следственных действиях, в дознании, в криминологии и криминалистике, в противодействии киберугрозам и террористическим угрозам государству и обществу⁸:

- составление психологического и иного портрета преступника по имеющимся данным, прогнозирование возможных мест и сценариев совершения следующих преступлений этим преступником;
- потоковый анализ, распознавание и сравнение визуальных образов на фото- и видеоматериалах;
- производство портретов-фотороботов разыскиваемых лиц;

⁷ Сушина Т.Е., Собенин А.А. Перспективы и риски использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2020. № 6. С. 23.

⁸ Морхат П.М. Возможности, особенности и условия применения искусственного интеллекта в юридической практике // Администратор суда. 2018. № 2. С. 10.

⁵ Грачева Ю.В., Арямов А.А. Указ. соч. С. 178.

⁶ Закиров Р.Ф. Использование современных IT-технологий как средство достижения основных задач судопроизводства // Вестник гражданского процесса. 2018. Т. 8, № 1. С. 215.

- выявление лжи и противоречий в показаниях свидетелей и иных лиц;
- выявление фальшивых документов;
- отслеживание и трассировка интернет-трафика подозреваемых лиц в сети Интернет и коммуникаций между подозреваемыми лицами в сети Интернет, в мессенджерах;
- расшифровка в государственных целях всевозможных шифров, кодов, используемых преступниками.

По мнению специалистов, искусственный интеллект можно применять для обработки статистических данных, оказания помощи в составлении документов, насыщения сайтов правоохранительных органов правовой информацией, принятия решений о квалификации преступных деяний⁹.

В настоящее время подавляющее большинство преступлений экстремистской направленности (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности — ст. 280 УК РФ, публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, — ст. 280.1 УК РФ, возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства — ст. 282, организация экстремистского сообщества — ст. 282.1 УК РФ, организация деятельности экстремистской организации — ст. 282.2 УК РФ, финансирование экстремистской деятельности — ст. 282.3 УК РФ, а также другие преступления, совершаемые по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы) совершаются с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет¹⁰.

⁹ Сушина Т.Е., Собенин А.А. Указ. соч. С. 25.

¹⁰ См. подробно: Бычков В.В. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: курс лекций. М., 2013; Бычков В.В. Преступления экстремистской направленности: понятие, классификация, общие объективные и субъективные признаки, квалифицированные составы // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 4 (22). С. 36—41; Бычков В.В., Ротов В.А. Понятие и виды преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 3. С. 26—31; Багмет А.М., Бычков В.В., Зеленков Ю.М. Расследование преступлений, связанных с экстремистской и террористической деятельностью: учебник. М., 2019.

По нашему мнению, искусственный интеллект может не только оказывать помощь при расследовании преступлений данного вида, но и противодействовать их подготовке, совершению и сокрытию.

Программа искусственного интеллекта должна не просто обнаруживать и идентифицировать признаки политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, но и немедленно передавать в специализированные подразделения правоохранительных органов данные о распространителе преступной информации и ее получателях. Что, кстати, позволит избежать общей блокировки мессенджеров.

Литература

1. Андреев В.К. Динамика правового регулирования применения искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 58—68.

2. Багмет А.М., Бычков В.В., Зеленков Ю.М. Расследование преступлений, связанных с экстремистской и террористической деятельностью: учебник. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019.

3. Бычков В.В. Преступления экстремистской направленности: понятие, классификация, общие объективные и субъективные признаки, квалифицированные составы // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 4 (22). С. 36—41.

4. Бычков В.В. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: курс лекций. М.: Юрлитинформ, 2013.

5. Бычков В.В., Ротов В.А. Понятие и виды преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 3. С. 26—31.

6. Бычков В.В., Сабитов Р.А., Сабитов Т.Р. Противодействие преступлениям экстремистской и террористической направленности: криминологические, уголовно-правовые и криминалистические аспекты: монография. М.: Юрлитинформ, 2013.

7. Волинский А.Ф., Прорвич В.А. Электронное судопроизводство по преступлениям в сфере экономики (научно-практические аспекты): монография. М.: Экономика, 2019.

8. Грачева Ю.В., Арямов А.А. Роботизация и искусственный интеллект: уголовно-правовые риски в сфере общественной безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6. С. 169—178.

9. Денисов Н.Л. Концептуальные основы формирования международного стандарта при установлении уголовной ответственности за деяния, связанные с искусственным интеллектом // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 4. С. 18—20.

10. Закиров Р.Ф. Использование современных ИТ-технологий как средство достижения основных задач судопроизводства // Вестник

гражданского процесса. 2018. Т. 8, № 1. С. 211—219.

11. Морхат П.М. Возможности, особенности и условия применения искусственного интеллекта в юридической практике // Администратор суда. 2018. № 2. С. 8—12.

12. Прорвич В.А. Особенности комплексного применения специальных знаний для профилактики преступлений в сфере традиционной и цифровой экономики // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 201—207.

13. Сушина Т.Е., Собенин А.А. Перспективы и риски использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2020. № 6. С. 21—25.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Молодежный экстремизм. Понятие и противодействие: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», по специальностям «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Правоохранительная деятельность» / под общ. ред. А.М. Багмета. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 319 с.

Раскрываются понятие, причины и психология молодежного экстремизма, меры по противодействию молодежному экстремизму, роль правоохранительных органов, федеральных органов, органов местного самоуправления в предупреждении молодежного экстремизма. Рассматривается противодействие вовлечению молодежи в псевдоисламистские террористические и экстремистские организации и дается квалификация преступлений экстремистского характера. Освещаются особенности выявления, раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности.

Для курсантов, слушателей, студентов, аспирантов и преподавателей образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования, осуществляющих подготовку по направлению «Юриспруденция», специальностям «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Правоохранительная деятельность», а также научных и практических работников правоохранительных органов России.

УДК 343.359.2
ББК 67.408.122.40

Наталья Викторовна КРУЧИНИНА,
доцент кафедры «Экономика, финансы
и управление на транспорте»
Российского университета транспорта (МИИТ),
кандидат экономических наук, доцент
E-mail: twins_77@inbox.ru

Никита Павлович КРУЧИНИН,
старший следователь следственного отдела по г. Луга
следственного управления Следственного комитета
Российской Федерации по Ленинградской области,
магистрант программы «Гражданское право,
гражданский и арбитражный процесс»
Поволжского института управления — филиала РАНХиГС

Научная специальность: 12.00.08 — Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. Развитие финансовых отношений в рамках цифровизации экономики, сопровождающее реализации задач повышения темпов экономического роста, актуализирует проблему правового регулирования отношений уголовно-правовой охраны фискальных интересов государства. Внимания заслуживают уголовно-процессуальные отношения, возникающие в связи с возбуждением, расследованием и рассмотрением уголовных дел о налоговых преступлениях. Использование современных технических средств при их доказывании представляется не только возможным, но в настоящее время и необходимым.

Ключевые слова: налоговые преступления, доказывание, налоги, фискальные интересы, уголовное дело.

Natalya Viktorovna KRUCHININA,
Associate Professor of the Department of Economics,
Finance and Transport Management
of the Russian University of Transport (MIIT),
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
E-mail: twins_77@inbox.ru

Nikita Pavlovich KRUCHININ,
Senior Investigator of the Luga Investigation Department
of the Investigative Department of the Investigative Committee
of the Russian Federation for the Leningrad Region,
Master student of the Povolzhsky Institute of Management,
the Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

INCREASING THE EFFICIENCY OF PROVING CRIMINAL CASES OF TAX CRIMES IN MODERN CONDITIONS

Abstract. The development of financial relations within the framework of the digitalization of the economy, concomitant with the implementation of the tasks of increasing the rate of economic growth, actualizes the problem of legal regulation of relations of criminal law protecting the fiscal interests of the state. The criminal procedural relations arising in connection with the initiation, investigation and consideration of criminal cases of tax crimes deserve attention. The use of modern technical means to prove them is not only possible, but also necessary at present.

Keywords: tax crimes, proof, taxes, fiscal interests, criminal case.

Изменение статуса государства в системе экономических отношений в современных условиях проявляется, прежде всего, усилением его социальной ответственности. Следствием этого явилось увеличение объема расходов бюджетов всех уровней, что повлекло

за собой задачу увеличения доходных поступлений. Как известно, доходная часть бюджета Российской Федерации формируется по двум направлениям, а именно: налоговые поступления и неналоговые. Динамика налоговых поступлений приведена в таблице 1.

Таблица 1. Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей, администрируемых ФНС России, в бюджетную систему РФ¹

Показатель	2015	2016	2017	2018
Всего поступлений, млрд руб.	13789,8	14483,9	21314,4	26216,7
Доля налоговых поступлений в доходной части бюджета РФ, %	51,2	51,3	68,9	69,3

Как видно по представленным данным, в 2017 году резко выросла доля налоговых доходов бюджетной системы страны. Однако, как

показывают статистические сведения МВД России, в 2018 году возросло число преступлений экономической направленности (рис. 1).

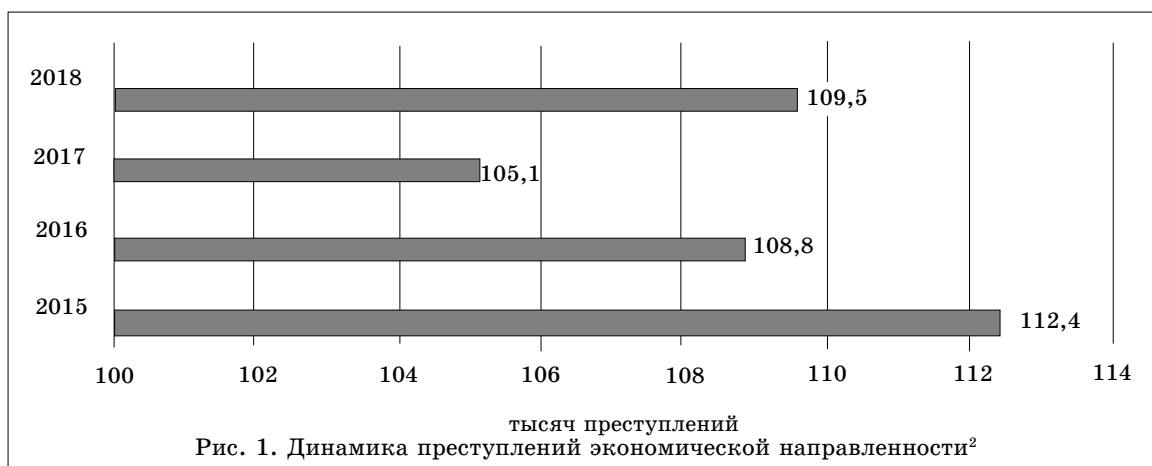

Рис. 1. Динамика преступлений экономической направленности²

Динамика значительного роста налоговых поступлений в бюджетную систему в 2017—2018 гг. совпала с увеличением числа преступлений экономической направленности. В составе преступлений экономической направленности значительна доля налоговых преступлений, что еще больше актуализирует проблему доказывания по уголовным делам о налоговых преступлениях.

Совершенствование налогово-правового регулирования, изменение налогового законодательства и, как следствие, самой судебной практики не могут

не оказать влияния на процедуры реализации уголовно-правовых предписаний. В связи с этим реализация уголовно-процессуальных норм при возбуждении, расследовании и рассмотрении уголовных дел о налоговых преступлениях требует применения новых технических средств при сборе, проверке и оценке доказательств³.

Конституцией Российской Федерации (статья 57) установлена обязанность физических и юридических лиц уплачивать налоги. Перечень на-

¹ Финансы России // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 01.11.2020).

² Статистика и аналитика // МВД России: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 01.11.2020).

³ Соловьев И.Н. Налоговые преступления. Специфика выявления и расследования. 2-е изд. М.: Проспект, 2017. 160 с.

логов и их основные и дополнительные элементы установлены Налоговым кодексом Российской Федерации⁴. Необходимо отметить, что с 2016 года страховые взносы приравниваются к налогам, их основные элементы регламентируются Налоговым кодексом и администрируются Федеральной налоговой службой России. Уклонение от исполнения обязанностей по уплате налогов является налоговым преступлением. Статьи 198, 199, 199.1, 199.2, 199.3, 199.4 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривают ответственность за нарушение налогового законодательства⁵.

Главным условием предъявления законного и обоснованного обвинения является установление конкретных норм налогового законодательства, нарушенных обвиняемым. Поэтому при установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам о налоговых преступлениях, нельзя обойтись без всестороннего изучения особенностей и норм законодательства о налогах и сборах, чтобы в конечном итоге определить размер неуплаченного налога (крупный, особо крупный), который является, безусловно, материальным ущербом для бюджетной системы государства и проявлением нарушения фискальных интересов государства⁶.

Полное и всестороннее расследование налоговых преступлений в современном мире не представляется возможным без применения технических средств доказывания, которые уже можно определить не просто как технические устройства и материалы, но и как научные приемы и методы их применения в процессах рас-

следования, раскрытия, предупреждения и пресечения налоговых преступлений⁷.

Пункт 2 ст. 166 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации указывает отдельные технические средства, которые могут использоваться при производстве следственных действий, а именно: фотографию, киносъемку, звукозапись, видеосъемку. В соответствии с п. 6 ст. 164 УПК РФ при производстве следственных действий могут применяться иные технические средства обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств⁸. На наш взгляд, в современных условиях цифровизации экономики необходимо более широкое применение программно-технических комплексов типа UFED. Подобные комплексы дают возможности извлекать, декодировать и анализировать данные мобильных устройств, даже удаленные с них. Такие данные, несомненно, составляют доказательную базу, особенно при обосновании умысла.

Нужно заметить, что по смыслу пункта 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.12.2006 № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» уклонение от уплаты налогов и (или) сборов возможно только с прямым умыслом с целью полной или частичной их неуплаты⁹.

Рассмотрим, как использование технических средств может обеспечить повышение эффективности доказывания по уголовным делам о налоговых преступлениях (табл. 2).

Таблица 2. Возможности применения технических средств при доказывании по уголовным делам о налоговых преступлениях¹⁰

Способ уклонения от уплаты налогов	Цели налогового преступления	Возможности использования технических средств при доказывании
Применение фиктивных сделок	Минимизация налога на прибыль, НДС путем завышения стоимости приобретаемых товаров и занижения стоимости реализованной продукции	При доказывании фиктивности документооборота можно использовать видеозапись допросов и очных ставок

⁴ Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть 2: Федеральный закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ (в ред. от 28.01.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 27.10.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Орлов М.Ю. Налог и фискальный суверенитет государства // Публично-правовые исследования. 2006. Т. 1. С. 427–439.

⁷ Александров И.В. Налоговые преступления: расследование: монография. М.: Юстиция, 2017. 286 с.

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 27.10.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.12.2006 № 64 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Составлено авторами.

Способ уклонения от уплаты налогов	Цели налогового преступления	Возможности использования технических средств при доказывании
Дробление бизнеса с целью использования специальных налоговых режимов	Использование специального налогового режима позволяет не уплачивать налог на прибыль, НДС и налог на имущество организации, заменяя эти налоги единым налоговым платежом гораздо меньшего размера	При доказывании фиктивности дробления можно использовать звукозапись показаний, видеосъемку помещения при изъятии документов
Необоснованное применение налоговых льгот	Например, фиктивное привлечение в качестве подрядчика общественной организации инвалидов с целью уклонения от начисления НДС по строительным работам для собственных нужд	При доказывании фиктивности выполнения работ и услуг можно использовать фотосъемку объектов, видеосъемку для последующих расчетов и обоснований
Подмена гражданско-правовых отношений	■ Заключение договора займа вместо отражения аванса, чтобы не уплачивать НДС; ■ заключение договора комиссии вместо договора купли-продажи, чтобы не уплачивать НДС и налог на прибыль; ■ заключение гражданско-правовых договоров вместо трудовых, чтобы не уплачивать НДФЛ и сокращать страховые взносы	Использование видео- и звукозаписи при проведении допросов, очных ставок для более всестороннего исследования фактов

Таким образом, документальное подтверждение действий не только налогоплательщика, но и всех подчиненных ему лиц, даже подставных, имеет определяющее значение в доказывании по уголовным делам о налоговых преступлениях. Например, для обеспечения эффективности доказывания налогового преступления нужно зафиксировать всю деятельность налогоплательщика, начиная с момента ее начала, использования в налоговой схеме подставного лица, вплоть до момента обналичивания денежных средств и их использования. При этом важно использовать технические средства, так как, например, звукозапись допросов может выявлять больше тонкостей и несовпадений в показаниях, чем просто протокол. Видеозапись при изъятии документов может подтвердить преступный умысел на сокрытие улик, так как могут быть зафиксированы попытки скрыть или уничтожить документы.

Посредством видеозаписи можно фиксировать и такое поведение, как уклонение от от-

ветственности, а также поведение, являющееся подтверждением «виновной осведомленности». Виновная осведомленность — это осведомленность налогоплательщика о таких обстоятельствах правонарушения, которые могут быть известны только непосредственному исполнителю¹¹.

Если имеют место попытки уничтожить следы преступления, то это факты, имеющие доказательственное значение, поскольку стремление уничтожить, заменить, скрыть доказательство подтверждает преступный умысел.

В юридической науке и практике доказательство считается основанием для органа дознания, следователя или суда, подтверждающим наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновности лица, совершившего это де-

¹¹ Об исследовании и доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной уплаты сумм налога (сбора): методические рекомендации: утверждены СК РФ, ФНС РФ // СПС «КонсультантПлюс».

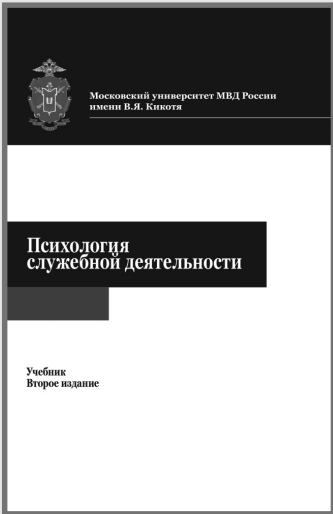
яние, иных обстоятельств для правильного разрешения дела. В этом ключе доказывание — суть регламентированной законом деятельности по установлению и обоснованию обстоятельств уголовного дела. На основе доказательной базы и может быть разрешен вопрос об уголовной ответственности¹².

Уголовно-процессуальное право предусматривает возможность использования технических средств, с помощью которых обнаруживаются, фиксируются, изымаются вещественные объекты, проводятся исследования, производится переработка криминалистической информации о расследуемом преступном событии, а также

технических средств для предупреждения и пресечения преступлений¹³.

В современном динамичном мире в качестве доказательств по уголовным делам о налоговых преступлениях не может не использоваться информация, добытая при помощи аудио- и видеосредств. Это обусловлено свойствами технических средств и их возможностью отражать события объективно и всесторонне. Доказательства, полученные в рамках уголовного производства о налоговых преступлениях с помощью технических средств, не заменяют иных доказательств, а дополняют их, повышая надежность и объективность доказательной базы.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Цветков В.Л. и др. Психология служебной деятельности.
Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности». — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2019. — 351 с.

ISBN 978-5-238-03162-0

Учебник разработан в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования третьего поколения по специальности 3705.02 «Психология служебной деятельности». Рассмотрены основы психологической работы в органах внутренних дел. Основное внимание уделяется таким вопросам, как психологическая подготовка сотрудников ОВД, технологии психологической помощи и психологической реабилитации сотрудников ОВД, организация психологической работы в ОВД.

Для курсантов, студентов вузов, психологов, а также всех интересующихся проблемами практической психологии.

¹² Пастухов П.С. О повышении эффективности уголовно-процессуального доказывания по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда (ЭПОС). 2015. Т. 3, № 63. С. 51—54.

¹³ См.: Ландау И.Л. Некоторые аспекты использования научно-технических средств в уголовном процессе // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 1. С. 77—81; Кун Д.Е. Сущность и значение технических средств в уголовном судопроизводстве // Теория и практика общественного развития. 2016. № 3. С. 109—112.

УДК 343.35
ББК 67.408.144

Андрей Леонидович САНТАШОВ,
главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент
E-mail: santashov@list.ru

Алексей Анатольевич ЖИТКОВ,
старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
юридического факультета Вологодского института
права и экономики ФСИН России, подполковник внутренней службы
E-mail: zhitkoff2015@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.08 — Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ИЗОЛЯЦИЮ ОТ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье анализируются проблемы квалификации деяний, связанных с дезорганизацией деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Дается характеристика преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ. Обосновывается вывод о необходимости включения основных признаков дезорганизации в диспозицию ст. 321 УК РФ применительно к функционированию исправительных учреждений, а также о необходимости расширения перечня потерпевших.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; дезорганизация; исправительное учреждение; дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Andrey Leonidovich SANTASHOV,
Chief Researcher of the Research Department
of the Moscow Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation,
Doctor of Law, Associate Professor
E-mail: santashov@list.ru

Aleksey Anatolevich ZHITKOV,
Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology
of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Lieutenant Colonel of Internal Service
E-mail: zhitkoff2015@yandex.ru

CURRENT STATE AND PROSPECTS FOR IMPROVING CRIMINAL LEGISLATION ON DISORGANIZATION OF INSTITUTIONS PROVIDING ISOLATION FROM SOCIETY

Abstract. The article analyzes the problems of qualification of acts related to the disorganization of the activities of institutions providing isolation from society. The authors describe the crime under Art. 321 of the Criminal Code of the Russian Federation. The conclusion about the need to include the main signs of disorganization in the disposition of Art. 321 of the Criminal Code of the Russian Federation in relation to the functioning of correctional institutions.

Keywords: penitentiary system, disorganization, correctional institution, disorganization of institutions providing isolation from society.

Согласно ч. 1 ст. 1. Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Часть 2 указанной статьи закрепляет его задачи — регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказаний, определение средств исправления осужденных, охрану их прав, свобод и законных интересов, оказание осужденным помощи в социальной адаптации¹.

Субъектом, реализующим уголовные наказания в виде лишения свободы, является Федеральная служба исполнения наказаний². ФСИН России относится к исполнительной власти и в настоящее время представляет собой сложную организационную структуру, состоящую из органов управления, исправительных учреждений. Насколько эффективно будет организована работа каждого структурного подразделения учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, настолько более реальны и достижимы становятся цели и задачи, определяемые для уголовно-исполнительной системы по реализации уголовного наказания.

В течение последних нескольких лет, с учетом гуманизации уголовного законодательства, сохраняется тенденция к уменьшению численности осужденных, находящихся в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества. Так, на 01.01.2016 в исправительных учреждениях отбывало наказания 524 848³, на 01.01.2017 — 519 491⁴, на 01.01.2018 — 495 016⁵, на 01.01.2019 — 460 923⁶, на 01.01.2020 — 423 825⁷ осужденных. Как след-

ствие, в местах лишения свободы концентрируются лица отрицательной направленности, совершившие наиболее тяжкие, часто насильственные преступления, не вставшие на путь исправления, приверженцы криминальной субкультуры, объединяющиеся в группировки и негативно влияющие на других осужденных⁸, а также более открыто и дерзко противостоящие администрации таких учреждений. Как результат, ужесточается характер совершаемых противоправных деяний в местах лишения свободы. Соответственно, администрации учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, приходится сталкиваться с различного рода конфликтами, инициаторами которых выступают отдельные лица, содержащиеся в таких учреждениях, а также криминальные элементы, взаимодействующие с ними.

Важно понимать, что деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, зависит от различных факторов. Одним из показателей ее эффективности, как справедливо отмечается в научной литературе, выступает уровень рецидивной преступности, который в последние годы остается высоким⁹. Данная ситуация обуславливает необходимость поиска новых мер, в том числе уголовно-правового характера, ориентированных на улучшение вопросов управления в сфере исполнения уголовных наказаний¹⁰. Старинное изречение, что цепь настолько крепка, насколько крепко её самое слабое звено, в данном случае как никогда актуально.

Так, Уголовный кодекс Российской Федерации предусмотрел несколько составов преступлений, напрямую связанных с государственной функцией в области исполнения уголовных наказаний, в частности, к ним относятся такие деяния, как побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст. 313 УК РФ), уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также от примене-

¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

² См.: Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний: Указ Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314 // Собрание законодательства РФ. 2004. № 42. Ст. 4109.

³ Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы: январь — декабрь 2015 г.: информационно-аналитический сборник. Тверь, 2016. С. 5.

⁴ Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы: январь — декабрь 2016 г.: информационно-аналитический сборник. Тверь, 2017. С. 6.

⁵ Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы: январь — декабрь 2017 г.: информационно-аналитический сборник. Тверь, 2018. С. 6.

⁶ Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы: январь — декабрь 2018 г.: информационно-аналитический сборник. Тверь, 2019. С. 5.

⁷ Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы: январь — декабрь 2019 г.: информационно-аналитический сборник. Тверь, 2020. С. 5.

⁸ См.: Цветков Ю.А. Соучастие и организованная преступность // Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сб. науч. очерков / под ред. В.В. Лунеева. М., 2010. С. 277—297.

⁹ См.: Стяжкина С.А. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: уголовно-правовой аспект // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2020. Т. 30, вып. 2. С. 289—296.

¹⁰ См.: Прасолова И.Г. Уголовная ответственность за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. С. 4.

ния принудительных мер медицинского характера (ст. 314 УК РФ), дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ). Хотя первые два состава и не включены в раздел преступлений против порядка управления, но нормальная управленческая деятельность учреждений, исполняющих наказание, безусловно, страдает при совершении указанных преступлений, поэтому данные общественные отношения являются дополнительным объектом уголовно-правовой охраны¹¹. В свою очередь, государственное управление представляет собой исполнительно-распорядительную деятельность органов исполнительной власти, к которым также относится и уголовно-исполнительная система Российской Федерации¹². Особый интерес в рамках данного исследования представляет статья, предусматривающая ответственность за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ).

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2016 году по статье 321 УК РФ было осуждено 226 человек, в 2017 — 228 человек, в 2018 — 212 человек, в 2019 — 254 человека. При этом самым массовым составом преступления остается деяние, совершенное в отношении сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей в связи с осуществлением им служебной деятельности либо его близких, предусмотренное частью 2 ст. 321 УК РФ¹³.

Анализ указанной нормы следует начать с законодательной техники, используемой при ее построении¹⁴. Конструирование уголовно-правовой нормы — сложный и трудоемкий процесс. Ее оптимальная формулировка позволяет правильно квалифицировать деяние. В Особенной части Уголовного кодекса Российской Федера-

ции, как правило, название статьи отражает ее содержание, что способствует быстрому отождествлению признаков совершенного деяния и признаков состава преступления¹⁵. С этой точки зрения статья 321 УК РФ не вписывается в указанные правила, поскольку ее название не соответствует тексту диспозиции.

Следует обратить внимание, что ключевое понятие «дезорганизация» в рассматриваемой статье имеет место только в ее названии и, к сожалению, не раскрыто в диспозиции нормы, что вносит теоретическую неопределенность, обуславливая сложности реализации уголовной ответственности за дезорганизацию деятельности исправительных учреждений.

Обратимся к этимологии термина «дезорганизация». По словарю С.И. Ожегова, дезорганизация — это нарушение порядка, дисциплины, организованности¹⁶. Подобной точки зрения придерживается и Д.Н. Ушаков, в словаре которого термин «дезорганизация» трактуется как разрушение, расстройство порядка в налаженном деле, предприятии, работе¹⁷.

Важно подчеркнуть, что понятие «дезорганизация» напрямую связано с понятием организации, точнее, выступает прямым его отрицанием. Слово «организация» можно понимать в двух значениях — статическом и динамическом¹⁸. Статическое значение подразумевает некоторую относительно неизменную категорию, иерархическую систему, внутреннюю структуру учреждения или органа уголовно-исполнительной системы. Своеобразную систему должностных лиц, отделов и структур, координирующих деятельность учреждения, а также созданных для осуществления отдельных направлений деятельности учреждения (тыловое обеспечение, обеспечение режима и законности, организация воспитательной работы и т.д.).

Динамическое значение организации представляет собой определенный действующий механизм, включающий деятельность как структурных подразделений, так и отдельных сотруд-

¹¹ См.: Цветков Ю.А. Преступность в сфере правосудия: современное состояние и тенденции // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 1. С. 88—92.

¹² См.: Алексеев С.В. Понятие государственного управления в современной науке административного права // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 5. С. 66—75.

¹³ См.: Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 19.09.2020).

¹⁴ См., напр.: Соловьев О.Г., Санташов А.Л. Дискуссионные вопросы определения видов юридической техники в теории права // Юридическая наука. 2013. № 4. С. 35—38.

¹⁵ См.: Новые следственные ошибки: учеб. пособие / под ред. А.М. Багмета. М., 2019. С. 74—84.

¹⁶ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. С. 157.

¹⁷ Значение слова «Дезорганизация» // Glosum: сборник словарей. URL: <https://glosum.ru> (дата обращения: 17.09.2020).

¹⁸ См.: Мельникова Н.А. Административная деятельность учреждений Федеральной службы исполнения наказаний: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2011. С. 5.

ников, обеспечивающих исполнение уголовных наказаний и иных процессуальных решений. Именно как нарушение организации в динамическом значении стоит понимать дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, в контексте рассматриваемой статьи.

Отсутствие в диспозиции ст. 321 УК РФ понятия дезорганизации и ее признаков вносит неопределенность и в судебную практику, приводит к сложности квалификации деяний, дезорганизующих деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. В правоприменительной практике до настоящего времени нет четкого понимания, чем является дезорганизация — деянием или последствием. В нынешнем виде дезорганизация сводится законодателем только к применению насилия в отношении осужденных, сотрудников исправительных учреждений и их близких.

Разберем пример. Осужденный применил в отношении сотрудника насилие, не опасное для жизни и здоровья. Сотрудник об этом факте заявил через длительное время, например через неделю. Все это время учреждение работало в нормальном режиме. После сообщения в органы следствия по указанному факту следует возбудить уголовное дело по ч. 2 ст. 321 УК РФ и привлечь осужденного к уголовной ответственности за дезорганизацию деятельности учреждения. То есть в данном случае дезорганизация выступает в качестве деяния, а именно насилия в отношении сотрудника.

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации убийство сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей либо же осужденного при наличии определенных признаков субъективной стороны, совершенное лицом, отбывающим наказание в виде лишения свободы или содержащимся под стражей, следует квалифицировать по соответствующей части статьи 105 «Убийство» УК РФ в совокупности со статьей 321 УК РФ¹⁹. Исходя из логики Верховного Суда Российской Федерации, дезорганизация деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, в данном контексте является скорее не конкретным деянием, а дополнительным последствием совершения иного уголовно наказуемого деяния — убийства.

¹⁹ См.: О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ); Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3. С. 2—6.

Однако дезорганизацию деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, исходя из ее общепринятой дефиниции, может повлечь не только применение насилия, но и иные противоправные действия. На практике возможны случаи попытки дезорганизации без применения насилия, в частности выведение из строя имущественных объектов, обеспечивающих функционирование учреждения (автотранспорта, электроустановок, систем отопления, водоснабжения, канализации, связи, порча продуктов питания и т.п.). Также важно понимать, что и не каждое насилие в отношении сотрудника влечет за собой дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Хотя подобное поведение со стороны осужденных и лиц, содержащихся под стражей, несомненно, может создать предпосылки для возникновения ситуации, влекущей за собой дезорганизацию деятельности данных учреждений. Поэтому считаем, что диспозиция ст. 321 УК РФ должна в обязательном порядке содержать перечень признаков дезорганизации, включая как насильственные, так и ненасильственные действия.

Также критического осмысления требует термин «учреждение, обеспечивающее изоляцию от общества». Следует отметить, что указанный термин использован только в уголовном законе и обозначает систему специализированных учреждений. На наш взгляд, данные учреждения не обеспечивают, а непосредственно реализуют принятые компетентными органами решения об изоляции лиц. В свою очередь, обеспечение выступает лишь частью реализации такого решения (например, в ходе реализации решений об изоляции лиц от общества администрация учреждения обеспечивает условия содержания таких лиц, их безопасность, дифференциацию и т.д.)²⁰. Поэтому видится более логичным употребление термина «учреждение, реализующее изоляцию от общества». На основании вышеизложенного можно сформулировать следующее определение дезорганизации деятельности учреждений, реализующих (обеспечивающих) изоляцию от общества.

Дезорганизация деятельности учреждений, реализующих изоляцию от общества, — это результат противоправных действий лиц, выра-

²⁰ См., напр.: Сантасов А.Л. Дифференциация исполнения лишения свободы в отношении несовершеннолетних в ИТК РСФСР 1970 г. // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 3 (19). С. 83—86.

жающийся в нарушении нормального функционирования отдельных структурных подразделений и (или) всего учреждения, реализующего изоляцию от общества. Данное определение должно лечь в основу диспозиции ст. 321 УК РФ, что позволит конкретизировать квалифицируемые действия по данной норме и исключить проблемы отграничения от смежных составов преступлений.

Далее остановимся на непосредственном объекте исследуемого нами преступления. В составах ст. 321 УК РФ их два — основной и дополнительный.

В качестве основного непосредственного объекта преступления выступает нормальная деятельность учреждений, реализующих изоляцию от общества. Посягательство на основной объект достигается путем противоправного посягательства на дополнительный объект преступления — жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность потерпевшего со специальным статусом.

Данной статьей предусматриваются три вида потерпевших со специальным статусом: 1) осужденный; 2) сотрудник места лишения свободы или места содержания под стражей; 3) близкие сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей.

Осужденным является лицо, в отношении которого вынесен приговор суда о назначении уголовного наказания. Несмотря на то, что законодатель в ст. 321 УК РФ не уточняет, к какому виду наказания осуждено лицо, из смысла названия статьи следует, что речь идет об осужденных к уголовным наказаниям, связанным с изоляцией от общества. В настоящее время к данной категории осужденных можно отнести лиц, приговоренных к таким наказаниям, как лишение свободы, содержание в дисциплинарной воинской части и арест. Указанные виды наказаний исполняются учреждениями уголовно-исполнительной системы (арестные дома (в теории), колонии-поселения, колонии общего, строгого и особого режимов, воспитательные колонии, тюрьмы). Однако следует отметить, что наказания, подразумевающие изоляцию осужденных от общества, исполняются не только в учреждениях уголовно-исполнительной системы, но и в учреждениях других федеральных органов исполнительной власти. Так, например, наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части, применяемое в отношении военнослужащих, исполняется в отдельных дисциплинарных батальо-

нах и отдельных дисциплинарных ротах, созданных при Министерстве обороны Российской Федерации²¹.

Что касается такого уголовного наказания, как арест, то в настоящее время ввиду отсутствия арестных домов данный вид наказания назначается только в отношении военнослужащих и отбывается на гауптвахтах²². Порядок отбывания наказаний в виде содержания в дисциплинарной воинской части и ареста для военнослужащих урегулирован не только федеральным законодательством, но и соответствующими ведомственными нормативными правовыми актами²³.

По нашему мнению, при определении спектра потенциальных потерпевших при совершении преступления, предусмотренного статьей 321 УК РФ, было совершено некоторое серьезное упущение. Законодателем не была учтена возможность совершения преступного посягательства на лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, а также в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, в порядке, определенном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации²⁴. Хотя в названии ст. 321 УК РФ указаны учреждения, обеспечивающие изоляцию от общества, к коим, исходя из их задач, относятся ИВС и СИЗО, в диспозиции части 1 анализируемой статьи описано деяние, связанное с посягательством только на осужденного. Поэтому напрашивается вывод о корректировке указанной нормы и в этой части.

С точки зрения субъективной стороны данное преступление может быть совершено в це-

²¹ См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 31.07.2020).

²² См.: Указ Президента Российской Федерации от 25.03.2015 № 161 (ред. от 01.07.2020) «Об утверждении Устава полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации»; Приказ Министра обороны Российской Федерации от 09.11.2019 № 650 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка на гауптвахте для военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

²³ См.: Об утверждении Правил отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими: приказ Министра обороны Российской Федерации от 20.10.2016 № 680 (ред. от 05.06.2020) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2016. № 49.

²⁴ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52, ч. 1. Ст. 4921.

лях воспрепятствования исправлению осужденного или из мотива мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы. Однако подобная цель может быть реализована не только путем посягательства на осужденного или, как было сказано выше, на лицо, задержанное в качестве подозреваемого или содержащееся под стражей, но и путем воздействия на их близких.

Обращаясь ко второй категории потенциальных потерпевших — категории сотрудников мест лишения свободы или мест содержания под стражей, учитывая все вышесказанное, можно сказать, что к данной категории, помимо сотрудников уголовно-исполнительной системы, стоит относить военнослужащих, обеспечивающих деятельность дисциплинарных воинских рот и батальонов; военнослужащих, обеспечивающих деятельность гауптвахт при реализации меры пресечения в виде содержания под стражей; военнослужащих, обеспечивающих деятельность гауптвахт при исполнении уголовного наказания в виде ареста; сотрудников органов внутренних дел, обеспечивающих функционирование изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых, когда они используются как места содержания под стражей²⁵; сотрудников изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов Федеральной службы безопасности; а также «гражданский» персонал указанных учреждений.

Также анализ положений ст. 321 УК РФ показывает, что формулировка диспозиции данной нормы имеют существенные недостатки: речь идет о том, что часть вторая отсылает нас к части первой, тем самым деяние, предусмотренное во второй части, полностью охватывает часть первую статьи, в которой указана цель — воспрепятствование исправлению или мотив — месть за содействие администрации. То есть насилие в отношении сотрудника тоже должно

применяться с этой целью или по этому мотиву. На наш взгляд, такое положение не соответствует реальности и является абсурдным. Во второй части статьи должно быть описано самостоятельное деяние без отсылки к части первой.

Для исключения указанных выше неточностей и противоречий в формулировке диспозиции ст. 321 УК РФ видится возможной следующая конструкция данной нормы:

«Статья 321. Дезорганизация деятельности учреждений, реализующих изоляцию от общества

1. Умышленное уничтожение или повреждение имущественных объектов, которые обеспечивают функционирование учреждений, реализующих изоляцию от общества, а также жизнедеятельность находящихся в них лиц, совершенное с целью нарушения нормальной деятельности отдельных структурных подразделений и (или) всего учреждения, реализующего изоляцию от общества.

2. Действия, предусмотренные частью первой настоящей статьи, сопряженные с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, к лицам, содержащимся в учреждении, персоналу или их близким либо с угрозой такого насилия.

3. Действия, предусмотренные частью первой настоящей статьи, сопряженные с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, к лицам, содержащимся в учреждении, персоналу или их близким».

Таким образом, руководствуясь приведенными нами соображениями и категориями, связанными с дезорганизацией деятельности учреждений, реализующих изоляцию от общества, считаем целесообразным внесение в статью 321 УК РФ соответствующих изменений, как по форме, так и по содержанию.

²⁵ См.: О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.

УДК 343.618
ББК 67.408.111.6

Альбина Александровна ШУТОВА,
старший научный сотрудник отдела научных исследований
Ижевского института (филиала) Всероссийского
государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), кандидат юридических наук
E-mail: iji-nauka@mail.ru

Научная специальность: 12.00.08 — Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

ПРИВЛЕЧЕНИЕ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕСОБЛЮЖДЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ ДОКУМЕНТОВ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ПОРЯДОК ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос обязательности соблюдения положений документов, регламентирующих порядок оказания медицинской помощи гражданам. Изучение материалов уголовных дел показывает, что при установлении неправомерных действий медицинского работника при оказании им медицинских услуг используются стандарты и порядки оказания медицинской помощи, а при их отсутствии — клинические рекомендации (протоколы лечения), которым придается обязательный характер.

Ключевые слова: преступление, медицинская помощь, нормативное регулирование, клинические рекомендации, стандарты оказания медицинской помощи, причинение смерти по неосторожности.

Albina Aleksandrovna SHUTOVA,
Senior Researcher of the Research Department
of the Izhevsk Law Institute of the All-Russian
State University of Justice (RLA of the Ministry
of Justice of Russia), Candidate of Law
E-mail: iji-nauka@mail.ru

CRIMINAL LIABILITY OF MEDICAL PERSONNEL FOR NON-COMPLIANCE WITH DOCUMENTS REGULATING THE PROVISION OF MEDICAL CARE

Abstract. The article deals with the obligation of medical workers to comply with the documents regulating the procedure for providing medical care to citizens. This problem is relevant because the examination of the materials of criminal cases shows that in determining the illegal actions of a medical officer in the provision of medical services, standards and procedures for the provision of medical care are used, and in their absence — clinical recommendations (treatment protocols), which are mandatory.

Keywords: crime, medical care, regulation, clinical recommendations, medical care standards, causing death by negligence.

Среди медицинского сообщества и юристов на протяжении многих лет остается дискуссионным вопрос об обязательности применения документов, разрабатываемых Мини-

стерством здравоохранения Российской Федерации (стандартов и порядков медицинской помощи, клинических рекомендаций, писем), в особенности в свете участвовавших случаев при-

влечения медицинских работников к различным видам юридической ответственности¹.

Большинство юристов и медицинских работников полагают, что при расследовании уголовных дел, в которых субъектами преступлений выступают медицинские работники, следует обращать внимание на правовые нормативы, регулирующие регламент предоставления медицинской помощи, в том числе на акты, определяющие обязанности медработников². Однако какие конкретные нормативные акты обязательны для соблюдения медицинским работниками, а какие нет — не определяется, что вызывает многочисленные дискуссии по доктрине и применению.

Совсем недавно на Всероссийской конференции «Актуальные проблемы правового регулирования медицинской деятельности: вопросы теории и практики», проведенной 21 ноября 2019 г. Ижевским институтом (филиалом) ВГУЮ (РПА Минюста России), подобная проблема была озвучена руководителем юридической службы Союза медицинского сообщества «Национальная медицинская палата» Л.А. Айдаровой. Выступающая отметила, что соблюдение стандартов и рекомендаций является обязательным для медицинских работников, а при отсутствии регулирования во внимание принимаются мнения ученых и разъяснения, содержащиеся в рекомендательных письмах Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Именно поэтому полагаем, что выбранная тема обязательности соблюдения документов, регламентирующих порядок оказания медицинской помощи или услуги (медицинских стандартов, клинических рекомендаций, писем Минздрава России), является актуальной и нуждающейся в более глубоком исследовании.

Несомненно, определённая позиция по данному вопросу наблюдается в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»³ (далее — ФЗ № 323), в ст. 37 ко-

торого говорится о том, что медицинская помощь организуется и оказывается на основе клинических рекомендаций и с учетом стандартов медицинской помощи.

Для начала остановимся на правовом статусе *стандартов и порядков оказания медицинской помощи*.

Так, к полномочиям Министерства здравоохранения Российской Федерации относится принятие таких нормативных правовых актов, как порядки и стандарты оказания медицинской помощи⁴. В указанном нормативном правовом акте говорится о наделении стандартов медицинской помощи нормативными свойствами. Кроме этого, в ст. 79 ФЗ № 323 говорится о том, что медицинская организация обязана осуществлять медицинскую деятельность в соответствии с порядками оказания медицинской помощи и с учетом стандартов медицинской помощи.

К примеру, первичная медико-санитарная помощь при кандидозе кожи и ногтей проводится в соответствии с подзаконным актом — приказом Минздрава России от 28 декабря 2012 г. № 1586н «Об утверждении стандарта первичной медико-санитарной помощи при кандидозе кожи и ногтей»⁵.

В связи с этим можно утверждать, что стандарты и порядки оказания медицинской помощи являются обязательными для применения, так как приказ Минздрава России является нормативным правовым актом, рассчитан на неопределенный круг лиц, его нарушение может повлечь возникновение различных видов юридической ответственности для медицинских работников.

Однако с *клиническими рекомендациями* дела обстоят гораздо сложнее. Полагаем, что органы предварительного расследования, суд, а также Министерство здравоохранения Российской Федерации придают клиническим рекомендациям часто неоправданно обязательный характер по ряду причин. К примеру, в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 апреля 2019 г. № 11-УД19-1

¹ См.: Калугина Н.Г., Шутова А.А. Некоторые проблемы квалификации преступлений, совершаемых медицинскими работниками // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2019. Т. 29, № 6. С. 849—851.

² Дуйсембаева Д.А., Савошикова Е.В. Медицинский работник как субъект преступлений против жизни и здоровья: проблемы определения // Российский судья. 2019. № 6. С. 46—48.

³ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Российская газета: федер. выпуск. 2011. 23 ноября (№ 263).

⁴ Постановление Правительства РФ от 19.06.2012 № 608 «Об утверждении Положения о Министерстве здравоохранения Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 26. Ст. 3526.

⁵ Об утверждении стандарта первичной медико-санитарной помощи при кандидозе кожи и ногтей: приказ Минздрава России от 28 декабря 2012 г. № 1586н // Российская газета: спец. выпуск. 2013. 11 июня (№ 124).

указывается, что «*медицинская помощь Хасановой Р.К. была оказана своевременно, в полном объеме, согласно клиническим рекомендациям*»⁶.

Во-первых, для начала следует обратить внимание на дефиницию «клинические рекомендации», определение которой содержится в ФЗ № 323 с 2018 г. Так, согласно закону, *клинические рекомендации* представляют собой документ, в котором содержатся сведения научного характера по вопросам лечения, профилактики и т.д. с описанием последовательности действий медицинского работника. Изучение представленного определения понятия «клинические рекомендации» позволяет сделать вывод о том, что они являются не нормативным правовым актом, а лишь документом, основанным на научных медицинских данных, а следовательно, не являются обязательными к применению медицинскими работниками.

Во-вторых, следующим аргументом в пользу признания необязательного характера их применения является тот факт, что клинические рекомендации носят временный характер, подлежат изменению с учетом развития науки, подлежат пересмотру не реже одного раза в три года.

В-третьих, согласно письму Минздрава России от 6 октября 2017 г. № 17-4/10/2-6989 «О клинических рекомендациях (протоколах лечения) по вопросам оказания медицинской помощи»⁷, данное ведомство только предлагает (а не обязует — прим. автора) использовать клинические рекомендации (протоколы лечения) по вопросам оказания медицинской помощи.

В-четвертых, указанное нами выше предположение подтверждается также и тем, что клинические рекомендации, к примеру, рекомендации «Туберкулез органов дыхания у взрослых», утверждаются Министерством здравоохранения Российской Федерации, однако ведомство просто утверждает их, но соответствующий приказ не издается, в силу чего обязательного характера они не приобретают.

Учитывая вышеизложенное, говорить о том, что клинические рекомендации являются нормативным правовым актом Министерства здравоохранения Российской Федерации и требуют

обязательного соблюдения и исполнения, нельзя. Клинические рекомендации носят не обязательный характер, а только рекомендательный. Ими следует руководствоваться на добровольной основе, а отступление от них не должно быть причиной привлечения медицинских работников к различным видам юридической ответственности за их несоблюдение.

Интересно обратить внимание на то, что, согласно ст. 2 приказа Минздрава России от 8 февраля 2018 г. № 53н «Об утверждении порядка разработки стандартов медицинской помощи»⁸, стандарты медицинской помощи разрабатываются на основе клинических рекомендаций. Несмотря на это, им все равно придается обязательный характер.

Продолжая далее развивать тему исследования, уточним, что мы солидарны с мнением С.А. Сумина и Р.А. Ярославкина, что до 1 января 2022 г. объективная оценка действий медицинского работника при оказании им помощи будет затруднена, так как отсутствуют соответствующие клинические рекомендации⁹.

Одним из документов, издаваемых ведомством, являются *письма Министерства здравоохранения Российской Федерации*, правовой статус которых, по нашему мнению, также нуждается в уточнении.

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 нормативные правовые акты издаются федеральными органами исполнительной власти в виде постановлений, приказов, распоряжений, правил, инструкций и положений. Имеется судебная практика об оспаривании писем Министерства здравоохранения Российской Федерации, к примеру, письма от 7 апреля 2017 г. № 15-2/10/2-2343¹⁰, как обладающих, по мнению заявителе-

⁶ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.04.2019 № 11-УД19-1 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ О клинических рекомендациях (протоколах лечения) по вопросам оказания медицинской помощи: письмо Минздрава России от 6 октября 2017 г. № 17-4/10/2-6989 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Об утверждении порядка разработки стандартов медицинской помощи: приказ Минздрава России от 08.02.2018 № 53н (ред. от 28.06.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ См.: Сумин С.А., Ярославкин Р.А. Проблемы правовой оценки действий врача и качества медицинской помощи // Актуальные проблемы правового регулирования медицинской деятельности: вопросы теории и практики: сборник научных статей, докладов международной научно-практической конференции (Ижевск, 18 апреля 2019 г.) / под общ. ред. К.Г. Дедюхина, И.Г. Титова; Ижевский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). Ижевск, 2019. С. 10—11.

¹⁰ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 25.07.2019 № АПЛ19-248 «Об оставлении без изменения решения Верховного Суда РФ от 18.04.2019 № АКПИ19-115, которым отказано в удовлетворении заявления об оспаривании письма Минздрава России от 07.04.2017 № 15-2/10/2-2343» // СПС «КонсультантПлюс».

лей, нормативными свойствами и обязательным характером. Достаточно часто различные ведомства (в лице Министерства здравоохранения, Министерства юстиции, Федерального фонда обязательного медицинского страхования) вступают в споры по поводу признания писем Минздрава РФ нормативными правовыми актами или актами, обладающими нормативными свойствами. К примеру, решение Верховного Суда РФ от 25 сентября 2018 г. № АКПИ18-856 «Об удовлетворении заявления о признании недействующим со дня принятия информационно-методического письма Минздрава России от 29.03.2016 № 15-4/10/2-1895 „О направлении граждан Российской Федерации для проведения процедуры ЭКО“»¹¹.

Согласно Пленуму Верховного Суда Российской Федерации (пункт 9 Постановления от 29 ноября 2007 г. № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части»), любой нормативный правовой акт должен обладать рядом признаков, наличие которых позволяет признавать его таковым: 1) нормативный правовой акт издается в установленном порядке органом государственной власти, органом местного самоуправления или должностным лицом; 2) в нем содержатся правовые нормы (правила поведения); 3) подобные правила поведения являются обязательными для неопределенного круга лиц; 4) нормы права, содержащиеся в них, рассчитаны на многократное применение; 5) нормы права регулируют общественные отношения либо изменяют или прекращают правоотношения.

В связи с этим нам представляется, что письмо, даже издаваемое Министерством здравоохранения Российской Федерации, нельзя признавать нормативным правовым актом, так как, во-первых, оно не содержит положений, которые разъясняют законодательство России, во-вторых, оно не регулирует общественные отношения, в-третьих, содержит рекомендации по применению законов и не является обязательным для применения.

¹¹ Решение Верховного Суда РФ от 25 сентября 2018 г. № АКПИ18-856 «Об удовлетворении заявления о признании недействующим со дня принятия информационно-методического письма Минздрава России от 29.03.2016 № 15-4/10/2-1895 «О направлении граждан Российской Федерации для проведения процедуры ЭКО»: извлечение // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7. С. 51–53.

Рассматриваемый нами вопрос является важным и по той причине, что изучение материалов уголовных дел показывает: при установлении неправомерных действий медицинского работника при оказании им медицинских услуг используются стандарты медицинской помощи, а при их отсутствии — клинические рекомендации (протоколы лечения), которым придается обязательный характер.

Несомненно, объективная сторона большинства преступлений, совершаемых медицинскими работниками (ч. 2 ст. 209, ч. 2 ст. 118, ч. 2 ст. 293 УК РФ), заключается в нарушении ими своих профессиональных обязанностей, выполнение которых предусмотрено нормативными правовыми актами Министерства здравоохранения Российской Федерации, относящимися к их профессиональной практике.

Мы поддерживаем мнение, высказанное А.Ф. Ахметгалиевой, согласно которому необходимо указывать конкретные нарушения требований нормативных правовых актов, допущенные медицинским работником, в описательной части обвинения¹².

В правовой доктрине указывается, что привлечение лица к уголовной ответственности за противоправное бездействие возможно только в том случае, если на гражданина была возложена юридическая обязанность действовать определенным образом, а также имелась реальная возможность действовать при данных условиях¹³.

Полагаем, что должен присутствовать юридический критерий оценки характера медицинской помощи, по которому должны оцениваться действия медицинского работника: правильно он поступил или нет.

В процессе расследования подобных уголовных дел возникает проблема: в основе выводов экспертов, а затем и судебно-следственных органов достаточно часто лежат оценочные суждения экспертов. Именно поэтому при назначении дополнительных или повторных экспертиз

¹² См.: Ахметгалиева А.Ф. Особенности расследования преступлений, совершенных медицинскими работниками // Актуальные проблемы юридических аспектов в медицине: сборник трудов I Межрегиональной конференции по юридическим аспектам в медицине, хирургии и обществе в современных условиях / под общ. ред. С.Н. Стяжкиной, А.Р. Поздеева; Министерство здравоохранения Удмуртской Республики, Ижевская государственная медицинская академия, ВГУЮ (РПА Минюста России). Ижевск, 2018. С. 32.

¹³ Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / отв. ред.: Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М.: Контракт, 2017 // СПС «КонсультантПлюс».

заклучения значительно отличаются друг от друга. Нам представляется, что подобное положение дел приводит к нарушению основополагающих принципов уголовного закона, в том числе и принципа объективности. Складывается ситуация, когда органы предварительного расследования, а в свою очередь и суд не исследуют все обстоятельства содеянного, а руководствуются исключительно заключением эксперта, в котором делается суждение о наличии или отсутствии прямой причинно-следственной связи между деянием и наступившими негативными последствиями.

К примеру, Хасанова Р.К. была осуждена за причинение смерти по неосторожности А. В кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.04.2019 № 11-УД19-1 указывается, что в ее действиях каких-либо нарушений положений должностных инструкций, ст. 58 Основ законодательства Российской Федерации по охране здоровья граждан, медицинских стандартов не установлено. Поэтому судебная коллегия определила приговор районного суда, апелляционное постановление и постановление президиума Верховного Суда Республики Татарстан в отношении Р.К. Хасановой отменить, уголовное дело в отношении нее прекратить в связи с отсутствием в деянии состава преступления¹⁴.

На основе проведенного нами исследования сделаем несколько выводов.

Во-первых, при осуществлении своей деятельности медицинским сотрудникам следует руководствоваться нормативными правовыми актами Министерства здравоохранения России, а в частности стандартами и порядками оказания медицинской помощи; их нарушение и несоблюдение позволяет говорить о возникновении различных видов юридической ответственности, при причинении вреда здоровью или жизни человека — применяются меры уголовно-правового воздействия.

В свою очередь, клинические рекомендации и письма Министерства здравоохранения Российской Федерации носят исключительно рекомендательный характер; несоблюдение их положений исключает привлечение медицинского работника к юридической ответственности на данный момент.

¹⁴ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.04.2019 № 11-УД19-1.

Во-вторых, полагаем, что назрела необходимость разработки постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях, совершаемых медицинскими работниками».

В данном разъяснении следует указать, что объективная сторона ряда уголовно наказуемых деяний, которые совершаются такими специальными субъектами, как медицинские работники (ч. 2 ст. 209, ч. 2 ст. 118, ч. 2 и ч. 3 ст. 293 УК РФ), состоит в сознательном нарушении своих обязанностей, выполнение которых предусмотрено исключительно нормативными правовыми актами Министерства здравоохранения Российской Федерации (стандартами и правилами оказания медицинской помощи) и которые связаны с их профессией. При отсутствии нормативного правового акта, регламентирующего порядок оказания медицинской помощи, отсутствует и само общественно опасное деяние, так как при таких обстоятельствах определить виновность медицинского работника невозможно¹⁵.

Подобное предложение также озвучивалось специалистами в области уголовно-правовой доктрины. К примеру, Н.Ш. Козаев предлагает уточнить ч. 2 ст. 118 УК РФ путем внесения в ее текст ссылки на стандарты и правила оказания медицинской помощи¹⁶. Однако мы придерживаемся позиции, что во внесении подобных законодательных изменений отсутствует необходимость и действующих уголовно-правовых средств на настоящий момент достаточно для того, чтобы эффективно противодействовать преступности.

В-третьих, с 2022 г. клиническим рекомендациям придается статус обязательных к исполнению. По новым положениям разработкой клинических рекомендаций займутся медицинские профессиональные некоммерческие организации. В силу данных новых законодательных положений мы предлагаем изменить термин «клинические рекомендации», используемый в ФЗ № 323, в связи с тем, что используемый термин «рекомендации» предполагает необязательность их применения.

¹⁵ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015 (ред. от 28.03.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Козаев Н.Ш. Уголовно-правовые средства минимизации злоупотреблений в сфере витальных технологий // Российский следователь. 2015. № 7. С. 33—37.

УДК 343.132
ББК 67.410.212.2

Ольга Михайловна ЕФРЕМОВА,
преподаватель-методист учебного отдела Орловского
юридического института МВД России
имени В.В. Лукьянова, майор полиции
E-mail: efremovaolga@rambler.ru

Виталий Федорович ВАСЮКОВ,
доцент кафедры уголовного права, уголовного
процесса и криминалистики Московского государственного
института международных отношений (Университета) МИД России,
профессор кафедры криминалистики и предварительного
расследования в органах внутренних дел Орловского юридического
института МВД России имени В.В. Лукьянова, доктор юридических наук, доцент
E-mail: vvf0109@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.09 — Уголовный процесс

НУЖДАЮТСЯ ЛИ В КОРРЕКТИРОВКЕ ПРАВИЛА ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ИЗЪЯТИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ И КОПИРОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ?

Аннотация. В статье затронуты проблемы правоприменения новых правил производства следственных действий, направленных на изъятие электронных носителей информации и копирование компьютерной информации. Авторами поставлена цель — рассмотреть юридическую конструкцию положений ст. 164.1 УПК РФ, которые при тщательном анализе оказались не лишены определенных технических упущений.

Ключевые слова: производство, следственное действие, изъятие, электронный носитель информации, копирование компьютерной информации, назначение экспертизы, следствие, расследование, доказательства, доказывание.

Olga Mikhailovna EFREMOVA,
Teacher-methodologist of the Educational Department
of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.V. Lukyanov, Police Major
E-mail: efremovaolga@rambler.ru

Vitaliy Fedorovich VASYUKOV,
Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminology of the MGIMO University
(Moscow State Institute of International Relations),
Professor of the Department of Criminalistics and Preliminary
Investigation in the Internal Affairs Bodies of the Oryol Law
Institute of the MIA of Russia named after V.V. Lukyanov,
Doctor of Law, Associate Professor
E-mail: vvf0109@yandex.ru

IS THERE A NEED TO ADJUST THE RULES FOR INVESTIGATIVE ACTIONS AIMED AT REMOVING ELECTRONIC MEDIA AND COPYING COMPUTER INFORMATION?

Abstract. The article deals with the problems of law enforcement of new rules for conducting investigative actions aimed at the seizure of electronic media and copying computer information. The authors set a goal — to consider the legal structure of the provisions of Article 164.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which, upon careful analysis, were not devoid of certain technical omissions in their design.

Keywords: production, investigative action, seizure, electronic media, copying of computer information, appointment of examination, investigator, investigation, evidence, proof.

Довольно необычное обращение законодателя с юридическими нормами привело к тому, что конструктивно положения ст. 164.1 УПК РФ излагаются не с общих правил изъятия электронных носителей информации и копирования информации, а с перечня исключительных случаев, когда при производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности допускается такое изъятие. На этот же факт обращает внимание В.Н. Григорьев, который справедливо отмечает, что согласно элементарным правилам законодательной техники регулируются сначала общие отношения, а затем — более частные¹.

Несмотря на неординарность технического изложения норм ст. 164.1 УПК РФ, порядок, установленный во второй части данной статьи, распространяется на расследование преступлений всех категорий. Такой вывод мы делаем исходя из формулировки названия статьи, в которой отсутствует упоминание о дифференциации уголовно-процессуальной формы по делам в отношении лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Таким образом, законодатель в указанной статье изначально излагает норму — исключение из правила, а затем уже приводит правило, которому необходимо следовать. Подобное жонглирование нормативными элементами в хаотичном порядке вряд ли может способствовать дальнейшему прогрессу юридических норм, посвященных приданию доказательственной основы компьютерной информации.

Изучая конструктивную часть приведенных норм, можно резюмировать, что законодатель применил в этом случае встречную отсылку одной нормы на другую, что довольно редко встречается в уголовно-процессуальном законе. Значительно проще для понимания было бы упоминание об исключениях в той же норме, где они первоначально провозглашаются. Однако законодатель решил прибегнуть к более сложной конструкции, которая, в свою очередь, не лишена определенных технических упущений.

Так, согласно правилу ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ «не допускается **необоснованное** изъятие электронных носителей информации, **за исключением случаев, предусмотренных частью первой статьи 164.1 настоящего Кодекса** (выделе-

но нами)». То есть, исходя из смысла приведенной формулировки, при формировании процессуальной ситуации, которая может быть отнесена к одному из исключений, допускается необоснованное изъятие. Ошибка законодателя заложена именно в принципе построения указанного предложения, где было лишним использование слова «необоснованное». В данном случае в целях устранения коллизии уместно было бы ограничиться формулировкой, используемой в ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ: «...изъятие электронных носителей информации не допускается, за исключением случаев...»

Отдельного внимания заслуживает отсылка к конкретным уголовным делам, при расследовании которых недопустимо необоснованное изъятие электронных носителей информации. То есть указанные ограничения в изъятии касаются только следственных действий, которые производятся после возбуждения уголовного дела. Таким образом, при проведении проверки по сообщению о преступлении в сфере предпринимательской деятельности изъятие электронных носителей информации может производиться в общем порядке. Однако это правило не может распространяться на процедуры, связанные с производством осмотра места происшествия, документов, предметов, так как в силу положений ч. 1 ст. 144, ч. 2 ст. 176 УПК РФ указанные следственные действия могут быть проведены до возбуждения уголовного дела. Соответственно, следователь должен применять предписания ст. 164.1 УПК РФ при осуществлении осмотра места происшествия, документов, предметов в полном объеме.

К подобным выводам пришел Третий кассационный суд общей юрисдикции, рассматривая апелляционное постановление Мурманского областного суда от 15 октября 2019 года. Так, в рамках проводимой предварительной проверки по факту мошеннических действий директора ООО «1» были установлены признаки преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ. В ходе осмотра места происшествия сотрудниками полиции в офисе ООО «1» были изъяты документы и системный блок. Специалист в изъятии системного блока компьютера не участвовал. Впоследствии на этом акцентирует внимание в своей жалобе адвокат Д.

Оценивая данное обстоятельство, в своем решении Мурманский областной суд указал, что, поскольку системный блок изъят в рамках проводимой процессуальной проверки, при этом лицо, подлежащее привлечению к уголовной ответственности, не установлено, а квалифика-

¹ Григорьев В.Н. Тенденции и проблемы развития законодательства в области информационных технологий, регулирующего уголовное судопроизводство // Академическая мысль. 2019. № 3 (8). С. 57—61.

ция его действиям не дана, следовательно, в данном случае требования ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ применению не подлежат.

Однако Третий кассационный суд общей юрисдикции такие выводы суда признал незаконными и необоснованными, опираясь на процессуальное полномочие следователя — проводить осмотр места происшествия до возбуждения уголовного дела, в рамках которого должны соблюдаться все права и законные интересы лица, в отношении которого проводятся проверочные мероприятия (кассационное определение от 30.06.2020 по делу № 77-431/2020).

Поводом для дискуссии также стали и перечисляемые основания для исключения из общих правил изъятия электронных носителей информации. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ изъятие электронного носителя допускается в ситуации, когда вынесено постановление о назначении судебной экспертизы в отношении электронных носителей информации. Употребление глагола «вынесено» в прошедшем времени предполагает, что к началу производства следственного действия, целью которого является изъятие электронного носителя информации, следователь уполномочен составить постановление о назначении экспертизы. То есть мы становимся невольными очевидцами еще одной коллизии, так как такое постановление может быть вынесено только после изъятия электронного носителя информации, но не при подготовке к этой процедуре.

Очевидно, что фактическим основанием для назначения экспертизы является совокупность возникших у следователя вопросов по уже изъятим материалам, разрешение которых возможно только с использованием специальных знаний. Соответственно, выносить постановление о назначении судебной экспертизы в отношении электронных носителей информации, которые только будут изыматься, необоснованно и незаконно.

Принципиально замысел законодателя понятен. В случае если после изъятия электронных носителей информации необходимо незамедлительно назначить в отношении них судебную экспертизу, то решаться доказательственная судьба носителей будет после производства экспертизы. Когда на электронном носителе экспертом не обнаруживается информация, имеющая значение для доказывания по уголовному делу, то такой носитель возвращается владельцу (в данном случае предпринимателю) для дальнейшего функционирования в организации.

Представленные варианты развития событий закреплены в ч. 2 ст. 81.1 УПК РФ.

Добавим к этому важный аргумент: именно в этой норме устанавливается ограничение полномочия следователя в части, касающейся признания предметов и документов вещественными доказательствами при назначении судебной экспертизы. Так, в случае если для процедуры такого признания требуется назначение судебной экспертизы, срок вынесения постановления о признании их вещественными доказательствами не может превышать 3 суток с момента получения следователем или дознавателем заключения эксперта. Тем самым законодатель определяет, что протокол осмотра предмета (электронного носителя информации) должен быть составлен в указанный срок. Из этого следует, что положения части 2 ст. 81.1 УПК РФ, которая является более общей по отношению к п. 1 ст. 164.1 УПК РФ, допускают возможность назначения экспертизы только после изъятия, в том числе электронных носителей информации.

Само по себе указание о вынесении постановления, носящего только перспективный характер и не имеющего обоснования, упомянутого в ч. 1 ст. 195 УПК РФ, не только ставит под сомнение его целесообразность, но и дискредитирует новеллы в своей правовой сущности.

Даже предположив, что следователь может вынести такое постановление в процессе производства следственного действия, в ходе которого происходит изъятие, нарушение процедуры будет в том случае, если следователь не приостановит его производство, так как назначение экспертизы не может происходить параллельно с другими следственными действиями. Например, если в ходе обыска обнаруживается флеш-карта и существует необходимость назначения экспертизы, следователь обязан заявить о приостановлении обыска всем участвующим лицам, сделать об этом отметку в протоколе и только потом составить постановление о назначении экспертизы.

Между тем парадоксальность ситуации заключается в том, что изъятие электронных носителей информации возможно только при проведении обыска, следовательно, в процессуальный обиход изымаемые предметы допускаются по результатам его проведения. Поэтому говорить о возможности вынесения постановления в отношении электронных носителей информации в период проведения изъятия некорректно. Несмотря на очевидность существующей правовой коллизии, уже известны прецеденты, когда суд ссылается на возможность рассматриваемого основания на изъятие. Например, решение Май-

копского городского суда Республики Адыгея от 2 апреля 2019 г. о признании законным производства обыска в жилище, занимаемом Б., отменяется в апелляционной инстанции из-за того, что судом первой инстанции не рассмотрен вопрос о соблюдении следователем требований ч. 1, 2 ст. 164.1 УПК РФ, в том числе в части, касающейся наличия постановления о назначении судебной экспертизы в отношении электронных носителей информации (апелляционное постановление Верховного Суда Республики Адыгея от 13 июня 2019 г. по делу № 22К-316/2019).

Теоретическое обоснование данного исключения может получить свою интерпретацию в практике лишь в случае указания необходимости вынесения постановления в отношении электронных носителей информации незамедлительно после их изъятия. Однако такое исключение не может находиться в перечне ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ, так как заведомо обрекает все изъятые в зависимости от необходимости проведения экспертного исследования, что само по себе не ограничивает какой-либо исключительностью тот или иной электронный носитель.

По-иному интерпретируя указанный тезис, определим, что следователь, у которого находится в производстве уголовное дело, затрагивающее интересы предпринимателя, опираясь на исключение из общих правил запрета, будет выносить постановление в отношении всех изъятых электронных носителей информации. Что, как правило, в настоящее время и осуществляется на практике.

Таким образом, первое исключение из общих правил запрета на изъятие электронных носителей информации, по нашему мнению, должно быть упразднено, так как не имеет ни юридической, ни фактической основы для реализации.

Вторым исключением из общих правил изъятия электронных носителей информации в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ стала процессуальная ситуация, когда такое изъятие производится на основании судебного решения. Конструктивность формулировки вряд ли может быть подвергнута сомнению в связи с тем, что судебный контроль является гарантом соблюдения прав и свобод граждан, которые подвергаются процессуальному принуждению, в частности, в сфере предпринимательской деятельности.

Вместе с тем открытым остался вопрос о том, необходимо ли получать судебное решение, только основываясь на том, что при производстве следственного действия будут изыматься электронные носители информации?

При этом, констатируя тот факт, что перечень полномочий суда в ст. 29 УПК РФ остался

неизменным, существующие прецеденты использования следователем новых механизмов судебного контроля при изъятии электронных носителей информации остаются достаточно противоречивыми.

Изучение литературы свидетельствует о неоднозначном понимании этого вопроса. Так, судя по утверждениям И.И. Литвина, следователь обязан получать судебное решение в случае проведения любого изъятия электронного носителя информации². Тем временем А.А. Бондаренко утверждает о неработоспособности положений п. 2 ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ, так как следователь на момент обращения в суд достоверно может не знать о существовании всех необходимых для интересов расследования электронных носителей информации³.

Акцентируя внимание на определенной противоречивости указанных позиций авторов, определим, что об отдельном санкционировании процедуры изъятия электронных носителей информации следует говорить только в том случае, если процедура изъятия происходит в условиях действия определенных правовых режимов, которые уже приведены в ст. 29, 165 УПК РФ. Полагаем, что положения п. 2 ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ устанавливают императивное правило, которое по своему содержанию дублирует уже имеющиеся в уголовно-процессуальном законодательстве предписания. Несмотря на это, упразднение рассматриваемого условия изъятия приведет к ситуациям, когда следователь при проведении, например, обыска в жилище, предполагающего изъятие электронных носителей информации, может не знать об этом. При этом основанием к изъятию электронных носителей становится постановление суда о производстве обыска в жилище. Поэтому считаем целесообразным оставить указанное основание изъятия электронных носителей информации с уточнением, что постановление суда должно быть получено в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 29 УПК РФ.

Дальнейшее рассмотрение конструкции ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ говорит о том, что пункт 3 включает в себя сразу три процессуальные ситуации, когда изъятие электронных носителей допускается при проведении расследования уго-

² Литвин И.И. Некоторые особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий // Вестник ВПК МВД России. 2020. № 1. С. 8—13.

³ Бондаренко А.А. Изъятие электронных носителей информации при расследовании уголовных дел экономической и общеуголовной направленности, а также по соединенным уголовным делам // Законодательство и практика. 2019. № 1. С. 36—40.

ловного дела, затрагивающего интересы предпринимателей. Одной из установленных ситуаций стало наличие на изымаемом носителе информации, полномочиями на хранение и использование которой владеет электронного носителя информации не обладает.

Обращение к отраслевому законодательству позволяет утверждать, что понятие «владелец» используется в случае определения термина «владелец сайта в сети Интернет». В соответствии с п. 17 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» владельцем сайта в сети Интернет является лицо, самостоятельно и по своему усмотрению определяющее порядок использования сайта в сети Интернет, в том числе порядок размещения информации на таком сайте. Между тем пунктом 5 этой же статьи конструируется определение «обладатель информации», под которым понимается лицо, самостоятельно создавшее информацию либо получившее на основании закона или договора право разрешать или ограничивать доступ к информации, определяемой по каким-либо признакам. Учитывая, что слова «владелец» и «обладатель» являются синонимами, представляется, что владельцами информации также могут быть лица, которые самостоятельно ее создали либо на основании закона или договора получили право разрешать или ограничивать доступ к информации, определяемой по каким-либо признакам.

Однако более тщательное изучение данного вопроса говорит о том, что термины «владелец» и «собственник» вовсе не смежные понятия. Дело в том, что ГОСТ Р 50922—2006, в котором реализованы нормы Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (утв. и введен в действие приказом Ростехрегулирования от 27.12.2006 № 373-ст), устанавливает, что *собственником информации* является «субъект, в полном объеме реализующий полномочия владения, пользования, распоряжения информацией в соответствии с законодательными актами». В свою очередь, *владелец информации* — это субъект, осуществляющий владение и пользование информацией и реализующий полномочия распоряжения в пределах прав, установленных законом и (или) собственником информации. Таким образом, владелец информации не является ее собственником, что устанавливает довольно широкий круг лиц, которые вправе обладать имеющимися на носителе информации сведениями.

При этом изъятие электронного носителя информации возможно, когда на нем содержатся

объекты авторского права, а также смежных прав, которые собственник незаконно хранит на носителе. Также следователь уполномочен изымать носители с контрафактными экземплярами произведений или фонограмм. Чаще всего объектами изъятия становятся стационарные компьютерные устройства, с помощью которых записывается на CD, DVD, blu-ray диски лицензионное программное обеспечение без необходимого правообладания.

Вторая ситуация, предусмотренная п. 3 ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ, которая допускает процессуальное изъятие электронных носителей, определяет, что на этих носителях должна содержаться информация, которая может быть использована для совершения новых преступлений.

Думается, к такой информации могут быть отнесены любые сведения, которые в той или иной мере могут способствовать дальнейшим действиям фигурантов по реализации преступной цели. Как показывает изучение практики, в подавляющем большинстве случаев такие сведения содержатся в мобильных устройствах связи участников преступления, так как именно с помощью таких устройств сохраняется информация о контактах соучастников, которыми может воспользоваться фигурант (приговор Ленинского районного суда г. Краснодара по делу № 1-167/2019 (1-966/2018) от 15 ноября 2019 г.).

Также к такой информации можно отнести различные вредоносные программы, пароли доступа и логины электронных профилей, посредством которых могут быть совершены преступления, различного рода электронные базы данных и др.⁴

Основанием изъятия электронных носителей информации технического характера можно назвать еще одно предписание п. 3 ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ, когда копирование информации по заявлению специалиста может повлечь за собой ее утрату или изменение. То есть, интерпретируя это исключение в процессуальном русле, отметим, что при осуществлении изъятия электронных носителей вывод о возможной утрате или изменении информации может сделать только специалист, участвующий в следственном действии.

С одной стороны, это предусматривается для того, чтобы обеспечить законные интересы владельцев (обладателей) электронных средств, с другой — следователь не может безошибочно определить, повлияет ли копирование и пере-

⁴ Цуканов Н.Н., Карлов А.Л. К вопросу об изъятии электронных носителей информации при производстве следственных действий // Алтайский юридический вестник. 2019. № 4 (28). С. 135—140.

дача данных на целостность копий⁵. Например, в соответствии с техническими рекомендациями, отраженными в литературе, при производстве следственных действий серверы желательно изымать целиком, так как в них могут использоваться избыточные массивы независимых дисков. При производстве компьютерной экспертизы с дисков изъятого сервера создаются посекторные образы и производится сборка виртуального массива⁶.

Однако, как мы уже отмечали, в соответствии с ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ при осуществлении копирования следователь может не привлекать специалиста, а провести указанную процедуру самостоятельно. Это означает, что в случае участия специалиста при проведении следственного действия необходимо зафиксировать в протоколе сделанное им заявление. Отсутствие соответствующей записи может стать основанием признания недопустимыми действий лиц, осуществляющих изъятие электронных носителей информации.

Обращение к основаниям изъятия электронных носителей информации, предусмотренным п. 3 ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ, позволяет утверждать, что их применение возможно только в случае осмотра содержимого носителей. То есть в отсутствие оснований, указанных в пунктах 1 и 2 рассматриваемой статьи, следователь обязан изучить файловую систему электронного носителя с тем, чтобы удостовериться в наличии той информации, которая упомянута в третьем пункте. Однако, как показывает практика, сделать это на месте производства осмотра места происшествя, обыска или выемки не всегда возможно, так как доступ к информации на многих мобильных и стационарных устройствах защищен паролем, нивелирование которого возможно только в лабораторных условиях (апелляционное определение Челябинского областного суда от 17 января 2020 г. по делу № 10-155/2020).

В таком случае, не обладая надлежащими сведениями о том, содержится ли на электронных носителях информация, которая относится к определенной категории либо копирование которой может привести к любой модификации или утрате, следователь уполномочен производить изъятие носителя только на основании судебного решения. В отсутствие же судебного ре-

шения изъятие «запароленного» носителя недопустимо, так как основание, предусмотренное п. 1 ч. 1 ст. 164.1 по вынесению постановления о назначении экспертизы, технически невыполнимо. При формировании подобных ситуаций, как это неоднократно происходило, правоприменитель будет вынужден использовать для надлежащего изъятия электронных носителей информации механизмы получения судебного решения, которые для этого не предназначены.

Дабы исключить возможность формирования такой процессуальной ситуации, представляется необходимым дополнить перечень оснований изъятия электронных носителей информации по уголовным делам в сфере предпринимательской деятельности условием, когда у следователя отсутствует доступ к информации, содержащейся на электронных носителях информации. Именно это позволит обеспечить меры по надлежащему сохранению следов, а также дальнейшему их использованию в доказывании.

Таким образом, подводя итоги приведенным доводам, следует отметить, что анализ законодательных изменений в части, касающейся общих правил использования компьютерной информации, свидетельствует о желании законодателя скорректировать полномочия следователя в этой сфере, создать дополнительные гарантии их достоверности и защиты прав участников соответствующих следственных действий. Однако положения ст. 164.1 УПК РФ, а также практика их реализации свидетельствуют о необходимости дальнейшей работы по их совершенствованию. Положения, предусматривающие исключение из общего правила изъятия, касающиеся вынесения постановления о назначении судебной экспертизы в отношении электронных носителей информации, не могут применяться следователем в силу отсутствия юридических и фактических условий реализации.

При этом основание изъятия электронных носителей информации по уголовным делам в сфере предпринимательской деятельности — наличие постановления суда — должно быть конкретизировано в части применения ч. 1 ст. 29 УПК РФ.

Закрепленному ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ праву законного владельца изымаемых электронных носителей информации или обладателя содержащейся на них информации на изготовление копии корреспондирует установленная ч. 1 ст. 11 УПК РФ обязанность следователя обеспечивать возможность осуществления данного права.

Также нуждается в дополнении перечень исключений — основанием, которое формируется при отсутствии возможности получения следователем доступа к содержимому электронного носителя информации в силу установленных защитных мер.

⁵ Добровлянина О.В. Некоторые аспекты о процессуальном изъятии (копировании) электронных носителей информации // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 641—649.

⁶ Суровенко И.А., Гудзь А.А. Особенности изъятия электронных носителей информации в ходе обысков // Научный портал МВД России. 2016. № 4 (36). С. 25—29.

УДК 343.163
ББК 67.721-7

Татьяна Юрьевна САБЕЛЬФЕЛЬД,
заведующий кафедрой уголовного права,
криминологии и уголовного процесса
Новосибирского филиала Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук
E-mail: kassatka@bk.ru

Научная специальность: 12.00.09 — Уголовный процесс

ПРОКУРОР КАК СУБЪЕКТ СТОРОНЫ ОБВИНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье проводится анализ процессуального положения прокурора как субъекта стороны обвинения с иллюстрацией примерами из прокурорско-надзорной практики в связи с выявленными нарушениями закона в различных стадиях уголовного процесса.

Ключевые слова: прокурор, уголовный процесс, субъект стороны обвинения, поддержание государственного обвинения, Следственный комитет Российской Федерации.

Tatiana Yu. SABELFELD,
Head of the Department of Criminal Law, Criminology
and Criminal Procedure of the Novosibirsk branch
of the Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation, Candidate of Law
E-mail: kassatka@bk.ru

THE PROSECUTOR AS A PARTICIPANT IN CRIMINAL PROCEEDINGS ON THE PART OF THE PROSECUTION

Abstract. The article analyzes the procedural position of the prosecutor as a subject of the prosecution, illustrating examples of prosecutorial and supervisory practice in connection with the revealed violations of the law at various stages of the criminal process.

Keywords: prosecutor, criminal procedure, subject of the prosecution, maintaining the state prosecution, Investigative Committee of the Russian Federation.

Субъектами уголовного процесса являются его участники, которые указаны в уголовно-процессуальном законодательстве и обладают соответствующим процессуальным статусом. Прокурор — полноправный участник уголовного процесса со стороны обвинения. Согласно п. 31 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) понятие «прокурор» шире его буквально толкования, оно включает в себя все оперативные должности прокуратуры: Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры, их заместители, а также другие должностные лица органов прокуратуры,

которые участвуют в различных стадиях уголовного процесса.

Как правило, на уровне районного звена органов прокуратуры полномочия прокурора на стадиях уголовного процесса, исходя из должностных полномочий, осуществляют прокурор района, его заместители, помощники прокурора, которые поддерживают государственное обвинение в суде (государственные обвинители). Однако в прокурорской практике можно отметить, что практически все сотрудники районного звена органов прокуратуры осуществляют по поручению прокурора района поддержание государственного обвинения в суде, а прокуро-

ры всех уровней обязаны в силу распорядительных документов органов прокуратуры лично осуществлять поддержание государственного обвинения, что отражается в статистических отчетах прокурора в специальной графе отчета об участии прокурора в судебных стадиях уголовного судопроизводства. Как правило, прокуроры и их заместители поддерживают государственное обвинение по 4—10 уголовным делам в календарном году, а в соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации прокуроры всех уровней обязаны принимать участие в судебных стадиях уголовного судопроизводства не реже 1 раза в квартал. При этом обвинение прокурорами должно поддерживаться по категории тяжких и особо тяжких уголовных дел, в том числе преступлений коррупционной направленности, должностных преступлений.

Статус прокурора как участника уголовного процесса со стороны обвинения определяется Конституцией Российской Федерации, нормами Уголовно-процессуального кодекса РФ, приказами Генерального прокурора РФ:

- от 28.12.2016 № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»;
- от 26.01.2017 № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания»;
- от 25.12.2012 № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства»;
- совместным приказом от 26.03.2014 № 147/209/187/23 «Об усилении надзора и ведомственного контроля за законностью процессуальных действий и принимаемых решений об отказе в возбуждении уголовного дела при разрешении сообщений о преступлениях».

По своему направлению деятельности прокурор осуществляет уголовное преследование в уголовном процессе. Однако в последнее время многие ученые высказывают мнение, что прокурор перестал быть органом уголовного преследования. Так, С.Л. Каменобродский считает, что прокурор утратил функцию уголовного преследования, его единственной процессуальной функцией становится функция надзора¹. Такого же мнения придерживается Ю.П. Синельников².

¹ Каменобродский С.Л. О функциях прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Общество и право. 2009. № 2. С. 184.

Синельников². О фактическом лишении прокурора возможности осуществлять уголовное преследование рассуждает и С.Н. Коньков³.

На наш взгляд, действующий уголовно-процессуальный закон действительно существенно изменил полномочия прокурора в части уголовного преследования, передав ряд полномочий прокурора непосредственно руководителю следственного органа (например, право возбуждать уголовное дело, передавать уголовное дело от одного следователя другому и т.п.). Но нельзя согласиться в полной мере с позицией авторов, что данная функция на сегодняшний день полностью утрачена. Так, осуществление прокурором функции уголовного преследования осуществляется уже на начальных этапах уголовного процесса (начиная с приема, регистрации сообщений о преступлениях)⁴. Так, прокуроры оценивают законность каждого процессуального итогового решения следователя и дознавателя на стадии разрешения сообщения о преступлении, а в случаях выявления нарушений закона вносят соответствующие акты прокурорского реагирования — представления, требования. Например, в связи с нарушениями на стадии приема и разрешения сообщений о преступлениях в сфере невыплаты заработной платы, прокурорами Сибирского федерального округа руководителям следственных органов в 2018 году внесен 91 акт прокурорского реагирования (в 2017 г. — 99), признанный обоснованным и удовлетворенный руководителями следственных органов.

В ходе прокурорских проверок на досудебных стадиях уголовного процесса наиболее часто выявляются следующие нарушения: неполно проводятся проверочные мероприятия в ходе досудебных проверок, описательно-мотивировочная часть постановлений не соответствует резолютивной части, нарушаются процессуальные сроки принятия окончательных процессу-

² Синельников Ю.П. О функциях прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса // Российский следователь. 2008. № 17. С. 9—14.

³ Коньков С.Н. Проблемы правового статуса прокурора в досудебном производстве // Уголовное судопроизводство. 2008. № 2. С. 12—17.

⁴ См. подробнее: Сабельфельд Т.Ю. Полномочия прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы восемнадцатой международной научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. Ч. 1. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2020. С. 110.

альных решений, а также разумный срок уголовного судопроизводства, что влечет нарушения прав заявителей (пострадавших), а также лиц из числа заподозренных в совершении преступлений. Например, по заявлению о краже сотового телефона у несовершеннолетней дознавателем отдела МВД России по Прибайкальскому району Республики Бурятия в возбуждении уголовного дела отказано в связи с тем, что телефон возвращен. Однако в ходе опроса несовершеннолетней надзирающим прокурором установлено, что он был похищен из ее сумки и впоследствии обнаружен сотрудниками полиции в школьном туалете. Процессуальное решение дознавателя отменено прокурором, по результатам дополнительной проверки возбуждено уголовное дело по статье 158 Уголовного кодекса РФ.

Кроме того, имеют место факты манипуляции уголовно-правовой статистикой, когда после принятия процессуального решения — вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела через некоторое время по этому же факту регистрируется новое сообщение, как правило в виде рапорта дознавателя или следователя, по которому в дальнейшем возбуждается уголовное дело. Подобные случаи двойной регистрации выявлялись в Республике Крым, Белгородской области и других регионах страны. Прокурорами устанавливаются факты необоснованного возбуждения уголовных дел и преследования лиц при отсутствии на то предусмотренных законом оснований. Например, за период 2017 года и первое полугодие 2018 года прокурорами отменено 323 таких постановления по преступлениям несовершеннолетних и 456 — в отношении них.

Позволим себе обратить внимание, что законодатель отдельно выделил в качестве повода для возбуждения уголовного дела постановление прокурора о направлении материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании (п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ), подчеркнув особое значение и самостоятельность данного повода. Согласно статистическим сведениям Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2019 году прокурорами направлено 6055 таких постановлений (в 2018 г. — 5392), по ним возбуждено 5361 уголовное дело (в 2018 г. — 4778 уголовных дел), то есть 89 %.

На наш взгляд, функция уголовного преследования проявляется и при утверждении прокурором обвинительного заключения (обвинительного акта дознавателя). В случае, когда прокурором при изучении уголовного дела ус-

тановлены нарушения закона, в частности не конкретизировано обвинение, нарушены права подозреваемых и обвиняемых, неполно проведено расследование, неверно применен уголовный закон, доказательства получены с нарушением уголовно-процессуального закона, нарушено право на защиту и т.д., он в силу п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ (п. 2 ч. 1 ст. 226 УПК РФ) возвращает уголовное дело для производства дополнительного расследования. Следует отметить, что в 2019 году отмечается сокращение возвращенных прокурором следователям Следственного комитета России для производства дополнительного расследования уголовных дел — на 5 %, с 3446 до 3272.

Прокурор, как субъект стороны обвинения, осуществляя уголовное преследование, обязан активно надзирать за процессуальной деятельностью органов дознания и следствия. Так, в 2019 году прокурорами на данном направлении надзора выявлены следующие нарушения: всего выявлено 5 139 782 нарушения, отменено постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела 2 035 927, отменено постановлений о возбуждении уголовного дела 14 022, отменено постановлений о приостановлении предварительного расследования 416 285, отменено постановлений о прекращении уголовного дела 26 156.

Статистические сведения Генеральной прокуратуры РФ о работе прокуроров на данном направлении наглядно свидетельствуют о серьезной работе на этом участке надзора, которая обеспечивает соблюдение прав всех участников уголовного процесса, в том числе подозреваемых и обвиняемых на стадиях досудебного производства.

Соглашаемся с позицией ученых, что любое нарушение закона, допущенное в ходе уголовного судопроизводства должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, к числу которых относится и прокурор, должно быть устранено, что будет способствовать соблюдению прав граждан — участников уголовного судопроизводства⁵.

В последние годы идет дискуссия ученых, практических работников о необходимости возвращения прокурору ряда функций, таких как возбуждение уголовного дела, дача указаний по

⁵ Багмет А.М., Османова Н.В. Стадия возбуждения уголовного дела: проблемы и пути их решения // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 1 (23). С. 86.

уголовному делу следователю и др.⁶ Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов неоднократно в своих выступлениях подчеркивал, что прокуроры наделены достаточным объемом полномочий для соблюдения порядка проведения расследования и дознания, глобальных и существенных изменений уголовно-процессуального закона в настоящее время не требуется, что свидетельствует о единообразии взглядов по данному вопросу между Генеральной прокуратурой и Следственным комитетом России.

На наш взгляд, проведя анализ статусного положения прокурора как субъекта стороны обвинения уголовного процесса, следует заключить, что действующий УПК РФ в данном аспекте не нуждается в существенной «революционной» законодательной корректировке по расширению полномочий прокурора, поскольку проанализированные нормы уголовно-процессуального закона, ведомственных приказов органов прокуратуры, а также прокурорско-следственная практика подтверждают статус прокурора как субъекта стороны обвинения, наделенного соответствующими надзорными полномочиями в стадиях уголовного процесса.

По результатам проведенного анализа полагаем, что прокурор в стадиях уголовного процесса наделен следующими полномочиями как субъект стороны обвинения:

1. Осуществлять исполнение закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях.

Результативность и эффективность данного полномочия прокуроров подтверждается следующими статистическими данными Генеральной прокуратуры Российской Федерации: в 2019 году прокурорами в России отменено 2,04 млн постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела (в 2018 г. — 2,26 млн).

2. При наличии оснований полагать, что нарушение имеет характер преступления, вы-

носить постановления о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании.

На протяжении последних трех лет органы прокуратуры существенно повысили качество данных постановлений и материалов, направляемых в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, поскольку в большинстве случаев по данным постановлениям возбуждаются уголовные дела. Так, по итогам работы прокуроров за 2019 год данный показатель равен 89 % от общего количества направленных постановлений об уголовном преследовании.

3. Отменять незаконные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

4. Отменять постановления о возбуждении уголовного дела в течение 24 часов с момента получения материалов уголовного дела.

5. Осуществлять полный контроль расследования уголовного дела, находящегося в производстве органов дознания.

6. Утверждать обвинительное заключение следователя, обвинительный акт либо обвинительное постановление дознавателя.

7. Поддерживать государственное обвинение в суде. Отметим, что функции государственного обвинителя могут выполнять не все сотрудники прокуратуры, а только те, кому прокурор поручил поддержать обвинение по уголовному делу.

Таким образом, от своевременной и надлежащей реализации рассмотренных автором полномочий прокурора как субъекта стороны обвинения зависит обеспечение в уголовном процессе защиты каждого участника уголовного судопроизводства (в частности, защиты потерпевших от преступлений, подозреваемых и обвиняемых от незаконного обвинения и т.д.), что закономерно влечет соблюдение законности и объективности в уголовном процессе.

⁶ Цветков Ю.А. Продолжается бой... // Уголовный процесс. 2018. № 11. С. 8.

УДК 343.126
ББК 67.410.207

Анна Юрьевна ФЕДЮКИНА,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: Fedyukina.a@mail.ru

Елена Владимировна ГОРКИНА,
доцент кафедры уголовного процесса
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: lengor40@rambler.ru

Научная специальность: 12.00.09 — Уголовный процесс

ИЗБРАНИЕ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. В статье затрагиваются теоретическая и практическая стороны вопроса, касающегося особенностей избрания мер пресечения в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления, в контексте положений статьи 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Обращается внимание на взаимосвязь возникновения процессуального статуса подозреваемого с принятием решения об избрании в отношении него меры пресечения. Формулируется необходимость дальнейшего законодательного регулирования рассматриваемого правового института.

Ключевые слова: меры пресечения, подозреваемый, процессуальный статус, подозрение, лишение свободы.

Anna Yurievna FEDYUKINA,
Associate Professor of the Department of Criminal Procedure
of the Kikot' Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: Fedyukina.a@mail.ru

Elena Vladimirovna GORKINA,
Associate Professor of the Department of Criminal Procedure
of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: lengor40@rambler.ru

CHOOSING PREVENTIVE MEASURES AGAINST A SUSPECT: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Abstract. The article deals with the theoretical and practical aspects of the issue concerning the specifics of choosing preventive measures against a person suspected of committing a crime, in the context of the provisions of Article 100 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The author draws attention to the relationship between the emergence of the procedural status of a suspect and the decision to choose a preventive measure against him. The article formulates the need for further legislative regulation of the legal institution under consideration.

Keywords: preventive measures, suspect, procedural status, suspicion, imprisonment.

Практически нет ни одного уголовного дела, где не присутствовала бы фигура подозреваемого. Обычно такой участник процесса, как подозреваемый, появляется на первоначальном этапе расследования уголовного дела, иногда это происходит еще на стадии возбуждения уголовного дела, когда лицо застигнуто на месте совершения преступления и одновременно задержано с соблюдением всех процессуальных процедур.

Нередко из уст правозащитников можно услышать мнения о недопустимости избрания в отношении подозреваемых лиц наиболее строгих мер пресечения. Права и свободы данных лиц можно ограничивать только при условии наличия весомых доказательств их причастности к совершенному преступлению, — полагают они. По мнению Д. Гасанова, «в настоящее время избираемая судом мера пресечения для подозреваемого не всегда адекватна характеру, степени общественной опасности совершенного преступления, личности подозреваемого»¹.

Действительно, по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за период с января по сентябрь 2020 года при производстве следствия и дознания прокурорами выявлено 1 млн 205 тыс. 867 случаев нарушений закона, что на 6,1 % больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Одним из основных видов нарушений конституционных прав граждан на свободу и личную неприкосновенность в ходе расследования уголовных дел продолжает оставаться необоснованное применение мер процессуального принуждения².

Вопрос избрания мер пресечения в отношении подозреваемого всегда остро стоял перед правоприменителем. В первую очередь это связано с тем, что, в отличие от обвиняемого, подозреваемый имеет временный процессуальный статус, который зависит от того, подтвердится подозрение в отношении него в ходе дальнейшего расследования или нет. Поэтому в каждом конкретном случае необходимо взвешенно и внимательно рассматривать вопрос применения мер пресечения в отношении подозреваемого, грамотно оценивать доказательства, имеющиеся в деле, не допускать при этом формализма.

¹ Гасанов Д. При избрании меры пресечения подозреваемому и обвиняемому предлагается учитывать мнение потерпевшего // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/news/664710> (дата обращения: 14.11.2020).

² Основные результаты прокурорской деятельности за январь — сентябрь 2020 года // Генеральная прокуратура Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://genproc.gov.ru/stat> (дата обращения: 15.11.2020).

Несмотря на то, что в нормах статей 100 и 108 УПК РФ содержатся довольно существенные ограничения, касающиеся условий, при которых возможно применить к подозреваемому лицу меру пресечения, эти же нормы позволяют должностным лицам, ведущим расследование, избирать любую меру пресечения, до того, как обвинение будет предъявлено.

Однако следует обратить внимание, что мера пресечения может применяться только к лицу, уже имеющему процессуальный статус подозреваемого, который им приобретается, исходя из требований ч. 1 ст. 46 УПК РФ, в следующих случаях: 1) в отношении него было возбуждено уголовное дело; 2) оно было подвергнуто задержанию, в порядке статей 91 и 92 УПК РФ; 3) к нему, в порядке, установленном ст. 100 УПК РФ, была применена мера пресечения; 4) оно было уведомлено о подозрении в совершении преступления, в соответствии со ст. 223.1 УПК РФ.

Так как одним из оснований возникновения процессуальной фигуры подозреваемого является избрание меры пресечения, возникает вопрос — в отношении кого будет приниматься такое решение, если предположить, что остальные основания отсутствуют, то есть дело в отношении лица не было возбуждено, лицо не было задержано, его не уведомили о подозрении?

По мнению отдельных авторов, до применения к не обладающему статусом подозреваемого лицу меры пресечения до предъявления обвинения, как того требует ст. 100 УПК РФ, оно наделено специфическими, но все же иными, отличными от правового положения подозреваемого правами и обязанностями³.

Вместе с тем, согласно ч. 1 ст. 97 УПК РФ, меры пресечения могут избираться только в отношении подозреваемого и обвиняемого, чей статус закреплен в соответствующих нормах уголовно-процессуального закона. Что же представляет из себя лицо, в отношении которого избирается та или иная мера пресечения? Можно допустить, что изначально оно обладало статусом свидетеля или вовсе являлось очевидцем преступления, что абсолютно противоречит нормам закона! В литературе можно встретить такое понятие, как «заподозренный»⁴, но такого участника УПК РФ опять же не предполагает.

³ См.: Рыжаков А.П. Применение меры пресечения до привлечения лица в качестве обвиняемого. Комментарий к ст. 100 УПК РФ: материал подготовлен с использованием правовых актов по состоянию на 9 мая 2019 года // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Соннева Е.В. Заподозренный как способ выражения подозрения // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7 (44). С. 1475.

Логично утверждать, что одним из факторов обеспечения законности принятия решения об избрании меры пресечения в отношении подозреваемого является наличие у него соответствующего процессуального статуса, приобретенного им в момент возбуждения уголовного дела, в момент задержания либо в момент его уведомления о подозрении, как того требует закон.

Обратимся еще к одной проблеме, вытекающей из положений ч. 1 ст. 100 УПК РФ, согласно которой сроки действия мер пресечения в отношении подозреваемого лица зависят от сроков предъявления ему обвинения (10 либо 45 суток). Иными словами, к подозреваемому можно применить меру пресечения только в случае предъявления ему обвинения в установленные сроки. Соответственно, если следователь (дознатель) не успеет собрать достаточное количество обвинительных доказательств, действие меры пресечения незамедлительно прекращается.

Одновременно можно предположить, что по истечении указанных в ч. 1 ст. 100 УПК РФ сроков предъявления обвинения у лица, в отношении которого ранее избиралась мера пресечения, прекращается и сам статус подозреваемого, поскольку он уже ему не соответствует, исходя из требований ч. 1 ст. 46 УПК РФ. Так как если сам факт избрания какой-либо меры пресечения являлся основанием возникновения статуса подозреваемого, то ее отмена может служить основанием его прекращения.

Однако ни УПК РФ, ни решения высших судов не дают четкого и однозначного разъяснения по данному вопросу. По смыслу закона прекращение процессуального статуса подозреваемого должно компоноваться с принятием решения о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого лица, в случае если следователь (дознатель) не смог предъявить обвинение в предусмотренное законом время.

В научной литературе достаточно часто высказываются суждения относительно взаимозависимости статуса подозреваемого и предъявления ему обвинения в 10-дневный (45-дневный) срок⁵.

На данную проблему обратил внимание Конституционный Суд Российской Федерации. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 21.11.2017 № 30-П указано, что, если в постановлении следователя об освобождении задержанного подозреваемого (со ссылкой на п. 1

ч. 1 ст. 94 УПК РФ) подтверждается *отсутствие достаточных данных для выдвижения подозрения в отношении лица, это служит поводом и для разрешения вопроса о прекращении (невозможности продолжения) уголовного преследования лица*, освобожденного из-под стражи⁶. Одновременно Конституционный Суд разъяснил, что само по себе такое освобождение *не во всех случаях* означает прекращение процессуального статуса подозреваемого лица.

Вместе с тем срок в 10 и 45 суток, установленный ст. 100 УПК РФ, существенно ограничивает деятельность должностных лиц по выяснению обстоятельств, подтверждающих или опровергающих подозрение, и вынуждает их идти на всякого рода «ухищрения».

Проведенный нами опрос сотрудников следственных подразделений показал, что в качестве варианта решения проблемы им видится возможность избрания в отношении подозреваемого одной из «иных мер процессуального принуждения» — обязательство о явке, не подпадающей под действие ст. 100 УПК РФ⁷.

А.Н. Батанов отмечает, что при производстве «дознания в отношении подозреваемого, как правило, применяется мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении», которая по истечении 10-дневного срока отменяется и избирается заново⁸.

В целях предотвращения пагубной практики считаем целесообразным исключить из ст. 100 УПК РФ установленные ограничения срока действия мер пресечения в отношении подозреваемого решением о предъявлении обвинения, за исключением тех, которые существенно ограничивают конституционные права и свободы подозреваемого лица, имеем в виду домашний арест и заключение под стражу.

Для подтверждения обоснованности нашей позиции обратимся к ч. 2 ст. 224 УПК РФ, согласно которой в ходе дознания допускается избрание в отношении подозреваемого меры пресечения в виде заключения под стражу, при условии вынесения обвинительного акта в течение 10 дней со дня ее применения.

⁶ См.: По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Ченского: Постановление Конституционного Суда РФ от 21.11.2017 № 30-П // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Данные анкетирования руководителей следственных органов, проходивших повышение квалификации на базе Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя и Волгоградской академии МВД России (всего 57 чел.).

⁸ Батанов А.Н. Избрание меры пресечения в отношении подозреваемого: практика, ограничивающая реализацию права на защиту // Евразийская адвокатура. 2017. № 6 (31). С. 27.

⁵ См.: Стародубова Г.В. Процессуальный статус подозреваемого как гарантия обеспечения его конституционных прав и свобод // Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: материалы круглого стола (19 декабря 2017 г.) / отв. ред. В.В. Еришов. М.: РГУП, 2018). С. 196—202.

При этом следует учитывать тяжесть преступления, его уголовно-правовую характеристику, личность подозреваемого и другие важные составляющие, свидетельствующие о необходимости наложения судом существенных ограничений конституционных прав, повлекших лишение подозреваемого свободы.

Остальные меры пресечения в виде подписки о невыезде, личного поручительства, наблюдения командования воинской части, присмотра за несовершеннолетним, запрета определенных действий и залога необходимо применять в рамках срока расследования, в зависимости от фактических обстоятельств, содержащихся в уголовном деле.

Обращает внимание, что согласно ч. 1 ст. 97 УПК РФ основания для избрания мер пресечения в отношении подозреваемых и обвиняемых — одинаковы. Однако суды устанавливают дополнительные требования, обеспечивающие законное применение мер пресечения в отношении подозреваемых.

Согласно решению Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41, при рассмотрении постановления о возбуждении перед судом соответствующего ходатайства в порядке ст. 108 УПК РФ суду следует *дать оценку обоснованности подозрения* в совершении лицом преступления⁹.

При этом суды, как правило, в своих решениях (постановлениях) ссылаются на уже имеющуюся в уголовном деле доказательственную базу, которая подтверждает и обосновывает подозрение в отношении определенного лица. То есть для того, чтобы мера пресечения в отношении подозреваемого была избрана законно, органу предварительного расследования необходимо собрать комплекс доказательств, подтверждающих подозрение (по аналогии с предъявлением обвинения), и только после этого самостоятельно принимать решение (или возбуждать перед судом ходатайство) о применении к подозреваемому лицу соответствующей меры пресечения.

К сожалению, на практике нередко случаи необоснованного подозрения, которое вытекает из нехватки сведений о событии преступления, недостаточности доказательственной базы, некачественного либо несвоевременного производства следственных и процессуальных действий на начальном этапе расследования, что зачастую приводит к неправомерному избранию мер пресечения в отношении подозреваемых.

Учитывая, что подозрение предполагает причастность лица к совершению преступления,

недопустимо оставлять его обоснованность без внимания. Мера пресечения в виде заключения под стражу должна применяться в отношении подозреваемых в исключительных случаях, с учетом тяжести деяния, в совокупности с обстоятельствами, подлежащими доказыванию.

Чаще всего заключение под стражу применяется в отношении фигурантов уголовных дел, проходящих по делам, подследственным следователям Следственного комитета Российской Федерации. Однако и здесь должностные лица стараются применять эту меру пресечения крайне редко. По данным ведомства, за 11 лет число лиц, содержащихся под стражей в ходе предварительного следствия, значительно сократилось¹⁰. Такая тенденция связана с тем, что современные следователи стали более строго и тщательно подходить к вопросу избрания мер пресечения в отношении подозреваемых. В частности, не только принимать во внимание тяжесть совершенного преступления, но и во всех случаях учитывать личность самого подозреваемого (род занятий, семейное положение, наличие места жительства, состояние здоровья, возраст и т.д.), при этом соблюдать разумный срок расследования и в целом не допускать заключения под стражу без должных к тому оснований.

Большое значение в данном случае имеет эффективность ведомственного, судебного контроля и прокурорского надзора. Соответствующие должностные лица обязаны дать правовую оценку процессуальному решению о применении к подозреваемому меры пресечения, учесть своевременность производства следственных и процессуальных действий с его участием, объем собранных по делу доказательств, общую продолжительность досудебного производства и, самое главное, целесообразность такого решения.

Подводя итог, можно сформулировать следующий вывод: зависимость возникновения у лица (участника процесса) процессуального статуса подозреваемого от принятия решения о применении к нему меры пресечения вызывает ряд практических проблем, которые требуют дальнейшего разрешения. Предложенная нами ликвидация сроков действия мер пресечения, которые не связаны с лишением свободы, в контексте ст. 100 УПК РФ отграничит их от более жестких мер пресечения (домашний арест, заключение под стражу), упростит процедуру доказывания подозрения, позволит правоохранителям более эффективно вести расследование в отношении подозреваемого.

⁹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 24 мая 2016 г. № 23 и от 11 июня 2020 г. № 7) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ См.: В СК России проанализирована практика избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу // Следственный комитет Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1184953> (дата обращения: 14.11.2020).

УДК 343.98:004.8
ББК 67.522.0

Владимир Батоевич БАТОВЕВ,
начальник кафедры оперативно-разыскной
деятельности и специальной техники в ОВД
Восточно-Сибирского института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: vbatoev@mail.ru

Научная специальность: 12.00.12 — Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-разыскная деятельность

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Аннотация. В статье рассматриваются современные тенденции применения искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности, отмечены проблемные вопросы и обозначены пути совершенствования данного направления правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, искусственный интеллект, регулирование, стратегия, технологии, преступность, противодействие, информация, анализ, добытие, обработка.

Vladimir Batoevich BATOEV,
Head of the Department of Operational and Search
Activities and Special Equipment in Internal Affairs Bodies
of the East Siberian Institute of MIA of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: vbatoev@mail.ru

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES

Abstract. The article examines current trends in the use of artificial intelligence in law enforcement, points out problematic issues and outlines the directions for improving this area of law enforcement.

Keywords: law enforcement, artificial intelligence, regulation, strategy, technology, crime, counteraction, information, analysis, extraction, processing.

Развитие научно-технической мысли и сопутствующие сложные технологические процессы на фоне развертывания четвертой промышленной революции постепенно сдвигают направления развития общества в сторону формирования единого электронно-цифрового социума, основанного на технологической модели «умное всё» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В глобальных масштабах современная модель развития общества фактически во всех своих направлениях возводит в приоритет цифро-

визацию общественных отношений, что предполагает работу с огромными, постоянно возрастающими объемами цифровой информации.

По этому поводу А.Л. Осипенко отмечает, что мощные «потoki, генерируемые различными интернет-сервисами (приложениями интернет-банкинга и электронной торговли, заказа такси, проката автомобилей, каршеринга, продажи авиа- и железнодорожных билетов; геоинформационными системами; приложениями обмена сообщениями; социальными сетями; устройствами Интернета вещей и т.п.), постоян-

но нарастают»¹, с чем, собственно, нельзя не согласиться.

Совершенно определенно можно утверждать, что цифровизация вызвала появление новых средств и способов обработки информации, что существенно облегчило жизнедеятельность человека, а также предопределило появление новых видов угроз для нее.

Приходится констатировать, что инновационные информационно-телекоммуникационные технологии получили широкое применение в деятельности криминалитета, что, в свою очередь, обязывает государство предпринимать адекватные меры реагирования на все формы проявления современной преступной активности с последующей ее нейтрализацией, в том числе посредством расширения спектра источников добывания ориентирующей, оперативно значимой и доказательственной информации.

Как показывает анализ мировой практики, ключевое значение в правоохранительной сфере в настоящее время отводится применению высокотехнологичных средств сбора, обработки и анализа информации.

Передовые модели организации правоохранительной деятельности при противодействии преступности активно применяют технологии искусственного интеллекта, где в настоящее время технологические инновации используются для принятия управленческих решений, для оптимизации финансовых расходов, совершенствования процесса добывания информации и обмена ею, расчета эффективности, минимизации негативных последствий человеческого фактора и др.

Это обусловлено преимуществами использования технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ), где объективно генерируемые большие объемы цифровой информации в прямо пропорциональной зависимости оказывают влияние на ее ценность и эффективность.

В связи с автоматизированной обработкой огромных по размерам объемов цифровой информации сформировался социально-экономический феномен, который среди общественности и в научно-деловых кругах получил название Big Data (большие данные)².

¹ *Осипенко А.Л.* Перспективы использования информационно-аналитических технологий в оперативно-разыскной деятельности // Общество и право. 2018. № 4 (66). С. 81.

² В общем смысле Big Data (большие данные) — это совокупность структурированной и неструктурированной информации, генерируемой и поступающей из различных источников в объеме, не позволяющем ее обработать вручную, при этом обрабатываемой автоматизированным путем, хранящейся и передаваемой в электронно-цифровой форме.

Уже сейчас технологии обработки и анализа Big Data (Data Mining, crowdsourcing, смешение и интеграция данных, машинное обучение, искусственные нейронные сети, распознавание образов, предиктивная аналитика, имитационное моделирование, пространственный анализ, статистический анализ, визуализация аналитических данных и др.) свидетельствуют об эффективности их применения в различных сферах жизнедеятельности, в том числе в деятельности правоохранительных органов и деструктивных элементов³.

По этому поводу В.С. Овчинский справедливо отмечает, что «если говорить об „умной полиции“, то мы видим, что на некоторых полицейских участках США и Европы уже функционирует так называемая система упреждающей полиции, работа которой все меньше основывается на откликах на звонки и все больше — на патрулировании заранее известных зон с высокой степенью криминальной активности. Однако инновационность новой полиции не ограничивается этим, ведь криминогенные зоны можно было вычислять и раньше. На сегодня работа по поиску таких зон выполняется автоматически, что стало возможным благодаря развитию интеллектуальных систем по анализу „больших данных“, которые способны самостоятельно сопоставлять релевантную информацию и делать из нее выводы о повышении криминальной активности в тех или иных районах или о связях определенных людей с криминальными организациями»⁴.

Становится очевидным, что непринятие во внимание отечественными правоохранительными органами мировых тенденций развития и совершенствования построения и организации правоохранительной деятельности, а также недостаточное и несвоевременное внимание вопросам интеграции инновационных технических решений и новинок создают серьезные риски и угрозы в части обеспечения соответствующего уровня безопасности общества и государства в целом.

Обращает на себя внимание взаимосвязь двух свойств в виде постоянно нарастающего количества цифровой информации различного рода и ее качества, получаемого в результате

³ *Батоев В.Б.* «Большие данные (Big Data)» и предиктивная аналитика в оперативно-разыскной деятельности: проблемы использования и пути решения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 1 (52). С. 12.

⁴ *Овчинский В.С.* Технологии будущего против криминала. М.: Книжный мир, 2017. С. 6.

применения инновационных методов обработки и анализа, которые в совокупности приводят к переходу от количественных изменений к коренным, когда качественные изменения наступают не случайно, а закономерно, посредством накопления незаметных, постепенных количественных изменений.

Технологии ИИ приобрели огромную популярность на страницах научных изданий, стали объектом проведения различных междисциплинарных исследований, которые в совокупности изучают вопросы правового, организационного, технического и иного характера с последующей выработкой мер совершенствования.

Безусловно, интеграция технологий ИИ в деятельность отечественных правоохранительных органов в целях ее трансформации и совершенствования непременно столкнется с рядом проблем и недостатков различного характера. Непременно в первую очередь речь пойдет о разрешении проблем и недостатков различного характера в условиях наисложнейшей геополитической ситуации в мировом сообществе, благодаря которой сформированные «барьеры» привели к недопониманию в вопросах оказания взаимной правовой помощи, обмена информацией, опытом противодействия киберпреступности, технологическими новинками, разработками и передовыми техническими решениями в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Не менее важными предстают аспекты правового характера, вопросы формирования соответствующей инфраструктуры, кадрового обеспечения высококвалифицированными специалистами и др.⁵

В связи с этим становится совершенно очевидным, что рассмотрение вопросов применения ИИ представляет большой научный интерес и в первую очередь требует обсуждения проблем правового регулирования его использования в различных областях общественных отношений, в том числе в сфере обеспечения безопасности общества и противодействия преступности.

Впервые на законодательном уровне ИИ получил нормативное обоснование в 2016 году в рамках реализации программы Национальной технологической инициативы, обозначенной Президентом РФ в 2014 г. в качестве одного из приоритетов национальной политики. В хронологическом же порядке основные аспекты законодательного регулирования ИИ нашли от-

ражение в нормах Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», указах Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы», от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», Распоряжении Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.».

Уже в 2019 году в целях обеспечения ускоренного развития ИИ в РФ, проведения научных исследований в области ИИ, повышения доступности информации и вычислительных ресурсов для пользователей, совершенствования системы подготовки кадров в этой области Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (далее — Стратегия).

С ее принятием впервые на законодательном уровне в РФ было дано определение понятию ИИ, под которым было предложено понимать комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе то, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Наряду с этим было дано определение термину «технологии искусственного интеллекта», под которыми понимаются технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта, включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта.

Также Стратегией закреплены принципы развития и использования технологий искус-

⁵ Батоев В.Б. «Большие данные (Big Data)» и предиктивная аналитика в оперативно-разыскной деятельности: проблемы использования и пути решения. С. 12.

ственного интеллекта, к числу которых следует отнести защиту прав и свобод человека, безопасность, прозрачность, технологический суверенитет, целостность инновационного цикла, разумную бережливость, поддержку конкуренции.

В соответствии со Стратегией отметим, что государство обязано обеспечить защиту гарантированных российским и международным законодательством прав и свобод человека, в том числе права на труд, и предоставление гражданам возможности получать знания и приобретать навыки для успешной адаптации к условиям цифровой экономики; обеспечить недопустимость использования ИИ в целях умышленного причинения вреда гражданам и юридическим лицам, а также предупреждение и минимизацию рисков возникновения негативных последствий использования технологий ИИ и т.д.

Стратегией определены приоритетные направления развития и использования технологий ИИ с учетом национальных целей и стратегических задач, определенных Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»: а) повышение эффективности процессов планирования, прогнозирования и принятия управленческих решений (включая прогнозирование отказов оборудования и его превентивное техническое обслуживание, оптимизацию планирования поставок, производственных процессов и принятия финансовых решений); б) автоматизация рутинных (повторяющихся) производственных операций; в) использование автономного интеллектуального оборудования и робототехнических комплексов, интеллектуальных систем управления логистикой и др. При этом в Стратегии и обозначенном указе Президента РФ не упоминается обеспечение общественной безопасности и общественного порядка. Думается, что применение ИИ при решении задач борьбы с преступностью также является приоритетным направлением развития и использования технологий ИИ. Это можно объяснить тем, что уже сейчас организованные формы современной преступности имеют полномасштабную тенденцию срачиваться с различными формами киберпреступности, так же как и киберпреступность имеет тенденцию принимать организованные формы.

Стратегией определены цели и основные задачи развития искусственного интеллекта в

Российской Федерации, а также меры, направленные на его использование в целях обеспечения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов, среди которых также не отмечены вопросы обеспечения безопасности человека и гражданина, общества и государства в целом. Думается, что в данном случае речь идет о формировании базового фундамента, по результатам образования которого впоследствии будут приняты во внимание вопросы применения технологий ИИ в целях обеспечения безопасности государства в целом. Но тем не менее полагаем, что обозначенные вопросы должны быть замечены и в скорейшем порядке определены и учтены как принципиально важные для обеспечения интересов человека, общества и государства.

Касательно мер обеспечения безопасности с использованием технологий ИИ нельзя не отметить и актуальность совершенствования деятельности правоохранительных органов в условиях информатизации и цифровизации общества.

По этому поводу нельзя не согласиться с В.С. Овчинским и Е.С. Лариной, которые справедливо отмечают, что ИИ и робототехника могут быть эффективными в следующих направлениях: сбор информации, хранение и обработка информации, аналитические и прогнозные модели, осуществление цифровых расследований, обеспечение коммуникаций и взаимодействия. Также они обращают внимание, что уже сейчас сотрудники органов внутренних дел в повседневном режиме используют при решении задач борьбы с преступностью алгоритмы ИИ в целях распознавания подозрительных или похищенных автотранспортных средств; лиц, представляющих оперативный интерес; голосов; в целях анализа текстовых и медиасообщений, с определением скрытых смыслов, заложенных в них; поиска и анализа контента детской порнографии в сети Интернет; распознавания подозрительных финансовых транзакций и многого другого⁶.

Таким образом, можно заключить, что фактически ИИ может выступать как своеобразным инструментом добывания ориентирующей, оперативно значимой и доказательственной информации, способствующей установлению фактов, событий, явлений, действий прошлого, так и

⁶ Овчинский В. С., Ларина Е. С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. М.: Книжный мир, 2019.

средством прогнозирования намерений, мнений, мыслей и отношений.

В связи с этим отметим, что в рамках совершенствования деятельности правоохранительных органов в целом уже сейчас необходимо активизироваться и направить в том числе все имеющиеся научные, технические, финансовые, кадровые и иные ресурсы на разработку и внедрение технологий ИИ в правоохранительной сфере.

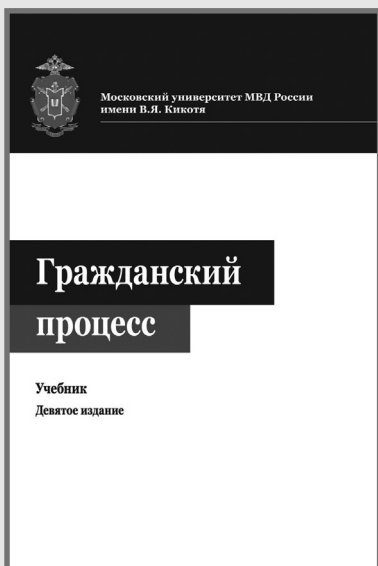
Безусловно, как и в любой сфере, в вопросах применения ИИ в той или иной области общественных отношений возникают проблемы различного характера.

Уже сейчас государству необходимо обеспечить проведение фундаментальных научных исследований в данной области с выработкой научно обоснованных предложений и рекомендаций; законодательную проработку примене-

ния ИИ в правоохранительной деятельности; привлечение в рамках государственно-частного партнерства компаний — разработчиков программного обеспечения; решение вопросов подготовки высококвалифицированных специалистов в данной сфере; мониторинг и внедрение передового зарубежного опыта и др.

Резюмируя изложенное, можно сказать, что разработка и внедрение технологий ИИ — это неизбежность, к которой правоохранительные органы должны быть готовы уже сегодня. В настоящее время внедрение ИИ выступает в качестве не просто способа модернизации правоохранительной деятельности, а как жизненно важное условие, соблюдение которого способствует противопоставлению современного арсенала правоохранительных сил и средств постоянно совершенствующейся преступности.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Гражданский процесс. Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», специальности «Правоохранительная деятельность» / Под ред. Л.В. Тумановой, Н.Д. Амаглобели. 9-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. 687 с.

ISBN 978-5-238-03168-2

На основе современного законодательства системно и комплексно раскрыты основные темы курса: цели, задачи, принципы гражданского судопроизводства, сущность и источники гражданского процессуального права, гражданские процессуальные правоотношения, понятие доказательств и доказывания, участники и сроки судопроизводства, порядок и особенности его ведения. Рассмотрены основные положения арбитражного процесса, нотариата, третейского суда, а также порядок обращения российских граждан в Европейский суд по правам человека.

Особое внимание уделено порядку пересмотра судебных постановлений в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, особенностям производства по делам, связанным с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов, а также пересмотру по новым или вновь открывшимся обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу.

Учтены последние изменения, внесенные в Гражданский процессуальный кодекс РФ, по состоянию на 1 апреля 2018 г.

Для студентов, аспирантов и преподавателей высших и средних специальных учебных заведений юридического профиля, а также для всех интересующихся вопросами гражданского процесса.

УДК 343.985.7:343.3
ББК 67.523.13

Борис Викторович БОРИН,
профессор кафедры криминалистики
Московской академии Следственного
комитета Российской Федерации,
доктор юридических наук
E-mail: bvb007@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.12 — Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-разыскная деятельность

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ

Аннотация. В статье анализируется использование специальных знаний при расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности. Автор исследует правовую основу борьбы с экстремизмом и терроризмом, структуру специальных знаний, спектр вопросов, которые решаются экспертами-лингвистами и экспертами-психологами при расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности.

Ключевые слова: структура специальных знаний, психолого-лингвистические экспертизы и исследования, противодействие преступлениям экстремистской и террористической направленности.

Boris Viktorovich BORIN,
Professor of the Department of Criminalistics
of the Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation, Doctor of Law
E-mail: bvb007@yandex.ru

USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN THE INVESTIGATION OF EXTREMIST AND TERRORIST CRIMES COMMITTED BY MILITARY PERSONNEL

Abstract. The article analyzes the use of special knowledge in the investigation of extremist and terrorist crimes. The author examines the legal basis of the fight against extremism and terrorism, the structure of special knowledge, and issues that are solved by experts-linguists and experts-psychologists in the investigation of extremist and terrorist crimes committed by military personnel.

Keywords: structure of special knowledge, psychological and linguistic expertise and research, countering extremist and terrorist crimes.

Проблема выявления, раскрытия и расследования преступлений экстремистского и террористического характера является одной из самых острых. Масштаб этих преступлений в Российской Федерации возрос до степени серьезной угрозы социально-поли-

тической и экономической стабильности и в целом национальной безопасности государства.

На заседании коллегии Федеральной службы безопасности Российской Федерации 5 марта 2018 года Президент России В.В. Путин призвал к созданию «надежных барьеров на пути транс-

границной, транснациональной преступности» и подчеркнул, что среди приоритетных задач, прежде всего, стоит «необходимость защиты нашей территории от международных террористов, контрабандистов и наркодилеров. Следует получать оперативную упреждающую информацию, ликвидировать финансовые, информационные и другие каналы, используемые террористическими группировками, которые, как вы хорошо понимаете, носят глобальный, трансграничный характер. Нужно защитить людей, молодых людей прежде всего, от тех, кто пытается заразить общество агрессией и нетерпимостью, ксенофобией и национализмом. Радикализм, какой бы политический, идеологический оттенок он ни носил, ни принимал, разрушителен по своей сути, и мы обязаны обезопасить страну, будущее людей от этой угрозы»¹.

Существующая ситуация в сфере противодействия экстремистской и террористической деятельности усложняется высокой латентностью данных преступлений, игнорированием государственных границ, национального и международного законодательства, совершенствованием криминальных механизмов деятельности.

Одной из основных задач правоохранительных органов является выявление фактов преступной деятельности и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших².

В условиях противодействия экстремизму и терроризму, с учетом организованности и технической оснащенности современных преступников, именно экспертно-криминалистическое направление приобретает особое значение. Вызовы и угрозы террористических и экстремистских группировок требуют активного использования экспертного потенциала, который позволяет выявить значимые обстоятельства для их дальнейшего использования правоохранительными органами в раскрытии преступлений.

Для квалифицированного и объективного расследования уголовных дел необходимо тщательное исследование материалов в рамках судебной экспертизы. Производство судебных комплексных психолого-лингвистических экспертиз является одним из наиболее эффективных

средств доказывания при расследовании дел по противодействию экстремизму и терроризму.

В последнее время в правоохранительной практике актуален анализ текстовых и голосовых сообщений, отправляемых с помощью средств интернет-коммуникации.

Так, любой член преступного сообщества посредством использования интернет-программ практически мгновенно может получать любые сведения от сообщников, оперативно решая поставленные перед ним преступные задачи.

На сегодняшний день современные технологии позволяют использовать все преимущества Интернета практически в любой точке земного шара. Как показывает практика, пользуясь «бесконтактным» способом общения посредством виртуальной сети Интернет, злоумышленники распространяют информацию, связанную с деятельностью террористических и экстремистских группировок, координируют преступные действия, в том числе связанные с терактами, осуществляют вербовку и привлекают в свои ряды новых членов.

Например, члены международных террористических группировок пропагандируют свою преступную деятельность в России, осуществляют вербовку в ряды террористов-смертников среди молодежи, приехавшей на территорию Российской Федерации на заработки, а получают денежные средства на осуществление террористической деятельности из-за границы.

Комплексные психолого-лингвистические экспертизы по материалам дел экстремистской и террористической направленности успешно проводятся при расследовании уголовных дел по ст. 280 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»), ст. 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»), ст. 205.2 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма») с целью выявления в материалах высказываний экстремистской и террористической направленности.

Эффективность выявления, расследования и предупреждения преступлений во многом зависит от своевременности и полноты использования специальных знаний эксперта. Термин «специальные знания» законодатель употребляет в определении понятия судебной экспертизы в Федеральном законе от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ст. 9), а также в характеристике эксперта и специалиста

¹ Заседание коллегии Федеральной службы безопасности // Президент России: офиц. сайт. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/56977 (дата обращения: 14.11.2020).

² Ларичев В.Д., Борин Б.В. Общая методика выявления преступлений экономической направленности // Оперативник (сыщик). 2015. № 2 (43). С. 23–27.

как лиц, обладающих специальными знаниями, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (ст. 57, 58).

Структуру специальных знаний, которыми обладает эксперт, можно представить следующим образом:

- знания, полученные в рамках основной образовательной программы высшего профессионального образования по соответствующей специальности;
- знания, полученные в результате последующей подготовки по конкретной экспертной специальности, уровень которых определяется экспертно-квалификационными комиссиями в процессе аттестации;
- знания, приобретенные вследствие самостоятельной работы по ознакомлению с новейшими достижениями науки и проведения экспериментальных исследований.

В то же время специфика деятельности эксперта состоит не только в реализации научных положений, но и в необходимости обладания различными умениями и навыками, связанными с обращением с объектами исследования, приемами, методами и средствами, используемыми при производстве экспертизы, что достигается с опытом.

Объективным критерием оценки деятельности эксперта, давшего заключение, выступает следственная и судебная практика. Участники судопроизводства, прежде всего следователь, суд, прокурор, защитник, обладающие соответствующей подготовкой и практическим опытом, располагая данными об обстоятельствах преступления, способны полно, объективно и всесторонне оценить заключение. При необходимости они могут воспользоваться консультацией со специалистами для анализа заключения с точки зрения его соответствия современному уровню науки.

Спектр вопросов, которые решаются экспертами-лингвистами и экспертами-психологами, при расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности чрезвычайно широк. Различные аспекты психолого-лингвистических экспертиз и исследований могут быть проиллюстрированы следующими вопросами:

- Содержатся ли в материале лингвистические и психологические признаки побуждения (в том числе в форме призыва) к совершению каких-либо действий (в том числе насильственных, разрушительных, дискриминационных)? Если да, то к чему именно побуждает автор?

- Содержатся ли в материале психологические и лингвистические признаки возбуждения вражды, ненависти по отношению к какой-либо группе лиц?

- Содержатся ли в материале лингвистические и психологические признаки унижения представителей какой-либо группы лиц?

- Содержатся ли в материале лингвистические и психологические признаки оправдания идеологии и (или) деятельности организаций, признанных экстремистскими, террористическими в законном порядке?

Объектами (материалами) психолого-лингвистического исследования являются:

- книги, брошюры, журналы, листовки, плакаты, статьи;
- интернет-сайты, интернет-страницы, блоги, форумы;
- аудио- и видеоматериалы;
- поликодовые тексты (демотиваторы, креолизованные тексты).

Заинтересованность оперативно-следственных подразделений в проведении сложных, трудоемких экспертных исследований стабильно растет.

Например, только в текущем году в интересах оперативных и следственных подразделений правоохранительных органов г. Москвы экспертами выполнено 348 экспертиз и исследований, в которых исследовано более 2 тысяч объектов, в 52 % случаев установлены признаки экстремизма.

Благодаря результатам проведенных комплексных психолого-лингвистических экспертиз и исследований удалось пресечь преступную пропагандистскую деятельность членов нескольких исламистских террористических организаций (например, «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», «Исламское государство», «Джебхат ан-Нусра» и некоторых других).

Информационные материалы, которые исследовались экспертами, были признаны судами экстремистскими и включены в Федеральный список материалов, распространение которых запрещено на территории Российской Федерации.

Одним из важнейших направлений проведения психолого-лингвистических экспертиз является расследование преступлений, совершенных военнослужащими (в основном срочной службы). До призыва на военную службу молодые люди, у которых еще не сформирова-

лись политические взгляды, жизненные приоритеты, моральные и этические принципы поведения, нередко увлекаются в рамках интернет-коммуникации, например, национал-социалистической идеологией фашистской Германии, распространяют указанную идеологию среди своих сверстников и сослуживцев.

Так, в одной из войсковых частей, дислоцированных в Московской области, военнослужащий К., руководствуясь мотивами ненависти или вражды к группам лиц, выделяемым по национальному и религиозному признаку, создал в социальной сети «ВКонтакте» сообщество «Национал-социалистическая рабочая партия России», в рамках которого распространял материалы экстремистской и террористической направленности, в частности труды А. Гитлера, Б. Муссолини, Г. Гимmlера.

Далее военнослужащий К., для максимального усиления экстремистского сообщества и достижения поставленных целей по совершению преступлений экстремистской направленности, в период прохождения военной службы склонил и вовлек в деятельность экстремистского сообщества своих сослуживцев, которые, согласившись с выполнением отведенных им ролей в организованной преступной группе, стали активными ее участниками.

Участниками преступного сообщества был разработан план по совместному совершению погромов, поджогов и избиению выходцев с Северного Кавказа, проживающих в районе бывшего Черкизовского рынка в г. Москве.

В рамках уголовного дела, возбужденного по ст. 282 УК РФ, была проведена психолого-лингвистическая экспертиза материалов, которые были размещены в социальной сети «ВКонтакте» в сообществе «Национал-социалистическая рабочая партия России». Эксперт-лингвист и эксперт-психолог в рамках своей компетенции дали категорический вывод о том, что в представленных материалах содержатся психологические и лингвистические признаки возбуждения вражды, ненависти по отношению к группе лиц, выделяемой по национальному и религиозному признаку. В результате участники организованной преступной группы понесли заслуженное наказание.

В 2016 году военным следственным отделом СК России были собраны доказательства, признанные судом достаточными для вынесения обвинительного приговора военнослужащему по призыву рядовому Ф. Он признан виновным в совершении преступления, предусмотренного

ч. 1 ст. 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»).

Следствием и судом установлено, что рядовой Ф., используя мобильный телефон и ноутбук с установленным на них программным обеспечением, позволяющим осуществлять выход в информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, являясь пользователем социальной сети «ВКонтакте», осознавая возможность беспрепятственного доступа к находящимся на его странице файлам и иным материалам, разместил на своей интернет-странице тексты и аудиозаписи экстремистской направленности. На основании проведенной психолого-лингвистической экспертизы текстов и аудиозаписей было установлено, что в них содержатся высказывания, направленные на возбуждение ненависти и вражды, а также унижение достоинства группы лиц по признакам расы, национальности, происхождения и отношения к религии.

Приговором гарнизонного военного суда от 28 июля 2016 г. рядовому Ф. назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 1 год и 6 месяцев условно с испытательным сроком на 1 год и 6 месяцев.

Таким образом, результаты психолого-лингвистических экспертиз при расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности, в том числе совершенных военнослужащими, имеют ключевое значение при принятии решений по уголовному делу в судебной инстанции. Только совместная продуктивная работа следователя и эксперта позволяет эффективно расследовать преступления данной категории.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52, ч. 1. Ст. 4921.
4. Часть вторая Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ //

Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

5. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

6. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

7. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

8. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: утверждена Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 г. // Российская газета: федер. выпуск. 2009. 20 октября (№ 198).

9. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Со-

брание законодательства Российской Федерации. 2009. № 20. Ст. 2444.

10. Указ Президента Российской Федерации от 18 ноября 2015 г. № 562 «О Межведомственной комиссии по противодействию финансированию терроризма» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. 6-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2018.

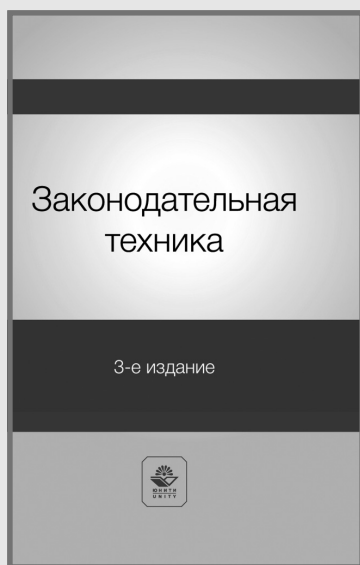
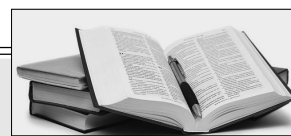
12. Долгова А.И. Криминология. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016.

13. Кузнецов С.А. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство. СПб, 2012.

14. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секе-
раж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: РФЦСЭ, 2014.

15. Россинская Е.Р. Теория судебной экспертизы. М.: Норма, 2013.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Зриашвили Н.Д., Чухвичев Д.В., Червонюк В.И. **Законодательная техника.** Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция». — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2019. — 495 с.

ISBN 978-5-238-03289-4

Раскрываются основные теоретические и практические вопросы, связанные с законодательным регулированием, процессом создания, изменения и отмены нормативных правовых актов, дается характеристика системы законодательства в Российской Федерации. Рассматриваются основные правила законотворческой деятельности, научные концепции, связанные с законодательной техникой, способы, приемы и правила, применяемые при создании и принятии нормативных правовых актов, а также методология кодификации имеющегося законодательства. Характеризуются некоторые наиболее существенные проблемы законодательного регулирования в современной России.

Для студентов юридических вузов, аспирантов, преподавателей, а также сотрудников законодательных органов и органов исполнительной власти, занятых в процессе подготовки и принятия нормативных правовых актов.

УДК 343.982.9
ББК 67.521

Денис Викторович ГАЛКИН,
заведующий кафедрой криминалистики
Хабаровского филиала Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук
E-mail: dvgalinkin@bk.ru

Научная специальность: 12.00.12 — Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-разыскная деятельность

ИСТОЧНИКИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ О ГЕОГРАФИЧЕСКИХ КООРДИНАТАХ МЕСТ НАХОЖДЕНИЯ ЛЮДЕЙ И ОБЪЕКТОВ, ПОЛУЧЕННЫХ С ПОМОЩЬЮ СПУТНИКОВОЙ НАВИГАЦИИ

Аннотация. В статье анализируются возможности применения спутниковой навигации в следственной и розыскной деятельности для получения криминалистически значимой информации. Рассматриваются особенности и проблемы непосредственного определения следователем географических координат места расположения различных объектов, а также возможности получения таких сведений из различных информационных систем и других источников.

Ключевые слова: расследование преступлений, использование спутниковой навигации, координаты места совершения преступления, криминалистически значимая информация.

Denis Viktorovich GALKIN,
Head of the Department of Criminalistics of the Khabarovsk branch
of the Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation, Candidate of Law
E-mail: dvgalinkin@bk.ru

SOURCES OF FORENSIC INFORMATION ABOUT THE LOCATION OF PEOPLE AND OBJECTS FORMED USING SATELLITE NAVIGATION

Abstract. The article analyzes the possibilities of using satellite navigation in investigative and search activities to obtain forensic information. The author considers the features and problems of the investigator's direct determination of the geographical coordinates of the location of various objects, as well as the possibility of obtaining such information from various information systems and other sources.

Keywords: crime investigation, use of satellite navigation, coordinates of the crime scene, forensic information.

Одним из достижений фундаментальной науки, получивших важное прикладное значение, является создание технологии глобальной спутниковой навигации. Ее основу составляют несколько десятков искусственных спутников Земли, выведенных на околоземную

орбиту и постоянно излучающих радиосигналы. Благодаря им любой пользователь с помощью миниатюрного устройства — приемника навигационных спутниковых сигналов (отдельного прибора или встроенного в различные гаджеты) — может определить свое местоположение

в пространстве с точностью до десятка сантиметров. Технически сведения о местоположении отображаются в сферической (геоцентрической) системе координат в виде широты и долготы точки на земной поверхности, измеряемых в градусах.

В настоящее время полноценно функционирующие глобальные спутниковые навигационные системы созданы и поддерживаются двумя странами в мире — Россией (ГЛОНАСС) и США (GPS). Кроме точного позиционирования на местности, технология спутниковой навигации позволяет измерять высоту над уровнем моря, скорость движения, прокладывать маршрут, определять точное текущее время. Немаловажным аспектом данной технологии является то, что для определения местоположения объекта не требуется подключения ни к Интернету, ни к сетям сотовой связи. Сотовые сети мобильной связи используются только для передачи координат объекта заинтересованным лицам, например операторам информационных систем.

Широкий спектр возможностей спутниковой навигации в сочетании с небольшой стоимостью и компактностью пользовательской аппаратуры спровоцировал стремительное внедрение данной технологии в самые различные сферы жизнедеятельности в интересах граждан, общества и государства.

Для следственной деятельности применение данной технологии также имеет важное значение, ведь конечным результатом ее работы является точное определение местоположения человека, транспортного средства или иного объекта на земной поверхности. В соответствии со статьей 73 УПК РФ место, в котором было совершено преступление, является одним из основных объектов следственной работы по изучению обстоятельств совершенного преступления. С точки зрения криминалистики это выражается в том, что по абсолютному большинству уголовных дел наиболее важным и требующим внимания следственным действием является осмотр места происшествия. Использование спутниковой навигации позволяет установить и конкретно описать место преступления при отсутствии постоянных ориентиров, находящееся вне населенных пунктов, в удаленной местности¹.

Но значение спутниковой навигации для расследования преступления заключается не только в установлении места его совершения. В ходе предварительного следствия немаловажное значение может иметь установление и документальная фиксация сведений о расположении и границах земельных участков (например, по делам об экологических преступлениях), о расположении и скорости движения автомобилей и других транспортных средств², о местонахождении людей в определенный момент времени (например, при поиске без вести пропавших людей³ или при проверке алиби подозреваемого⁴) и т.д. В указанных и многих других случаях сведения, полученные с использованием технологии спутниковой навигации, могут повлиять на процессуальное решение по уголовному делу.

Исходя из этого, несомненную актуальность для криминалистики приобретает обобщение и систематизация возможных источников получения такой информации в целях обеспечения розыскной и следственной деятельности. В научных публикациях по уголовно-правовой тематике уже рассматривались отдельные вопросы применения спутниковой навигации при расследовании преступлений, как правило, для установления места совершения преступления⁵.

² Гаврилин Ю.В. Использование возможностей средств навигации в установлении обстоятельств совершения преступлений // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: материалы межвузовской научно-практической конференции (Тула, 15 марта 2017 г.) / Тул. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). Тула, 2017. С. 35—39.

³ Алехин Д.В. Использование информации абонентских устройств сотовой связи при расследовании преступлений, связанных с безвестным исчезновением людей // Предварительное расследование и перспективы его развития: материалы международной научно-практической конференции (Душанбе, 7 апреля 2018 г.) / под общ. ред. Ф.Р. Шарифзода. Душанбе, 2018. С. 40—42.

⁴ Скобелин С.Ю. Использование электронно-коммуникационных устройств в раскрытии и расследовании серийных преступлений // Раскрытие и расследование преступлений серийных и прошлых лет: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 16 марта 2017 г.) / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М.: Московская академия СК России, 2017. С. 391.

⁵ См., например: Киселев Е.А., Забавина А.Ю. Проблемы законодательной регламентации использования данных спутниковых навигационных систем в раскрытии и расследовании преступлений // Российский следователь. 2015. № 4. С. 7—11; Дусева Н.Ю. Использование современных программно-технических комплексов систем навигации в раскрытии и расследовании преступлений // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 650.

¹ Галкин Д.В. Возможности позиционирования на местности с использованием технологии спутниковой навигации при производстве следственных действий // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 3 (10). С. 84—86.

С учетом того, что технология спутникового позиционирования в настоящее время применяется в различных отраслях экономики и управления и сферы ее применения постоянно расширяются, практический интерес представляет комплексный обзор возможных источников получения информации о местонахождении людей и объектов.

Наиболее распространенным источником указанной информации являются мобильные сотовые телефоны, оснащенные спутниковыми навигационными модулями. В современном мире смартфон с функцией геолокации — один из главных атрибутов цивилизованного человека; только в 2019 году в России продано около 40 млн смартфонов. Развитие мобильных компьютерных технологий непосредственным образом влияет на тактику и методику расследования преступлений. Мобильные телефоны и другие электронные устройства все чаще становятся источником различной криминалистически значимой информации, включая сведения о текущем местоположении и передвижениях абонента. В связи с тем, что практически каждый современный телефон оснащен приемником сигналов навигационных спутников, работники уголовного розыска, других оперативных подразделений правоохранительных органов, следователи и дознаватели все активнее сталкиваются с вопросом использования данных спутниковой навигации о перемещениях абонента в интересах установления объективной истины по уголовному делу.

Для определения местоположения мобильных телефонов используется спутниковая навигация, а также данные базовых станций сотовой связи, сигналы Wi-Fi и других беспроводных локальных сетей⁶. Располагая сведениями о беспроводных соединениях абонента, возможно определить время и место его выхода в Интернет.

Процесс определения местоположения электронных устройств, а также само это местоположение получили название геолокации. Данные геолокации могут быть извлечены из операционных систем и прикладных программ ус-

тройств сотовой связи. При этом нужные сведения могут быть получены как непосредственно с мобильного устройства, так и через персональные компьютеры и облачные сервисы. В практической деятельности с помощью таких данных возможно определить не только время и место нахождения пользователя смартфона, но и его связи с другими абонентами, а также маршруты передвижения в исследуемый отрезок времени.

Геолокационные данные отображаются в различных приложениях (программах) или непосредственно в операционной системе смартфона, в том числе в описании к фотоснимкам, в истории подключений к сети Интернет, в электронных картах местности, в специальных навигационных приложениях. Например, такие программы часто используются при незаконной продаже наркотических средств: с помощью приложений-навигаторов преступники фиксируют и передают покупателям координаты тайников с наркотиками.

Сведения о геолокации абонентов сотовых сетей связи могут быть получены из разных источников и в разном процессуальном порядке: путем допроса пользователя мобильного устройства, непосредственно путем осмотра текстовой и графической информации на экране устройства с согласия пользователя. При необходимости разрешения технических вопросов, выходящих за рамки компетенции следователя, возможно назначение компьютерной технической экспертизы.

Данная экспертиза назначается с целью извлечения информации из операционных систем и прикладных программ устройств сотовой связи или других электронных устройств.

На разрешение компьютерно-технической экспертизы мобильных устройств могут быть поставлены следующие вопросы, касающиеся данных систем спутниковой навигации:

- Какие программы, установленные в телефоне, используют приемник сигналов навигационных спутников?
- Осуществляют ли указанные программы хранение данных о местоположении (географических координатах) устройства?
- В каком месте и как долго находился мобильный телефон в определенный период времени?
- В какие периоды времени устройство находилось в определенном месте?

Сведения о местоположении абонента в определенный период времени также могут быть получены у операторов мобильной связи в ус-

⁶ Скобелин С.Ю. Использование биллинговой и иной цифровой информации для установления местонахождения пропавшего без вести // Раскрытие и расследование преступлений, связанных с безвестным исчезновением граждан: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 27 сентября 2018 г.) / под общ. ред. А.М. Багмета. М.: Московская академия СК России, 2018. С. 208—210.

тановленном законом порядке. Для этого используются сигналы базовых станций, через которые осуществлялась связь с абонентом. Получение информации о соединениях между абонентами закреплено Уголовно-процессуальным кодексом РФ в качестве отдельного следственного действия (статья 186.1).

Кроме мобильных телефонов, сведения о местоположении лиц и объектов аккумулируются в различных информационных системах и базах данных, использующих технологию спутниковой навигации. В последние годы такие информационные системы активно развиваются в сфере транспорта⁷. К ним относятся система экстренного реагирования на дорожно-транспортное происшествие «ЭРА-ГЛОНАСС» и система взимания платы «Платон». Действие этих систем основано на передаче оператору (в единый центр обработки данных) координат местонахождения транспортного средства⁸. Для этого транспортные средства в установленном порядке оснащаются навигационными модулями и модулями связи с оператором системы через сотовые сети (операторов мобильной связи).

Еще одним источником геолокационных данных, имеющих правовое значение в уголовном судопроизводстве, являются сведения уголовно-исполнительной инспекции Федеральной службы исполнения наказаний о соблюдении подследственными меры пресечения в виде домашнего ареста. Все перемещения арестанта в жилом помещении и вне его отслеживаются в режиме реального времени по сигналам со спутника благодаря так называемому электронному браслету, который крепится на его теле (на ноге или руке по выбору самого подследственного). Сигналы ГЛОНАСС (GPS) в автоматическом режиме передаются в дежурное подразделение (пульт мониторинга) уголовно-исполни-

тельной инспекции⁹. Также автоматически формируются и сохраняются в базе данных ФСИН сводные электронные отчеты за определенные периоды времени о соблюдении подследственными меры пресечения. Информация о несоблюдении меры пресечения, полученная с помощью средств технического контроля, является основанием для ее изменения на более строгую.

Использование спутниковой навигации в следственной деятельности тесно связано с использованием смежной технологии — дистанционным зондированием Земли, которое представляет собой фотосъемку земной поверхности, выполненную с искусственных спутников на околоземной орбите.

Космические снимки имеют разную детализацию (низкодетальные или высокодетальные) и могут быть получены путем направления запросов в Роскосмос, а также приобретены у зарубежных правообладателей. Снимки отдельных участков земной поверхности, сделанные в определенное время, могут иметь важное значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Например, с помощью космических снимков может быть изучена хронология строительства объектов недвижимости, крупных инфраструктурных сооружений.

В запросе об истребовании космических снимков нужного участка местности указываются его координаты и изучаемый период времени. При исследовании следственным или экспертным путем полученных снимков может быть решена обратная задача — определение координат обнаруженных на снимках объектов. Для этого космические снимки сопоставляются с электронными картами нужных участков местности.

Кроме указанных источников, сведения о географических координатах места расположения различных объектов могут быть получены непосредственно следователем (самостоятельно или при участии специалиста) в ходе осмотра места происшествия и других следственных действий с использованием спутниковых навигаторов.

⁹ Приказ Минюста России № 26, МВД России № 67, СК России № 13, ФСБ России № 105, ФСКН России № 56 от 11.02.2016 г. «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Галкин Д. В. Спутниковая навигация в криминалистике: технические возможности и правовые проблемы // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2020. № 3 (52). С. 98—104.

⁸ См.: Платон — система взимания платы: официальный сайт. URL: <http://platon.ru>; Приказ Министерства транспорта РФ от 22 ноября 2016 г. № 353 «Об утверждении форм запроса физических и юридических лиц о предоставлении информации о координатно-временных параметрах транспортных средств на момент дорожно-транспортных и иных происшествий на автомобильных дорогах в Российской Федерации, содержащейся в государственной автоматизированной информационной системе «ЭРА-ГЛОНАСС», перечня документов, прилагаемых к запросу, и формы ответа на запрос» // СПС «КонсультантПлюс».

При использовании спутниковой навигации в криминалистических целях необходимо учитывать ряд особенностей. Во-первых, необходимо учитывать, что определение географических координат места с помощью спутникового навигатора осуществляется путем измерения физических величин. Измерительное дело является особым объектом правового регулирования, главным требованием которого является метрологическая сертификация и периодическая поверка средств измерений¹⁰. Эти требования, исходя из содержания нормативных актов, без каких-либо изъятий распространяются и на спутниковые навигаторы.

Во-вторых, необходимо обеспечить сопоставимость результатов измерений географических координат, полученных в разное время и с применением разных навигационных приборов. Для этого, в частности, в протоколах следственных действий необходимо указывать опорную сис-

тему координат, используемую при измерениях (WGS-84 или ПЗ-90).

Таким образом, сведения о географических координатах, формируемые с помощью глобальных спутниковых навигационных систем, являются одним из элементов криминалистического обеспечения расследования преступлений. Указанная информация может иметь как ориентирующее, так и доказательственное значение для уголовного дела. Использование в розыскной и следственной деятельности спутниковой навигации позволяет не только получить точные и достоверные данные об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, но и обеспечить наглядность их представления в материалах уголовного дела в виде карт, планов и схем. В современных условиях это приобретает немаловажное значение, особенно в связи с расширением компетенции суда присяжных.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Цветков В.Л. и др. Психология служебной деятельности. Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности». — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2019. — 351 с.

ISBN 978-5-238-03162-0

Учебник разработан в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования третьего поколения по специальности 3705.02 «Психология служебной деятельности». Рассмотрены основы психологической работы в органах внутренних дел. Основное внимание уделяется таким вопросам, как психологическая подготовка сотрудников ОВД, технологии психологической помощи и психологической реабилитации сотрудников ОВД, организация психологической работы в ОВД.

Для курсантов, студентов вузов, психологов, а также всех интересующихся проблемами практической психологии.

¹⁰ Федеральный закон от 26.06.2008 № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений» // СПС «Консультант Плюс».

УДК 343.985
ББК 67.522.0

Мария Алексеевна ИВАЩЕНКО,
младший научный сотрудник
научно-исследовательского отдела
Московской академии Следственного
комитета Российской Федерации

Дмитрий Викторович ГЛАДКОВ,
старший преподаватель кафедры
тактико-специальной подготовки
Волгодонского филиала Ростовского
юридического института МВД России

Научная специальность: 12.00.12 — Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-разыскная деятельность

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОПЕРАТИВНЫМИ СОТРУДНИКАМИ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В статье обозначаются проблемы, возникающие на практике между следователями Следственного комитета Российской Федерации и оперативными сотрудниками МВД России, предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: следователи, оперативные сотрудники, Следственный комитет Российской Федерации, МВД России, проблемы взаимодействия, выезд на место происшествия, эффективность расследования.

Maria Alekseevna IVASHCHENKO,
Junior Researcher of the Research Department
of the Moscow Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation

Dmitriy Viktorovich GLADKOV,
Senior Lecturer of the Tactical and Special Training Department
of the Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ACTUAL PROBLEMS OF INTERACTION OF THE INVESTIGATOR WITH OPERATIONAL EMPLOYEES AT DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES

Abstract. The article identifies problems that arise in practice between investigators of the Investigative Committee of the Russian Federation and operational employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, and suggests ways to solve them.

Keywords: investigator, operational officers, the Investigative Committee of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of Russia, problems of interaction, visit to the scene, effectiveness of the investigation.

Следователь в своей профессиональной деятельности на постоянной основе взаимодействует с представителями различных органов власти, в частности с сотрудниками органов прокуратуры, судов, Федеральной службы безопасности (ФСБ), МВД России и др. Как правило, возможность их сотрудничества зависит от категории уголовных дел, которые находятся в производстве у следователя. Вместе с тем при раскрытии и расследовании большинства преступлений следователь осуществляет свою деятельность во взаимодействии с сотрудниками уголовного розыска Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее — оперативные сотрудники).

Раскрывать и расследовать преступления против жизни и здоровья, против свободы, чести и достоинства личности, против половой неприкосновенности и половой свободы личности, против собственности, против общественной безопасности и др. — представляется невозможным без использования в комплексе уголовно-процессуальных средств и оперативно-разыскных мер.

Правовой основой взаимодействия следователя с сотрудниками органов внутренних дел являются Конституция Российской Федерации, уголовно-процессуальное законодательство, в том числе Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об оперативно-розыскной деятельности», а также приказы, уставы, другие подзаконные акты МВД России.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации наделяет следователя полномочиями по осуществлению предварительного следствия по уголовному делу, в рамках которого, помимо прочего, он уполномочен давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-разыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении¹. В свою очередь, одним из оснований для проведения оперативно-разыскных мероприятий является поручение следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания или определение суда по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлении, находящимся в их производстве². Таким образом, мы видим, что вза-

имодействие следователя с оперативными сотрудниками определено законом.

Сущность взаимодействия проявляется в соединении усилий следователя и оперативно-го сотрудника в момент раскрытия преступления, в согласованности их действий при полном соблюдении норм закона³. Предварительное расследование — это своеобразная арена борьбы интересов разных людей⁴. В настоящей работе мы ведем речь о должностных лицах — следователях и сотрудниках уголовного розыска.

Мы выделяем следующие проблемы, которые довольно часто возникают на практике во взаимодействии между следователем и оперативными сотрудниками МВД России:

1. Высокая степень кадровой «текучки» в следственных отделах Следственного комитета Российской Федерации, в связи с чем основная доля следователей имеет небольшой стаж работы, а некоторые не имеют его вообще. Собственно, в подобных условиях возникает вполне обоснованная проблема: сотрудники уголовного розыска, выезжающие впервые с новым следователем на место происшествия, не могут найти с ним общий язык, происходит некая профессиональная «притирка». Как правило, сотрудники уголовного розыска на своих местах работают много лет, имеют большой опыт работы как на происшествиях, так и в целом в общении с представителями следственных подразделений. На наш взгляд, начинающий следователь не должен отказываться от помощи старших товарищей, не стоит вступать в конфликты. Подобных ситуаций не возникает, когда следователь проработал в данном районе или городе хотя бы год, набрав опыта следственной работы и успев зарекомендовать себя в профессиональном плане.

2. В межрайонных следственных отделах возникает следующая проблема. Специфика межрайонного следственного отдела состоит в том, что он обслуживает сразу несколько районов, от двух до пяти. Четкого закрепления следователей за каждым районом практически нигде нет, а где-то и вовсе не хватает следова-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020). Ст. 38.

² Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об оперативно-розыскной деятельности». Ст. 7.

³ Фомин В. В. Взаимодействие следственных и оперативно-розыскных подразделений при раскрытии и расследовании преступлений // Человек: преступление и наказание. 2016. № 4. С. 89.

⁴ Брижак З. И., Бутенко О. С., Сарелайнен А. И. Психологическое воздействие в работе следователя: методологические проблемы психологического анализа // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2016. № 4. С. 112.

телей на все районы, в связи с чем на происшествие может выехать следователь, закрепленный совершенно за другим районом. То есть со спецификой района он не знаком, и о высоком уровне взаимодействия с оперативным составом отдела полиции говорить в данном случае нельзя. Отчасти данная проблема перекликается с первой. Но ее решение, как нам представляется, найти несложно. Для этого необходимо закреплять за каждый районом отдельного следователя, благодаря чему уровень взаимодействия между следователем и оперативными сотрудниками будет высоким, основанным на взаимном уважении и доверии.

3. Недоверие следователя к оперативно-разыскной информации при планировании и производстве расследования. Данная проблема также может возникнуть по той причине, что следователь и оперативные работники сотрудничают недолго, не успели набраться совместного опыта на происшествиях, а следователь имеет небольшой опыт следственной работы. В результате оперативные сотрудники не всегда своевременно и качественно выполняют поручения о производстве оперативно-разыскных мероприятий и отдельных следственных действий по уголовным делам.

4. Во многих районах и городах актуальна следующая проблема. Количество оперативно-го состава на определенной территории может быть небольшим, точнее сказать, сотрудников может не хватать для качественного выполнения работы. Таким образом, нехватка оперативного состава на местах и большой спектр деятельности по отдельным направлениям работы приводят к тому, что оперативные сотрудники не уделяют должного внимания конкретному преступлению, расследуемому следователем.

5. При совершении преступления, подследственного органам Следственного комитета Российской Федерации, создается следственно-оперативная группа (далее — СОГ), предназначенная для расследования этого преступления, в которую входят конкретные следователи и оперативные сотрудники. Однако на местах в ходе расследования, особенно если оно проводится достаточно длительное время, состав СОГ меняется, а следовательно, новым участникам приходится заново изучать проведенные следственные действия и оперативно-разыскные мероприятия. На наш взгляд, необходимо увеличить количество должностей следователей и оперативных сотрудников, что, несомненно, отразится на более глубоком расследовании преступлений, проведении целенаправленных следственных действий и оперативно-разыскных

мероприятий изначально вошедшими в состав СОГ сотрудниками, которые не будут отвлекаться от расследования конкретного уголовного дела, и совместная деятельность приведет к высокому качеству расследования преступления и быстрому его раскрытию.

В практической деятельности следователя нередко возникают проблемные, иногда и конфликтные ситуации, связанные с осуществлением необходимых следственных и процессуальных действий, участие в которых принимают сотрудники уголовного розыска.

Взаимодействие следователя и сотрудников уголовного розыска осуществляется не по всем делам и материалам проверок. Это связано с тем, что такое взаимодействие предполагается при совершённом преступлении, подпадающем под категорию резонансного или особо тяжкого (в большинстве случаев). И здесь необходимо взаимодействие и тесное сотрудничество.

Данные факторы особенно влияют на производство первоначальных следственных действий, таких, например, как осмотр места происшествия. При некачественном осмотре места происшествия происходит утрата вещественных доказательств, вырабатываются ошибочные версии, «тормозится» раскрытие преступления по горячим следам, отодвигается время начала проведения необходимых оперативно-разыскных мероприятий или они проводятся не в нужном направлении. Одними из главных условий производства качественного следственного действия являются точное исполнение своих обязанностей участниками следственного действия и согласованность их действий⁵.

Рассмотрим условия, обеспечивающие эффективность взаимодействия следователя с оперативными сотрудниками:

- Соблюдение обеими сторонами конституционных принципов, таких как принцип законности, принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, принцип гуманизма и др. Необходимость соблюдения установленных российским конституционным законом принципов является неотъемлемой частью работы всех правоохранительных органов. Конституция Российской Федерации признается Основным законом страны, и соблюдение её норм является первостепенным для всех отраслей права.

⁵ Захарова В.О. О некоторых недостатках при осмотре места происшествия // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 3. С. 92—94.

- Разделение компетенции между следователем и оперативными сотрудниками, вытекающее из специфики их деятельности. Одним из важнейших условий, обеспечивающих эффективность взаимодействия указанных должностных лиц, является четкое понимание сущности конкретно своей деятельности, когда никто из них не переходит эту тонкую грань, иначе говоря, «не нарушает границ другого человека». Подобное нарушение проявляется чаще всего на месте происшествия, когда следователь совместно с сотрудниками уголовного розыска осуществляет свою профессиональную деятельность. И по указанным выше причинам между ними может развязаться борьба за лидерство, выяснение, кто из них лучше знает, как правильно направлять ход расследования или проведение процессуальной проверки. В связи с этим соблюдение такого условия является обязательным.
- Комплексное использование сил и средств, имеющихся в их распоряжении. У сотрудников уголовного розыска имеются наработанные опытом знания, которые они применяют в работе, а также определенные средства, которых нет в распоряжении следователя. Только благодаря совместной и слаженной работе всей команды возможно достижение положительного результата.
- Организующая и руководящая роль следователя. Это одно из тех условий, которое зачастую забывают соблюдать находящиеся в составе СОГ сотрудники, а также иногда и сами следователи. Ход действий каждого присутствующего на месте преступления лица зависит от решений следователя. Следователь координирует работу СОГ, определяет тактику расследования. И чтобы не возникало конфликтных ситуаций, данное правило необходимо соблюдать.
- Процессуальная самостоятельность следователя определяется уголовно-процессуальным законом нашей страны. Следователь является процессуально независимым лицом, которое самостоятельно направляет ход расследования. Интересной представляется точка зрения А.А. Телятникова, который размышляет о том, действительно ли следователь независим в принятии своих решений. С реализацией данного положения возникают реальные трудности, и на практике следователь без решения или указания своего руководителя не прини-

мает важных решений в рамках расследования уголовного дела, а также при проведении процессуальной проверки. Автор приходит к выводу, что принцип процессуальной независимости может быть реализован только в случае грамотности самого следователя, а также наличия опытного наставника рядом с ним⁶.

- Самостоятельность оперативного работника в выборе средств и тактических приемов осуществления своей деятельности. Это непосредственная компетенция оперативных сотрудников, в рамках которой они самостоятельно координируют свою работу.
- Неразглашение данных предварительного следствия, а также сведений, полученных оперативными путем. Данный запрет также определен нормами уголовно-процессуального законодательства России. С согласия следователя данные могут быть преданы гласности только в том объеме, который будет им разрешен.
- Поддержание атмосферы сотрудничества и взаимной помощи. Несмотря на то, что данное условие мы поставили последним пунктом, значимость его не находится на последнем месте. Именно благоприятная атмосфера в трудовом коллективе, основанная на открытом, доброжелательном сотрудничестве и взаимопомощи, способствует эффективному раскрытию и расследованию преступлений.

Расследование конкретного преступления должно проходить в тесном взаимодействии следователя и оперативного сотрудника, в сочетании гласных следственных действий и негласных оперативно-разыскных мероприятий. Как видно из перечисленных выше проблем, крайне важно, чтобы между следователем и оперативными сотрудниками сложились благоприятные отношения, что позволит им более качественно выполнять свою работу. В условиях совершённых или готовящихся преступлений все сотрудники, присутствующие на происшествии либо на конкретном следственном действии, должны обладать высоким профессионализмом, уважительно относиться к своим коллегам и уметь прислушиваться к мнению своих товарищей. Это действительно очень важно в условиях современной жизни и особенно в тяжелой рабочей обстановке.

⁶ Телятников А.А. Проблемы реализации процессуальной независимости следователей в Российской Федерации // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 3. С. 126—129.

УДК 343.985.7:343.359.2
ББК 67.523.12

Анатолий Николаевич ПАНКРАТЬЕВ,
Главное управление экономической безопасности
и противодействия коррупции МВД России,
кандидат юридических наук
E-mail: a.pankratev@gmail.com

Сергей Владимирович ТРОХОВ,
Следственный комитет Российской Федерации
E-mail: sergeiskso@mail.ru

Научная специальность: 12.00.12 — Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-разыскная деятельность

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 199.2 УК РФ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с выявлением и раскрытием преступлений, предусмотренных статьей 199.2 УК РФ, на примере судебной практики приведены типовые ошибки, допускаемые в этой сфере.

Ключевые слова: налогоплательщики, уклонение от уплаты налогов, сокрытие денежных средств, сокрытие имущества, налоговая преступность, выявление и расследование налоговых преступлений.

Anatoly Nikolaevich PANKRATEV,
Main Directorate of Economic Security and Counteraction of Corruption
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law
E-mail: a.pankratev@gmail.com

Sergey Vladimirovich TROHOV,
the Investigative Committee of the Russian Federation
E-mail: sergeiskso@mail.ru

TOPICAL ISSUES OF DETECTION AND INVESTIGATION OF CRIMES UNDER ARTICLE 199.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article deals with topical issues related to the detection and disclosure of crimes under Article 199.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, and uses the example of judicial practice to show typical mistakes made in this area.

Keywords: taxpayers, tax evasion, concealment of funds, concealment of property, tax crime, detection and investigation of tax crimes.

В научной среде длительное время идет широкая полемика относительно целого ряда моментов, связанных с юридической оценкой действий, которые формально содержат признаки противоправного деяния, установленные

диспозицией статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

Вопросы, связанные с содержанием и применением рассматриваемой нормы, являются предметом целого ряда научных исследова-

ний¹, кроме того, правоприменение нормы разъяснялось Конституционным и Верховным судами Российской Федерации².

Авторами настоящей статьи проведено исследование результатов практической деятельности по противодействию указанному виду налоговых преступлений.

В рамках исследования изучен ряд уголовных дел, материалов процессуальных проверок, а также обобщены сведения, указанные в письмах и докладных записках, составленных сотрудниками территориальных следственных органов и оперативных подразделений в связи с рассмотрением спорных вопросов по конкретным материалам проверок и уголовным делам³.

¹ См.: *Акопджанова М.О.* Уголовная ответственность за сокрытие денежных средств либо иного имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание задолженности по налогам и (или) сборам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011; *Искалиев Р.М.* Уголовная ответственность за сокрытие денежных средств и имущества, за счет которых должно производиться взыскание налогов и сборов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014; *Пастухов И., Яни П.* Сокрытие имущества налогоплательщика от принудительного взыскания: начало и окончание // *Законность*. 2007. № 5. С. 19—23; *Яни П.С.* Уголовная ответственность за сокрытие имущества с целью уклонения от взыскания недоимки // *Законность*. 2020. № 3. (1025). С. 45—50; *Середа И.М.* Преступления против налоговой системы: характеристика, ответственность, стратегии борьбы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 2006; *Симонов М.В.* Уголовная ответственность за сокрытие денежных средств либо имущества, за счет которых должно быть произведено взыскание недоимки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007; *Стрельников В.В.* Определение момента совершения преступления по статье 199.2 Уголовного кодекса РФ // *Налоговед*. 2008. № 4. С. 40—43; *Нечаев А.Д.* Сокрытие имущества, за счет которого должно быть произведено взыскание недоимки (ст. 199.2 УК РФ): предложения о совершенствовании судебной практики по делам о налоговых преступлениях // *Закон*. 2018. № 7. С. 160—168.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 189-О; Определение Конституционного Суда РФ от 05.03.2009 № 470-О-О; Определение Конституционного Суда РФ от 17.12.2009 № 1644-О-О; Определение Конституционного Суда РФ от 25.11.2010 № 1513-О-О; Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2014 № 1346-О; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2019 № 48; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64.

³ Материалы, поступившие в 2017—2020 гг. в управление процессуального контроля за расследованием отдельных видов преступлений Следственного комитета Российской Федерации и Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России в рамках оказания правовой и практической помощи при выявлении и расследовании преступлений, предусмотренных статьями 199.2 УК РФ.

Например, в 2019 году было выявлено 545 преступлений, предусмотренных статьями 199.2 УК РФ (+ 6 % к числу преступлений за аналогичный период прошлого года). Между тем количество преступлений, уголовные дела по которым прекращены за отсутствием события и состава преступления, возросло с 97 дел в 2018 г. до 117 в 2019 г. (+ 20,6 %) ⁴. Необходимо отметить, что применительно к статье 199.2 УК РФ ежегодно органами Следственного комитета Российской Федерации по материалам проверок выносятся еще около 300 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела: в 2017 г. вынесено 309 подобных постановлений, в 2018 г. — 312.

Юридические и фактические основания принятия таких решений аналогичны решениям о прекращении уголовного дела. В связи с этим можно констатировать, что ежегодно примерно половина проверок по рассматриваемому составу преступления заканчивается принятием «оправдательного» процессуального решения, что указывает на наличие проблем правоприменения и подтверждает актуальность научной дискуссии о применении указанной статьи.

Проведенное исследование показывает, что в большинстве случаев юридические и фактические основания отказа в возбуждении уголовного дела аналогичны решениям о прекращении уголовного дела. В их основе часто имеется ошибочное толкование диспозиции статьи 199.2 УК РФ либо неверная (необъективная) оценка действий налогоплательщика.

Допустимо говорить о наличии типовых юридических ошибок, допускаемых как сотрудниками органа дознания на стадии доследственной проверки, так и следователями при возбуждении и расследовании уголовного дела. Наиболее распространенными из них являются ошибочное определение вменяемого периода сокрытия денежных средств или имущества, срока начала и окончания подобных действий, установление предмета посягательства, а также непринятие во внимание обстоятельств, указывающих на наличие крайней необходимости.

Верховный Суд Российской Федерации отмечает, что уголовная ответственность по статье 199.2 УК РФ может наступить после истечения срока, установленного в полученном требовании об уплате налога, сбора, страхового взноса⁵.

⁴ См. статистическую форму ФКУ «ГИАЦ МВД России» № 5-БЭП.

⁵ Пункт 21 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2019 № 48.

В научной среде по данному поводу имеются различные мнения. Так, профессор П.С. Яни и И.Н. Пастухов в 2007 г. обратили внимание на то, что обязанность не препятствовать принудительному взысканию возникает до истечения не только срока требования, но и срока для уплаты налога, сбора⁶. В свою очередь, А.М. Чернеева указывает, что сокрытие должно совершаться после образования недоимки, при этом допускается сокрытие до начала процедуры принудительного взыскания⁷. Вопреки приведенным точкам зрения, В.В. Стрельников указывает на то, что криминальное сокрытие не может иметь место до начала взыскания недоимки, иное толкование, по его мнению, противоречило бы букве закона⁸.

Авторы настоящей статьи полагают, что уголовно наказуемым деянием является не сама по себе неуплата налога, а умышленные действия, имеющие своей целью воспрепятствовать принудительному взысканию недоимки в особо крупном размере, а потому по своему предназначению данный уголовно-правовой запрет нацелен на защиту государственного механизма принудительного взыскания обозначенных обязательных платежей в бюджет и соответствующие внебюджетные фонды.

Проведение финансово-хозяйственных операций в преддверии (предвидении) взыскания не может квалифицироваться по статье 199.2 УК РФ. Такие действия не содержат прямого нарушения ограничения на свободное распоряжение имуществом и денежными средствами, а при его отсутствии сами по себе неотличимы от законной предпринимательской деятельности.

Процедура принудительного взыскания, очередность взыскания и сроки принятия налоговых органами и органами страховщика соответствующих решений не являются произвольными и нормативно регламентированы⁹.

На практике это выражается в поэтапном принятии органами контроля целого ряда решений и документов, имеющих собственные

сроки исполнения. Вынесение указанных документов находится за сроком, установленным в требовании об уплате налога, сбора, страхового взноса, что создает неопределенность в толковании момента начала преступления.

В соответствии с позицией авторов настоящей статьи, сокрытие как объективная сторона противоправного деяния возможно только с того момента, когда в силу закона уполномоченные органы вправе принимать меры, направленные на принудительное взыскание денежных средств либо имущества.

В силу требований закона¹⁰ этими моментами являются (при условии неисполнения требования в полном объеме): в отношении денежных средств, находящихся на счетах налогоплательщика, налогового агента, плательщика сбора, страховых взносов, — время после истечения срока, установленного в требовании об уплате налога, сбора, страховых взносов; в отношении иного имущества — когда установлено, что денежных средств на счетах налогоплательщика, налогового агента, плательщика сбора, страховых взносов недостаточно или они там отсутствуют.

Таким образом, по нашему мнению, сокрытие возможно только после начала принудительных мер по взысканию.

Подобная позиция в полной мере сочетается с судебной и следственной практикой.

Так, оправдательный приговор в отношении Б. оставлен без изменения апелляционной инстанцией, поскольку налоговым органом не были соблюдены процедуры взыскания имущества ЗАО «А»¹¹.

Например, следственным управлением по г. Севастополю принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела на основании того, что договор переуступки права требования дебиторской задолженности (действия по сокрытию денежных средств) заключен до вступления в силу соответствующего решения налоговой инспекции о принудительном взыскании недоимки.

Схожим образом в Архангельской области уголовное дело в отношении директора ЗАО «С» прекращено, поскольку налоговой инспекцией меры по принудительному взысканию недоимки за счет кассы организации не принимались, хотя при наличии инкассового поручения на предприятии расчеты производились через кассу.

⁶ Пастухов И., Яни П. Указ. соч. С. 21.

⁷ Чернеева А.М. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика налоговых преступлений (по материалам Республики Татарстан): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 16.

⁸ Стрельников В.В. Указ. соч. С. 43.

⁹ См. ст. 46, 47, 48 Налогового кодекса Российской Федерации и ст. 26.6, 26.7, 26.8 Федерального закона от 24.07.1998 № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний».

¹⁰ См. ст. 46 Налогового кодекса Российской Федерации и ст. 26.6 Федерального закона от 24.07.1998 № 125-ФЗ.

¹¹ Апелляционное постановление от 05.06.2018 № 22-2977/2018 по делу № 22-2977/2018.

Аналогичное решение принято в Чукотском автономном округе, где отказано в возбуждении уголовного дела по факту реализации объекта недвижимости в условиях наличия недоимки, поскольку налоговым органом не было вынесено соответствующее решение в отношении имущества должника.

Понимание статьи 199.2 УК РФ как нацеленной на охрану нормального функционирования уполномоченных государственных органов в сфере принудительного взыскания неразрывно связано с необходимостью оценки полноты мер, принятых налоговым органом и органом страховщика по взысканию недоимки. Бездействие этих органов является объективным фактором, исключающим принудительное взыскание недоимки вне зависимости от действий налогоплательщика.

Характерным примером является решение апелляционной инстанции, оправдавшей директора ООО «И» по тем основаниям, что реализация им части недвижимого имущества не исключила принудительного взыскания за счет оставшегося имущества, находящегося в собственности налогоплательщика, стоимость которого была достаточна для погашения недоимки, при этом налогоплательщик не препятствовал наложению взыскания на это имущество¹².

Апелляционной инстанцией оставлен без изменения и вступил в действие оправдательный приговор в отношении руководителя МУП «П». Основным аргументом послужило признание в арбитражном процессе незаконным требования налогового органа об уплате налога и решения о принудительном взыскании недоимки¹³.

Отдельного рассмотрения требует применение освобождения от уголовной ответственности за совершение рассматриваемого состава преступления в связи с обстоятельствами крайней необходимости, при которой действия по сокрытию имущества и денежных средств от взыскания недоимки не будут образовывать состава преступления.

В качестве обстоятельств, образующих крайнюю необходимость, судами отмечаются необходимость сохранения работоспособности организации, рабочих мест, статус градообразующего предприятия, требования по бесперебойному

обеспечению отдельных категорий граждан и в целом населения жизненно важными услугами (транспортные услуги, водоснабжение, тепло-снабжение, электроэнергия), поддержание работоспособности опасных объектов, выполнение государственного оборонного заказа, избежание падежа поголовья скота и т.д.

Так, судом при прекращении уголовного преследования в отношении руководителя ОАО «Т» в качестве крайней необходимости была признана опасность остановки подачи горячего водоснабжения и теплоснабжения из-за отсутствия в котельной необходимого запаса топлива¹⁴.

В Хабаровском крае вышестоящей судебной инстанцией отменен обвинительный приговор в отношении руководителя ПАО «Х» в связи с тем, что предприятие выполняло гособоронзаказ. При этом суд отметил, что сторона обвинения не представила доказательств, которые бы подтверждали реальную возможность руководителя ПАО «Х» добиться исполнения обязательств по выполнению государственного контракта иным путем¹⁵.

Существенные затруднения у правоприменителей вызывают вопросы, связанные с принадлежностью безналичных денежных средств налогоплательщику. В отличие от имущества, право собственности на которое, как правило, закреплено документально, безналичные денежные средства, направляемые в обход «заблокированных» органами контроля расчетных счетов, в определенном смысле «обезличены». Мы полагаем ошибочным расширение действия запретов уполномоченных органов на денежные средства иных организаций, пусть и взаимосвязанных с должником, но не несущих имущественной ответственности за его действия. Принадлежность денежных средств должнику неразрывно связана с нарушением им обязанности по направлению их на погашение недоимки, в связи с чем это обстоятельство требует установления до возбуждения уголовного дела. В противном случае операции с подобными денежными средствами не будут образовывать признаков состава рассматриваемого преступления.

Схожая аргументация приведена в оправдательном приговоре в отношении руководителя ООО «Я», так как в распорядительных письмах, направляемых им в адрес АО «И», отсутствует ука-

¹² Постановление Хабаровского краевого суда от 05.06.2018 по делу № 22-1693/2018.

¹³ Апелляционное постановление Сахалинского областного суда от 10.09.2018 по делу № 22-1148.

¹⁴ Апелляционные постановления Сахалинского областного суда от 18.09.2018 и 18.03.2020 по делу № 22-193.

¹⁵ Апелляционное постановление Хабаровского краевого суда от 07.03.2019 по делу № 22-571.

зание на проведение платежей за счет предоплаты (аванса) по договорам подряда между АО «И» и ООО «Я». Также в деле не представлены доказательства, свидетельствующие о принадлежности ООО «Я» денежных средств, уплаченных АО «И» на счета третьих лиц за ООО «Я»¹⁶.

В Тюменской области аналогичным образом вынесен оправдательный приговор в отношении генерального директора ОАО «З», поскольку подсудимый выступал одновременно директором двух обществ, при этом погасил кредиторскую задолженность одного из них за счет средств другой подконтрольной ему организации. При этом доказано, что спорные денежные средства не принадлежали ОАО «З», в отношении которого производилось принудительное взыскание¹⁷.

Анализируя следственную практику, необходимо отметить затруднения, связанные с оценкой ситуации, когда после сокрытия денежных средств (имущества) недоимка гасится самим налогоплательщиком.

Например, в Республике Коми сформировалась практика принятия постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, когда недоимка погашена до его возбуждения. Такая позиция, по нашему мнению, является ошибочной. При этом необходимо руководствоваться тем, что для статьи 199.2 УК РФ предусмотрен иной порядок прекращения уголовного преследования в связи с возмещением ущерба. Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное ст. 199.2 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности, если возместило ущерб, причиненный государству в результате совершения преступления, и перечислило в федеральный бюджет денежную сумму, эквивалентную размеру совершенного деяния¹⁸. Таким образом, погашение недоимки не может являться препятствием для возбуждения уголовного дела, а при наличии предусмотренных законом условий лишь может быть принято во внимание при освобождении от уголовной ответственности по нереабилитирующим обстоятельствам. Судебная практика по данному вопросу однозначно рассматривает возмещение недоимки лишь как основание для освобождения от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа¹⁹.

С учетом вышеизложенного полагаем возможным сделать следующие обобщенные выводы, имеющие прикладное значение при выявлении и расследовании преступлений, предусмотренных статьями 199.2 УК РФ:

1. Определяя момент начала преступных деяний, необходимо учитывать, что сокрытие денежных средств или имущества от взыскания представляет собой действия, направленные на воспрепятствование принудительному их взысканию уполномоченными на то органами. В связи с этим начало преступления возможно только после того, как возникнут предусмотренные законом основания для принятия соответствующих мер принуждения.

Невыполнение уполномоченными органами данных мер исключает наличие признаков преступления.

2. Существенное юридическое значение при решении вопроса о наличии признаков рассматриваемого преступления имеют обстоятельства крайней необходимости, при наличии которых распоряжение имуществом и денежными средствами вопреки ограничениям уполномоченных органов не будет образовывать состава преступления.

3. Ограничения, налагаемые органами контроля при осуществлении принудительного взыскания, не являются произвольными и не могут рассматриваться как основание, исключающее любую хозяйственную и предпринимательскую деятельность должника. Данные меры касаются конкретного имущества и денежных средств, кроме того, они ограничены размером имеющейся недоимки.

Предметом совершения преступления, предусмотренного статьями 199.2 УК РФ, могут являться только имущество и денежные средства, принадлежащие должнику и в отношении которых имеются законные основания для принятия соответствующих ограничительных мер.

4. Преступление является оконченным с момента совершения фактических действий по сокрытию денежных средств или имущества от взыскания имеющейся недоимки по налогам, сборам, страховым взносам. Последующее погашение задолженности по обязательным платежам подлежит оценке в контексте постделиктного поведения лица и не может служить обстоятельством, свидетельствующим об отсутствии в его деянии состава преступления.

Оценивая сложившуюся практику применения рассматриваемой уголовно-правовой нормы, авторы исследования считают необходимым отметить, что действующая редакция статьи 199.2

¹⁶ Приговор Янаульского районного суда Республики Башкортостан от 15.07.2017 по делу № 1-10/2017.

¹⁷ Постановление Калининского районного суда г. Тюмени от 30.05.2019 по делу № 1-6-2019.

¹⁸ См. ч. 2 ст. 76.1 УК РФ.

¹⁹ Постановление Конаковского городского суда Тверской области от 06.03.2020 по делу № 1-82/2020.

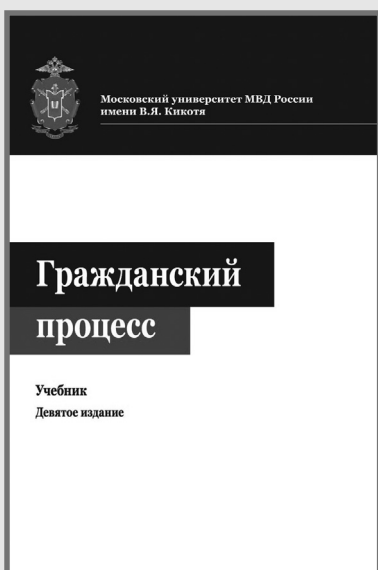
УК РФ не в полной мере отвечает современным правоотношениям в регулируемой сфере.

В результате некриминализованными остаются противоправные действия, фактически имеющие целью сокрытие денежных средств или имущества от взыскания, однако формально выходящие за пределы, охватываемые диспозицией статьи 199.2 УК РФ. К их числу следует отнести действия, совершенные в ситуации, когда лицо, осознавая неизбежность применения в отношении него процедур принудительного взыскания недоимки, заранее скрывает имущество и денежные средства, в том числе путем создания нового юридического лица.

В этой связи мы разделяем позицию И.Н. Пастухова и П.С. Яни о том, что это «создает брешь» в уголовно-правовом обеспечении конституционной обязанности по уплате налогов²⁰. Вместе с тем, по нашему мнению, разрешение такой ситуации не может быть достигнуто за счет расширительного толкования действующей редакции статьи 199.2 УК РФ.

В данном случае допустимо говорить о необходимости изменения самой уголовно-правовой нормы и об уточнении спорных моментов диспозиции, что должно являться предметом отдельной научной дискуссии.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Гражданский процесс. Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», специальности «Правоохранительная деятельность» / Под ред. Л.В. Тумановой, Н.Д. Амаглобели. 9-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. 687 с.

ISBN 978-5-238-03168-2

На основе современного законодательства системно и комплексно раскрыты основные темы курса: цели, задачи, принципы гражданского судопроизводства, сущность и источники гражданского процессуального права, гражданские процессуальные правоотношения, понятие доказательств и доказывания, участники и сроки судопроизводства, порядок и особенности его ведения. Рассмотрены основные положения арбитражного процесса, нотариата, третейского суда, а также порядок обращения российских граждан в Европейский суд по правам человека.

Особое внимание уделено порядку пересмотра судебных постановлений в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, особенностям производства по делам, связанным с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов, а также пересмотру по новым или вновь открывшимся обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу.

Учены последние изменения, внесенные в Гражданский процессуальный кодекс РФ, по состоянию на 1 апреля 2018 г.

Для студентов, аспирантов и преподавателей высших и средних специальных учебных заведений юридического профиля, а также для всех интересующихся вопросами гражданского процесса.

²⁰ Пастухов И., Яни П. Указ. соч.

УДК 343.982.35
ББК 67.521.3

Валерий Александрович ПЕРОВ,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации
E-mail: geck.on@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.12 — Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-разыскная деятельность

ЭЛЕКТРОННЫЕ СЛЕДЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТ

Аннотация. В статье формулируется понятие «электронный след» применительно к блокчейн-технологиям. Рассматриваются возможности выявления электронных следов, их классификация и использование в качестве доказательств при расследовании уголовных дел о преступлениях с использованием криптовалюты. Также рассматривается научная концепция криминалистической методики выявления такого рода преступлений и последующего расследования соответствующих уголовных дел с использованием электронных следов как одного из основных видов доказательств.

Ключевые слова: электронный след, теория отражения, блокчейн-технологии, криптовалюта, слеодообразование, криминалистическая методика, цифровые технологии, собрание доказательств, фиксация доказательств, анализ доказательств.

Valery Aleksandrovich PEROV,
Professor of the Department of Criminal Law and Criminology
of the Moscow Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation
E-mail: geck.on@yandex.ru

ELECTRONIC TRACES IN THE INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES OF CRIMES INVOLVING THE USE OF CRYPTOCURRENCY

Abstract. The article formulates the concept of "electronic footprint" in relation to blockchain technologies. The article considers the possibilities of identifying electronic traces, their classification and use as evidence in the investigation of criminal cases of crimes involving the use of cryptocurrency. The author also considers the scientific concept of forensic methods for detecting such crimes and the investigation of criminal cases using electronic traces as one of the main types of evidence.

Keywords: electronic trace, reflection theory, blockchain technologies, cryptocurrency, trace formation, forensic methodology, digital technologies, evidence collection, evidence fixation, evidence analysis.

С развитием цифровых технологий и использованием их в повседневной жизни современного человека в современной криминалистической науке все чаще можно встретить такое понятие, как «электронный след». При этом однозначного криминалистического определения данного понятия, принятого всеми криминалистами, пока, к сожалению, не существует.

Попробуем определить, что же собой представляет электронный след, на примере одной из разновидностей блокчейн-технологий — криптовалюты, взяв при этом за основу криминалистическую теорию и используя хоть и немногочисленную, но все же имеющуюся практику расследования соответствующих уголовных дел.

Итак, открыв любой учебник по криминалистике, можно прочитать, что образование следа есть результат взаимодействия двух или более объектов физического мира друг с другом. Данная закономерность была сформулирована профессором Р.С. Белкиным как принцип отражения: в результате взаимодействия объектов материального мира друг с другом каждый из них отражается на физических свойствах другого объекта в виде соответствующего следа. «Поскольку доказательства суть отражения преступления в окружающей среде, результат их фиксации будет отражением отражения, т.е., если можно так выразиться, производным отражением. В информационном аспекте речь идет о переносе информации с одного объекта (доказательства) на другой — материальное средство фиксации»¹.

До принятия данной формулировки профессор С.М. Потапов также полагал, что «следы — это отражения на материальных предметах признаков явлений, причинно связанных с расследуемым событием»². Также он считал, что «следы могут возникать от людей, отдельных предметов и от действий сил природы»³.

Другие криминалисты полагают, что в результате такого взаимодействия появляется некий самостоятельный объект, отличный от объектов взаимодействия. Данный самостоятельно возникший объект и является следом. Например, венгерский криминалист И. Кертес предлагает использовать такие определения, как «остатки материалов» или в определенных случаях некие «объекты, не претерпевшие изменений в своем составе, форме, массе»⁴, но имеющие при этом определенное доказательственное значение при расследовании уголовного дела.

Вне зависимости от указанных точек зрения все ученые-криминалисты сходятся в одном. Следообразование происходит в результате взаимодействия физических объектов материального мира, а следом является все же некое новообразование, появившееся после такого взаимодействия и причинно связанное с расследуемым событием преступления. То есть след должен иметь доказательственное значение по конкретному уголовному делу.

¹ Криминалистика: учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская; под ред. Р.С. Белкина. М.: Норма, 2000. С. 185.

² Потапов С.М. Введение в криминалистику: учебное пособие. М., 1946. С. 12—14.

³ Там же.

⁴ Кертес И. Основы теории вещественных доказательств / Министерство внутренних дел СССР, Всесоюзный научно-исследовательский институт. М., 1973. С. 39—54.

Все вышесказанное применимо и к миру виртуальному, с разницей только в том, что в этом мире между собой взаимодействуют виртуальные объекты, а сами принципы и порядок их взаимодействия могут отличаться от мира материального. Электронный след может возникать не только в результате действий людей, но и в результате действий электронной системы, осуществляемых в отдельных случаях без участия или, если быть более точным, пока еще с ограниченным участием человека. Так, для осуществления криптовалютной транзакции необходимо волевое действие человека, производимое посредством определенных манипуляций с устройством управления электронной системой и направленное на достижение определенного результата. После чего все остальные действия, приводящие к возникновению электронного следа, как-то: вычисление хеша, формирование и закрытие нового блока цепи — электронная система осуществляет самостоятельно.

При этом возникает необходимость понимания, чем, в том числе и с точки зрения права, является оставленный электронный след. Понимание данного обстоятельства необходимо для получения возможности фиксации следов, классификации подобного рода следов, определения доказательственного значения каждого из них.

Ведь «фиксация доказательственной информации — одна из важнейших в комплексе проблем, связанных с изучением и использованием закономерностей собирания доказательств — базовой стадии процесса доказывания»⁵.

Так, например, если ранее криптовалюта имела спорный правовой статус, вследствие чего совершающиеся с ее использованием сделки просто игнорировались правоприменителем как сделки с неким сомнительным финансовым инструментом, то теперь она обрела определенный правовой статус, и игнорировать ее оборот далее не представляется возможным. Так как часть криптовалютного оборота приходится на криминальную сферу, нарушая при этом права добросовестных участников криптовалютного рынка, то создание соответствующей криминалистической методики расследования преступлений подобного рода является жизненно необходимым, а в противном случае фактически будет создан рынок криминальных услуг. Для подтверждения этих слов достаточно посетить так называемый даркнет, в котором такие ус-

⁵ Криминалистика: учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская; под ред. Р.С. Белкина. М.: Норма, 2000. С. 185.

луги, как продажа оружия, наркотических и сильнодействующих веществ, с оплатой криптовалютой предлагаются уже сейчас. При этом, как свидетельствуют материалы уголовных дел, такие предложения находят покупателей. Сделки подобного рода действительно совершаются, а их анонимность такова, что к уголовной ответственности привлекаются в большинстве случаев покупатели. Продавцы же, как правило, остаются безнаказанными, скрывающимися за анонимностью своих криптокошельков, так как на сегодняшний день не существует единой криминалистической методики, позволяющей выявлять указанных лиц и привлекать их к уголовной ответственности за совершенные ими деяния. При этом любая криминалистическая методика основана на комплексе мероприятий, направленных на выявление, фиксацию и оценку имеющих доказательственное значение по конкретному уголовному делу следов.

Таким образом, перед тем как перейти непосредственно к криминалистической составляющей, необходимо все-таки описать, что же представляет собой криптовалюта с точки зрения действующего в Российской Федерации законодательства. Рассуждая о способе следообразования, мы характеризуем тот или иной предмет материального мира как с физической точки зрения, так и с точки зрения права. Так, например, говоря об оружии, мы одновременно описываем физические (технические) его параметры и классифицируем данный объект в соответствии с требованиями действующего законодательства. При проведении соответствующей криминалистической экспертизы такого объекта сначала выясняются его физические свойства, такие как внешний вид, наличие определенных частей и их параметры — общий вес, длина, ширина, диаметр определенных отверстий и их конфигурация, общая функциональная предназначенность исследуемого объекта и возможность его использования по его прямому назначению. После чего, в соответствии с требованиями Федерального закона от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии», дается заключение о принадлежности (или непринадлежности) такого объекта к понятию «оружие». Таким образом, для криминалистической оценки объекта материального мира необходимы две составляющие — физическая и правовая. Хотя в практической деятельности иногда правовая составляющая опускается как само собой разумеющаяся. Так, например, при составлении протокола осмотра места происшествия никто в описании привычных объектов материального мира не указывает на их правовое обоснование. Ведь всем по-

нятно, что собой представляют, например, такие предметы, как различные виды мебели, одежды, транспортных средств, поэтому при описании процесса следообразования при их взаимодействии, как правило, нет необходимости описывать их правовую составляющую, хотя таковая неизменно присутствует.

Криптовалюта не относится к предметам материального мира, несмотря на философскую природу вопроса о том, что есть материя. Криптовалюта, как и любые другие объекты блокчейн-технологий, — явление виртуальное, существующее лишь в виде специальной компьютерной программы. Тем не менее можно констатировать, что принцип двух составляющих действует и здесь, с тем лишь исключением, что процесс следообразования в результате ее оборота будет носить также виртуальный, или электронный, характер. То есть утверждение о том, что процесс следообразования есть процесс взаимодействия двух и более объектов, верно и в данном случае, только процесс такого взаимодействия будет происходить в виртуальном мире, а образовавшиеся в результате такого взаимодействия следы также будут виртуальными (электронными) следами.

Таким образом, для правильного определения, с какими электронными следами мы имеем дело, необходимо как правовое, так и физическое (техническое) определение объектов виртуального мира, при взаимодействии которых в виртуальной среде произошло следообразование.

То есть для соответствующего криминалистического изучения, идентификации и фиксации виртуального объекта необходимы как его физическая, так и правовая составляющие. Идентификация будет иметь место именно в случае, когда целью отождествления такого объекта виртуального мира будет являться необходимость выделения единичного объекта из среды ему однородных для установления обстоятельств (уголовно-релевантных фактов) совершенного преступления.

«Формулирование понятия фиксации доказательств требует его анализа. С гносеологической точки зрения зафиксировать доказательство — значит дать максимально полное представление о нем, адекватно передать те его свойства и признаки, которые, собственно, и делают его доказательством»⁶.

В случае с криптовалютой отсылка в первую очередь к нормам гражданского права, как правовой основе данного виртуального объекта

⁶ Криминалистика: учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская; под ред. Р.С. Белкина. М.: Норма, 2000. С. 185.

на территории Российской Федерации, является одним из необходимых условий понимания ее правовой природы, что, в свою очередь, позволяет определить ее правовой статус как предмета преступного посягательства.

Ну и конечно, необходимой составляющей такой идентификации являются ее физические свойства в виртуальном пространстве. Совокупность этих двух составляющих позволяет судить о ней как о некоем индивидуально-идентифицированном объекте, имеющем доказательственное значение при расследовании соответствующих уголовных дел, где криптовалюта является предметом преступного посягательства. Оборот криптовалюты, то есть ее перемещение в виртуальном пространстве, а также действия человека, направленные на осуществление ее оборота и отражаемые в виртуальном пространстве, также будут являться электронными следами. Фиксация таких электронных следов, имеющих доказательственное значение, и анализ их совокупности позволит идентифицировать лицо, совершившее преступление с использованием криптовалюты, правильно квалифицировать его действия и доказать его виновность в инкриминируемом деянии.

Комплекс мероприятий, направленных на выявление таких имеющих доказательственное значение электронных следов, их фиксацию и анализ, составляет криминалистическую методику выявления преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты, лиц, их совершивших, расследования соответствующих уголовных дел.

Именно отсутствие такого рода криминалистической методики на сегодняшний день поставило перед следствием ряд серьезных, носящих системный характер проблем, основными из которых являются:

1) сложность стоимостного определения криптомонет, являвшихся предметом преступного посягательства;

2) способы непосредственного наложения ареста на криптовалюту с целью обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа либо иных имущественных взысканий, а также возможной конфискации имущества в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации;

3) указание в обвинительном заключении на характер и размер вреда, причиненного потерпевшему совершенным преступлением с использованием криптовалюты.

Как уже было сказано выше, проблемы эти носят системный характер, так как единого мнения по их разрешению не существует, опять-таки

как вследствие определенных пробелов действующего на сегодняшний день законодательства, так и по причине отсутствия методики действий следователя в указанных ситуациях.

Литература

1. *Ализаде В.А., Волеводз А.Г.* Судебная практика по делам о преступлениях преступных сообществ (преступных организаций) в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет и криптовалюты // Библиотека криминалиста. 2017. № 6 (35). С. 281—299.

2. *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М.: Юрид. лит., 1987. 270 с.

3. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М.: Юрист, 1997. 404 с.

4. *Боровских Р.Н., Гармаев Ю.П.* Основы концепции укрупненных (общих, базовых) криминалистических методик расследования преступлений // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 152—157.

5. *Вепрев С.Б., Нестерович С.А.* Международный терроризм и информационные технологии // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 2. С. 85—89.

6. *Грановский Г.Л.* Основы трасологии / под ред. *Е.И. Зуева*. М., 1965. 122 с.

7. *Драпкин Л.Я., Карагодин В.Н.* Криминалистика: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. 766 с.

8. *Катона Г., Кертес И.* По следам преступления: Очерки из истории криминалистики: [пер. с венг.] / под общ. ред. [и с предисл.] *Р.С. Белкина*. М.: Юрид. лит., 1982. 192 с.

9. *Кертес И.* Основы теории вещественных доказательств / Министерство внутренних дел СССР, Всесоюзный научно-исследовательский институт. М., 1973. 100 с.

10. Криминалистика: учебник для вузов / *Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская*; под ред. *Р.С. Белкина*. М.: Норма, 2000. 990 с.

11. *Потапов С.М.* Введение в криминалистику: учебное пособие / Военно-юридическая академия Красной Армии. М., 1946. 23 с.

12. *Сиделев В.В.* О зависимости этапов расследования преступлений от категории сложности уголовных дел // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 4. С. 171—175.

13. *Сидоренко Э.Л.* Криптовалюта как новый юридический феномен // Общество и право. 2016. № 3 (57). С. 193—197.

УДК 343.985
ББК 67.522.0

Екатерина Валерьевна САНЬКОВА,
научный сотрудник научно-исследовательского отдела
Московской академии Следственного
комитета Российской Федерации
E-mail: sank.caterina@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.12 — Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-разыскная деятельность

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ С СОТРУДНИКАМИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ — БЫВШИХ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК СССР

Аннотация. В статье рассмотрен один из элементов правовой основы взаимодействия следователей с сотрудниками оперативных подразделений — регламентация в уголовно-процессуальном законодательстве статуса лица, осуществляющего негласные мероприятия, и использования в доказывании полученных в результате такой деятельности сведений. Содержание вопроса раскрыто с использованием метода сравнительно-правового анализа законодательства государств, образовавшихся на территории СССР.

Ключевые слова: правовая основа, взаимодействие, оперативно-разыскная деятельность, использование результатов оперативно-разыскной деятельности в доказывании.

Ekaterina V. SANKOVA,
Researcher of the Research Department
of the Moscow Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation
E-mail: sank.caterina@yandex.ru

TOPICAL ISSUES OF INTERACTION BETWEEN INVESTIGATORS AND EMPLOYEES OF OPERATIONAL UNITS: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF THE FORMER SOVIET UNION REPUBLICS

Abstract. The article considers an element of the legal basis for the interaction of investigators with employees of operational units — regulation in the criminal procedure legislation of the status of a person who carries out secret activities, and regulation of the use of information obtained as a result of such activities in proving. The author uses the method of comparative legal analysis of the legislation of the states formed on the territory of the USSR.

Keywords: legal basis, interaction, operational search activity, use of results of operational search activity in proving.

Одной из ключевых составляющих правовой основы взаимодействия следователей с сотрудниками оперативных подразделений является Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ).

Деятельность по раскрытию и расследованию преступлений осуществляется с использованием как гласных, так и негласных, или же — следственных¹ и оперативных средств, однако УПК РФ практически полностью игнорирует ее негласную сторону. В нем, «в частности, фактически оказалась искусственно исключенной из средств доказывания оперативно-разыскная деятельность»², — отмечает профессор А.Ф. Волинский.

Вопрос о возможности и целесообразности изменения порядка использования в доказывании результатов оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД) неоднократно обсуждался в научной литературе³.

Так, Е.А. Доля считает ошибочным представление, «согласно которому результаты оперативно-разыскной деятельности могут стать содержанием доказательств в уголовном процессе, а уголовно-процессуальная форма используется для придания этим результатам доказательственного значения»⁴, поскольку формирование доказательств рассматривается им как создание образа в сознании воспринявшего предмет человека и изложение сведений об этом образе. Е.А. Долей обосновано положение о рассмотрении результатов ОРД как основы, на которой в уголовном процессе могут быть сформированы доказательства⁵.

¹ Имеется в виду деятельность органов предварительного расследования в соответствии с УПК РФ.

² Криминалистика и криминалистическая деятельность. Избранное: научное издание / под ред. А.Ф. Волинского. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2019. С. 102.

³ См., напр.: Бессонов А.А. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Уголовное право. 2016. № 2. С. 116—124; Николаева Т.Г., Никитин Е.Л., Ларинков А.А. Правовая природа результатов оперативно-разыскной деятельности и процедура их использования в уголовно-процессуальном доказывании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 2 (30). С. 301—307; Россинский С.Б. Результаты оперативно-разыскной деятельности нужно признать доказательствами по уголовному делу // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 111—119.

⁴ Доля Е.А. Происхождение доказательств в уголовном судопроизводстве // Законность. 2016. № 10. С. 65—70.

⁵ Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-разыскной деятельности: монография. М.: Проспект, 2014.

Т.Г. Николаева, Е.Л. Никитин, А.А. Ларинков указывают на отсутствие серьезных оснований для отождествления результатов ОРД и доказательств⁶.

Соглашаясь в целом с мнением о необходимости использования уголовно-процессуальной формы для придания этим результатам доказательственного значения, полагаем, что соответствующая процедура нуждается в существенном совершенствовании, а строго говоря, вообще в регламентации, поскольку, по замечанию С.Б. Россинского, «УПК РФ не содержит никаких механизмов, позволяющих придать представленным результатам ОРД какого-либо подобия процессуальной формы»⁷.

Формируя представление о таком механизме, на наш взгляд, необходимо исходить из понятия о статусе лица, осуществляющего ОРД, в уголовном процессе и понятия об имеющем значение для уголовного процесса содержании осуществляемой им деятельности.

УПК РФ, как и уголовно-процессуальное законодательство других бывших ССР, регламентирует преимущественно деятельность государственных органов, а права и обязанности иных участников судопроизводства так или иначе определяются через взаимоотношения с ними.

При этом согласно ст. 74 УПК РФ доказательствами являются любые сведения, на основе которых устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Согласно следующему далее перечню источников доказательств, одни из них могут исходить от каких угодно лиц и быть выраженными в разной форме (вещественные доказательства, иные документы), а другим законодательно определенная форма придается уже при их получении посредством деятельности уполномоченных органов. В свою очередь, получение доказательств из числа относящихся ко второй группе осуществляется либо следователем (показания, протоколы следственных действий) и судом (протоколы судебных действий), либо другими лицами, имеющими официальный статус (сотрудники государственных экспертных подразделений, ведомственные специалисты) или же приобретающими его в силу вовлечения в сферу уголовного судопроизводства (например, специалист-ремесленник).

⁶ Николаева Т.Г., Никитин Е.Л., Ларинков А.А. Указ. соч. С. 303.

⁷ Россинский С.Б. Указ. соч. С. 112.

Соответствующим образом можно классифицировать и получаемые от этих источников доказательства.

Безусловно, результаты ОРД в силу специфики этой деятельности не могут отвечать требованиям непосредственного восприятия и проверки участниками уголовного судопроизводства и открытости источника их получения. В то же время очевидно значение полученной оперативным путем информации для раскрытия и расследования преступлений, особенно определенных категорий, например коррупционных.

На практике названные особенности не являются препятствием для использования результатов ОРД в доказывании, и, на наш взгляд, смысл процедуры по «легализации» результатов ОРД в имеющемся в УПК РФ виде не имеет собственного значения.

Достаточно того, чтобы была установлена реальная ответственность (такая же, какую несет за результат расследования следователь) за соблюдение требований Федерального закона от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности»⁸ (далее — Закон «Об ОРД») и Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд⁹ при их оформлении составившим их оперативным сотрудником и руководителем направившего их в следственный орган оперативного подразделения. Дополнительные гарантии качества соответствующих материалов могут быть обеспечены прокурорским надзором. В перспективе же, на наш взгляд, необходимо совершенствование правовой основы взаимодействия, в частности создание возможности для его обеспечения уже на стадии планирования оперативно-разыскных мероприятий (далее — ОРМ).

Обращение к уголовно-процессуальному законодательству бывших союзных республик, входивших в состав СССР, показывает, что полученная негласным путем информация нахо-

дит свою реализацию в уголовном процессе посредством представляющего государство и осуществляющего от его имени доказывание субъекта, который либо наделен правом самостоятельного получения доказательственной информации негласными средствами, либо может использовать их так же, как другие доказательства.

Так, уголовно-процессуальными кодексами Грузии¹⁰, Латвии¹¹, Украины¹² предусмотрено проведение, соответственно, тайных, специальных и негласных следственных (разыскных) действий.

В Литве прослушивать информацию, которая передается средствами телекоммуникационной сети, или обеспечивать снятие информации с каналов связи может непосредственно следователь. Кроме того, должностные лица, которые осуществляют досудебное следствие, при исполнении своих обязанностей могут не раскрывать свою личность, в том числе проникая в жилище, контролируя и снимая информацию, которая передается средствами телекоммуникационной сети¹³.

В Республике Молдова специальная розыскная деятельность осуществляется розыскными офицерами, а уголовное преследование — офицерами по уголовному преследованию. Вместе с тем последние с момента регистрации социально опасного деяния руководят специальными розыскными мероприятиями, направленными на раскрытие преступления, обнаружение исчезнувших лиц и пропавшего имущества. Обособленный блок норм о специальной розыскной деятельности содержится в главе «Средства доказывания и методы доказывания»¹⁴.

⁸ Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 02.08.2019) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

⁹ Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: утв. приказом МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27.09.2013 № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 9 октября 2009 г. № 1772 // Законодательный вестник Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/gu> (дата обращения: 22.10.2020).

¹¹ Уголовно-процессуальный закон: принят Сеймом 21 апреля 2005 г. // Законы Латвии по-русски. URL: <http://www.pravo.lv> (дата обращения: 22.10.2020).

¹² Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI // Юрист — Параграф Online. URL: <http://online.zakon.kz> (дата обращения: 22.10.2020).

¹³ Уголовно-процессуальный кодекс Литовской Республики: принят Сеймом Литвы 14 марта 2002 г. // Регистр правовых актов. URL: <https://www.e-tar.lt/portal/ru/index> (дата обращения: 22.10.2020).

¹⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV // Юрист — Параграф Online. URL: <http://online.zakon.kz> (дата обращения: 22.10.2020).

В УПК Киргизской Республики в статье об органе дознания (ст. 37 «Орган дознания») выделены его полномочия по осуществлению оперативно-разыскных мероприятий по специальным следственным действиям для собирания доказательств, а также для обнаружения лиц, совершивших преступления. А источниками доказательств по делу являются в том числе и протоколы специальных следственных действий (ст. 82 «Доказательства»)¹⁵.

УПК Эстонии содержит главу 3¹ «Оперативно-разыскные мероприятия». Часть 1 ст. 63 включает в определение доказательства в том числе протокол или видеозапись оперативно-разыскного мероприятия.

Собиранием таких доказательств занимаются органы, являющиеся одновременно следственными (ст. 31), а производством по делу руководит прокурор (ч. 1 ст. 30), по ходатайству которого дается разрешение на производство ОРД¹⁶.

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство бывших ССР, пошедших по западному пути, в том или ином виде содержит инструменты для прямого использования результатов ОРД в доказывании.

Уголовно-процессуальные кодексы бывших республик, сходных с российской, как правило, помещают положения о проведении ОРД в статьи, регламентирующие деятельность органов дознания.

Так, в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 37 («Органы дознания») УПК Республики Беларусь, на органы дознания и должностных лиц в зависимости от характера преступления возлагается проведение ОРМ. При этом их протоколы относятся к источникам доказательств, а материалы, полученные в ходе ОРД, могут быть признаны в качестве источников доказательств (ч. 2 ст. 88, ст. 99, ст. 101)¹⁷.

Статьей 39.1 УПК Узбекистана некоторым осуществляющим доследственную проверку органам предоставлено право проводить ОРМ с це-

лью реализации своих полномочий. В соответствии со ст. 87 УПК Узбекистана доказательства собираются в том числе путем проведения ОРМ¹⁸.

Другие уголовно-процессуальные кодексы этой группы включают упоминание об ОРД среди полномочий соответствующих органов (п. 1 ч. 2 ст. 57 УПК Армении¹⁹, ч. 2 ст. 62 «Начальник органа дознания» УПК Казахстана²⁰, ст. 100 УПК Приднестровской Молдавской Республики «Обязанности органов дознания»²¹, ст. 41 УПК Таджикистана «Начальник дознавательного подразделения и дознаватель»²², ст. 77 УПК Туркменистана «Полномочия органов дознания»²³, ст. 39.2 УПК Узбекистана «Полномочия начальника органа, осуществляющего доследственную проверку, и его должностного лица»).

При этом ст. 57-1 УПК Приднестровской Молдавской Республики «Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности» идентична ст. 89 УПК РФ.

УПК Азербайджана (ст. 137)²⁴ и Узбекистана (ст. 81) предусматривают, что результаты ОРД могут быть признаны в качестве доказательств по уголовному делу при условии соблюдения при их получении установленных законом требований и оценки на соответствие требованиям УПК.

¹⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан: утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-XII // Юрист — Параграф Online. URL: <http://online.zakon.kz> (дата обращения: 22.10.2020).

¹⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сентября 1998 г. № ЗР-248 // Законодательство стран СНГ. URL: <https://base.spinform.ru> (дата обращения: 22.10.2020).

²⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V // Юрист — Параграф Online. URL: <http://online.zakon.kz> (дата обращения: 22.10.2020).

²¹ Уголовно-процессуальный кодекс Приднестровской Молдавской Республики // Судебный департамент при Верховном суде ПМР: офиц. сайт. URL: <http://suddep.gospmr.org> (дата обращения: 22.10.2020).

²² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. // Юрист — Параграф Online. URL: <http://online.zakon.kz> (дата обращения: 22.10.2020).

²³ Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана от 18 апреля 2009 г. // Юрист — Параграф Online. URL: <http://online.zakon.kz> (дата обращения: 22.10.2020).

²⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики: утв. Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ // Юрист — Параграф Online. URL: <http://online.zakon.kz> (дата обращения: 22.10.2020).

¹⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. № 20 // Юрист — Параграф Online. URL: <http://online.zakon.kz> (дата обращения: 22.10.2020).

¹⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии: принят 12.02.2003 // Jurist Aitab. URL: <https://www.juristaitab.ee> (дата обращения: 22.10.2020).

¹⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 // Юрист — Параграф Online. URL: <http://online.zakon.kz> (дата обращения: 22.10.2020).

Перечисляя органы дознания, УПК РФ указывает, что в структуре органов исполнительной власти к таковым относятся наделенные полномочиями по осуществлению ОРД (п. 1 ч. 1 ст. 40). Но в УПК РФ раскрыта лишь процессуальная сторона их деятельности. Осуществление ОРД в числе их полномочий не фигурирует.

Таким образом, в развитии законодательства большинства бывших союзных республик наблюдается тенденция к сближению механизмов использования в доказывании результатов гласной и негласной деятельности, которую не стоит игнорировать и отечественному законодателю.

В соответствии со ст. 2 Закона «Об ОРД» задачами этой деятельности являются, прежде всего, выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений; выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания. Поэтому отсутствие корректного механизма использования результатов ОРД в доказывании создает искусственные препятствия для использования в уголовном судопроизводстве результатов деятельности, предназначенных для этого по своей сути.

Литература

1. Бессонов А.А. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Уголовное право. 2016. № 2. С. 116—124.

2. Гаврилов Б.Я., Урбан В.В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: законодательное регулирование и проблемы правоприменения // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4. С. 151—156.

3. Доля Е.А. Происхождение доказательств в уголовном судопроизводстве // Законность. 2016. № 10. С. 65—70.

4. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: монография. М.: Проспект, 2014.

5. Криминалистика и криминалистическая деятельность. Избранное: научное издание / под ред. А.Ф. Волынского. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2019.

6. Николаева Т.Г., Никитин Е.Л., Ларинков А.А. Правовая природа результатов оперативно-розыскной деятельности и процедура их использования в уголовно-процессуальном доказывании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 2 (30). С. 301—307.

7. Россинский С.Б. Результаты оперативно-розыскной деятельности нужно признать доказательствами по уголовному делу // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 111—119.

8. Уголовный процесс европейских государств: монография / под ред. В.И. Самарина, В.В. Луцка. М.: Проспект, 2018.

УДК 347.469.1
ББК 67.404.06

Иван Данилович КОЧАНЖИ,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации, кандидат исторических наук
E-mail: 89031310246@mail.ru

Тельман Сабирович РАГИМОВ,
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых
дисциплин Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: Ragimov_telman@mail.ru

Научная специальность: 12.00.03 — Гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право

ПРИНЦИПЫ МЕДИАЦИИ КАК МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ СПОРОВ¹

Аннотация. В статье исследуются некоторые принципы медиации. Авторы выдвигают и обосновывают отдельные положения принципов медиации, необходимых в целях реализации и защиты гражданских прав обладателями субъективного права, прежде всего при возникновении спорных гражданских правоотношений. Представлены некоторые особенности и порядок урегулирования возможных потенциальных споров посредством применения института медиации в лице особых субъектов — медиаторов.

Ключевые слова: медиация, принципы права, примирение сторон, спорное правоотношение, соглашение, урегулирование спора.

Ivan Danilovich KOCHANZH,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines
of the Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation, Candidate of Historical Sciences
E-mail: 89031310246@mail.ru

Telman Sabirovich RAGIMOV,
Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines
of the Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor
E-mail: Ragimov_telman@mail.ru

PRINCIPLES OF MEDIATION AS A MECHANISM FOR REGULATING LEGAL DISPUTES

Abstract. The article examines some of the principles of mediation. The authors put forward and substantiate certain provisions of the principles of mediation, which are necessary for the implementation and protection of civil rights by holders of subjective rights, primarily in the event of disputed civil relations. The article presents some features and resolving potential disputes using the mediation institute in the person of special subjects — mediators.

Keywords: mediation, principles of law, reconciliation of the parties, disputed legal relationship, agreement, dispute settlement.

¹ Подготовлено при информационной поддержке информационно-правового портала «ГАРАНТ.РУ».

Институт медиации посвящен защите прав и законных интересов граждан и организаций в самых разнообразных формах, и благодаря этому он обрел особое место в правозащитной сфере, ему посвящены многочисленные научные труды многих исследователей².

² См., напр.: *Аболонин В.О.* К вопросу о коммерческой медиации в России // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 4. С. 30—36; *Бондаренко С.А.* Участники медиативного процесса: гражданско-правовой аспект // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2012. № 2. С. 92—96; *Григорьева Т.А., Храмова Е.В.* Мировое соглашение по спорам, затрагивающим публично-правовые интересы: современные проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 8. С. 17—24; *Дмитриев О.В., Фуртак А.А.* Некоторые аспекты исполнения медиативного соглашения // Вестник Омского университета. 2013. № 3. С. 249—253; *Добролюбова Е.А.* Медиация как способ разрешения корпоративных конфликтов: правовой аспект // Предпринимательское право. 2011. № 4. С. 33—37; *Забрамная Е.Ю.* К вопросу о применении медиации по трудовым спорам // Международное, российское и зарубежное законодательство о труде и социальном обеспечении: современное состояние (сравнительный анализ): материалы VII Международной конференции / под ред. *К.Н. Гусова*. М.: Проспект, 2011. С. 396—401; *Загайнова С.К.* Коммерческая медиация в России: основные трудности и пути их решения // Коммерческая медиация: теория и практика: сборник статей / под ред. *С.К. Загайновой, В.О. Аболонина*. М., 2012. С. 69—83; *Зайцев А.И.* Проблемы нормативной регламентации посредничества (медиации) в России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 8. С. 8—12; *Зарубина М.Н.* Особенности и проблемы реализации принципов медиации в России // Вестник гражданского процесса. 2012. № 6. С. 180—185; *Карпенко А.Д.* Критерии успешности медиации // Третейский суд. 2013. № 2. С. 164—168; *Князева Н.А.* Сфера применения процедуры медиации в трудовом праве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6. С. 1167—1172; *Кулапов Д.С.* Принципы медиации: многообразие подходов к регулированию // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 2. С. 47—52; *Кучинская Л.А., Сухова Н.В.* Медиация: ее суть, принципы и основные этапы // Компетенции в медиации: сборник статей Междунар. науч.-практ. конф. «Модернизация экономики, права и управления в России: проблемы теории и практики» (Тюмень, 29 марта — 15 ноября 2012 г.) и Круглого стола по вопросам международного гражданского процесса с участием иностранных экспертов — судей из Великобритании, США, ФРГ. Тюмень, 2012. С. 40—81; *Лазарева О.В.* Исполнение медиативного соглашения // Третейский суд. 2012. № 4. С. 91—94; *Лисицын В.В.* Медиация: примирительное урегулирование коммерческих споров в России (прошлое и настоящее, зарубежный опыт). М.: Радунница, 2010; *Лисицын В.В., Фуртак А.А.* К вопросу о правовой природе медиативного соглашения // Третейский суд. 2012.

Как известно, около двух веков подряд российскими исследователями осуществлялись поиски создания эффективных механизмов различных форм урегулирования споров с целью дальнейшего облегчения их разрешения и снятия нагрузки с публичных судов. Целесообразность создания указанных механизмов и права по своему усмотрению избирать необходимого посредника, уполномоченного разрешать те или иные споры, закреплялась в Уставе гражданского судопроизводства 1864 г.

Право передавать свои споры, возникшие между гражданами в порядке третейского разбирательства, было также закреплено в Декрете о суде № 1 (1917 г.).

В настоящее время в силу бурно развивающихся общественных отношений все большее число лиц по всему миру вынуждены быть задействованы в различных фактических и правовых связях, что предполагает возникновение у них не только положительных правовых результатов, но также и отрицательных, предопределяющих для субъектов права возможные в будущем неблагоприятные риски возникновения различных споров и порождающих многочисленные конфликты. Поэтому для устране-

№ 4. С. 84—90; *Максимова Е.Ю.* Медиация в условиях современной России: проблемы и перспективы // Юридический мир. 2011. № 6. С. 56—60; *Михайлова Е.В.* Медиация как отдельный способ урегулирования правовых конфликтов в частноправовой сфере // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 4. С. 2—7; *Нахов М.С.* К вопросу о сущности медиативного соглашения // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 3. С. 6—11; *Носырева Е.И.* Применение норм о медиации в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2012. № 6. С. 10—25; *Пальцев Ю.Е.* Пути совершенствования медиации в России // Мировой судья. 2011. № 6. С. 16—18; *Рехтина И.В.* Медиация в России как альтернативный способ разрешения споров и элемент интеграции в Европейское сообщество // Юрист. 2012. № 11. С. 40—44; *Рожкова М.А.* К вопросу о соотношении мирового и медиативного соглашений // Арбитражная практика. 2011. № 1. С. 122—127; Развитие медиации в России: теория, практика, образование: сборник статей / под ред. *Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко*. М.; Берлин, 2012; *Сахнова Т.В.* Процедурность цивилистического процесса: методология будущего // Вестник гражданского процесса. 2012. № 1. С. 9—24; *Толочкова А.Н.* Правовая традиция примирения: опыт России и некоторых стран Запада и Востока // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10. С. 2212—2216; *Фуртак А.А.* Условия медиативного соглашения // Российская юстиция. 2015. № 2. С. 53—55; *Хохлов В.А.* Правовая квалификация отношений медиации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 5. С. 84—90.

ния возможных в будущем споров и недопущения возникновения рисков в виде их неблагоприятных последствий для сторон требуется уяснение конфликтостойкости субъекта, под которой понимают его функциональную способность мобилизовать свое моральное состояние с целью урегулирования спора на взаимных условиях, с наименьшими издержками для сторон, так, чтобы оно удовлетворяло их, признавалось ими и все это вместе давало им желание и далее сотрудничать.

В США во второй половине XX века был сформирован регулятивный метод *медиации*, служащий для разрешения возникших противоречий между субъектами правоотношений. Слово «медиация» произошло от латинского *mediare* — посредничать, быть в центре интересов между спорящими сторонами, оставаться нейтральным. Кроме того, медиация — это еще и договорный процесс, базирующийся на базовых принципах, обладающий универсальностью и применимый во многих других случаях для достижения мирного исхода спора.

Эффективной правовая система может быть лишь тогда, когда она четко определена и функционирует благодаря принципам права. Принципы обеспечивают стабильность развития и гарантии деятельности правовой системы в наиболее в противоречивых обстоятельствах. Поэтому медиация как институт не может обходиться без закрепленных за ней принципов, пренебрегать ими и тем более быть успешной и эффективной в своем развитии.

М.И. Байтин установил, что «принципы права — это исходные, определяющие идеи, положения, установки, которые составляют нравственную и организационную основу возникновения, развития и функционирования права»³.

Все развитие института медиации основывается на принципах права, также они выделяют ее из всех других существующих процедур разбирательств, а также формируют организационные, процедурные правила проведения медиации, раскрывают характерные признаки института медиации, которые являются основой в процессуальной деятельности медиатора (примирителя) по урегулированию споров между сторонами. Однако для того, чтобы руководствоваться закрепленными принципами при возникновении случаев разногласия мнений и

позиций у сторон, необходимо прежде всего сформулировать, что мы понимаем под понятием «спор». Так, в частности, гражданско-правовые споры — это дела, которые связаны с рассмотрением и разрешением судом самых разнообразных конфликтов, вытекающих из широкого спектра правоотношений, то есть гражданских, публичных, семейных, жилищных, земельных, наследственных, договорных и других видов правоотношений. Гражданско-правовые споры основываются в большей степени на силе принуждения к исполнению решения суда по спору, что отличает их от согласительных процедур, строящихся на мирных началах.

Поэтому для разрешения гражданско-правовых споров принципам права придается особенно важное значение.

В этой связи институт медиации раскрывает свои наиболее важные принципы осуществления медиативных процедур посредством беспристрастности и независимости, добровольности, конфиденциальности, равноправия сторон и сотрудничества⁴. Но помимо указанных требований, Д.Л. Давыденко «наполняет» данный перечень и такими, как полный контроль сторон над результатами процедуры, конструктивный характер переговоров, обширный круг возможных взаимовыгодных решений спора⁵.

Согласно статье 3 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее — Закон о медиации), процедура медиации проводится «на основе принципов добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора»⁶.

Что касается *принципа добровольности*, то соглашение совершается исключительно по самостоятельной воле самих участников спорного правоотношения.

Отсюда следует, что конфликтующим лицам запрещено принуждать друг друга к участию в возникшем споре. Но если они выразили реаль-

³ Байтин М.И. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М., 2005. С. 148.

⁴ Калашникова С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции. М.: Инфотропик Медиа, 2011. С. 116, 117—118.

⁵ Давыденко Д.Л. К вопросу о мировом соглашении // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. № 4. С. 159—173.

⁶ Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СПС «КонсультантПлюс».

ное свое желание на участие в данном согласительном мероприятии по урегулированию спора, то они однозначно обладают также соответствующим правом по своей воле, в любой момент выйти из начатого ими процесса, поскольку это является субъективным правом каждой из сторон по урегулированию возникшего спора. Признание (отрицание) результатов процедуры примирения сторон также является исключительным правом каждой из сторон, из чего следует, что стороны сами определяют взаимоотношения с друг другом и, очевидно, не должны быть подвержены административному контролю специальными органами.

Медиаторы не обладают до возникновения конкретного спора между спорящими сторонами хоть какой-либо информацией.

Принцип беспристрастности и независимости (нейтральности) медиатора означает, что субъекты медиативных отношений должны быть свободными и независимыми в медиативном споре.

Принцип независимости в медиации определяет медиатору задачу, чтобы он не абстрагировался от участников спора, но с другой стороны, чтобы он имел истинную информацию о правовой цели участников спора.

Следуя правилу модераторов, О.В. Аллахвердова подтверждает, что на медиацию надо идти «пустым», то есть без всяких предубеждений к кому-либо. Она убедительно призывает: «Все свои чувства и оценки вы обязаны оставить за пределами процесса медиации. Если вы чувствуете, что вам трудно сохранить нейтральность, не удастся избавиться от возникающих эмоциональных оценок, вы должны отказаться от ведения процесса»⁷.

Действовать беспристрастно означает быть объективным и справедливым по отношению к каждой из сторон, быть «равноудаленным» от них.

Принцип конфиденциальности медиации выделен на законодательном уровне, в частности, в ст. 5 Закона о медиации. Следовательно, требование об обеспечении сохранности всей информации, относящейся к институту медиации, обеспечивается на всем пути проведения всех процедурных мероприятий. Из этого следует, что медиатор без разрешения спорящих сторон не может разглашать указанную информацию, поскольку это умаляет их права и за-

конные интересы. Следовательно, разглашать конфиденциальную информацию, полученную от конкретной стороны, возможно лишь тогда, когда она даст согласие на огласку.

Кроме того, делать какие-либо публичные заявления по существу спора медиатору также запрещено. Обеспечение режима конфиденциальности необходимо, чтобы существовал определенный уровень доверия у всех сторон друг к другу и к медиатору прежде всего, так как без доверия невозможно прийти к взаимности и согласию.

Таким образом, из вышеуказанного следует сделать вывод, что законодатель делает все необходимое, чтобы стороны чувствовали себя защищенными и имели возможность вести переговорный процесс для разрешения различных споров. Однако в случае нарушения медиатором условий конфиденциальности он очевидно лишается доверия как самих коллег-медиаторов, так и сторон, которым он оказывает помощь в урегулировании спора. В то же время не следует истолковывать конфиденциальность как ограничение или запрет на научные исследования или оценку процедур медиации. Поэтому при возникновении соответствующих обстоятельств и разрешении спора сторон научной категории лиц может быть обеспечен доступ к статистическим данным, наблюдению за процессом медиации, а также получение интервью от субъектов медиативных правоотношений.

Принцип равноправия в своей сущности следует из нормы ст. 19 Конституции Российской Федерации, предусматривающей, что «все равны перед законом и судом».

Принцип равенства, оформляя и связывая процедуру медиации, устанавливает, что у сторон имеются равные права для формирования и обоснования своих конкретных доводов, что они самостоятельно определяют тактику предстоящих переговорных отношений, а также по своему усмотрению оценивают приемлемость предложений и условий соглашений, исходящих от другой спорящей стороны.

Согласно ст. 11 Закона о медиации, «при проведении процедуры медиации медиатор не вправе ставить своими действиями какую-либо из сторон в преимущественное положение, равно как и умалять права и законные интересы одной из сторон». Вместе с тем юридическое равенство не всегда соответствует равенству экономическому, поскольку экономически более сильный субъект может воздействовать на более слабую сторону и навязать свою волю в урегулировании спора. Данный принцип аналогич-

⁷ Аллахвердова О.В. Школа посредничества (медиации) // Третейский суд. 2006. № 2. С. 177—178.

чен принципу процессуального равноправия сторон в гражданском, арбитражном процессе, третейском разбирательстве, но с определенными исключениями. Кроме того, этот принцип следует рассматривать как начало сотрудничества сторон⁸.

Всем известно, что медиация базируется главным образом на осуществлении переговорных процедур, то есть на *сотрудничестве*, а также очень важным качественным аргументом, по нашему мнению, здесь является достижение положительных результатов в урегулировании споров между сторонами, и это стержневое направление в деятельности модератора. Что касается совместных отношений, то это означает, что в ней задействованы все участники процесса, с предоставлением им соответствующих прав и обязанностей. Следовательно, ни одна из сторон не может признавать за собою право устанавливать требование для всех участников медиативных правоотношений считать приемлемым тот результат, который удовлетворяет ее интересы, к тому же если он еще и единственный.

Если такие качества модератора, как беспристрастность и независимость, проявляются в рамках правового регулирования, то за пределами правового регулирования на начальном

этапе действует принцип поведения субъектов примирения, то есть самих независимых сторон. Отсюда следует, что *принцип добросовестности* явно необходим, так как он является надежной гарантией реализации процедур медиации в целях урегулирования спора. Кроме того, принцип добросовестности служит также обеспечению исполнения надлежащим образом взятых на себя субъектами спора соответствующих прав и обязанностей, в целях недопущения совершения ими недобросовестных действий.

Таким образом, мы можем заключить, что медиативное соглашение представляет собой передовую модель добропорядочного состязания, происходящего в мягкой форме, когда возникшие у сторон обстоятельства, требующие разрешения, рассматриваются в деловой атмосфере, когда такое противоборство осуществляется не жесткими средствами, а мирными, при этом оно достигает положительных результатов, то есть является инструментом урегулирования многочисленных форм споров и конфликтов. Необходимо, чтобы более широко применялись принципы медиации в урегулировании вопросов по защите прав физических лиц, что придаст устойчивость правоотношениям, возникающим в сфере гражданского оборота.

⁸ Шамликашвили Ц.А. Медиация как альтернативная процедура урегулирования споров: что необходимо знать судье, чтобы компетентно предложить сторонам обращение к процедуре медиации: учебное пособие. М., 2010. С. 8.

Рифат Рахмаджон РАХМАДЖОНЗОДА (Р.Р. ЮЛДОШЕВ),
начальник факультета № 1 Академии МВД Республики
Таджикистан, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: reefat@yandex.ru

СИСТЕМНОСТЬ И СТАБИЛЬНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, законодательная деятельность, системность, стабильность, изменения, дополнения, поправки.

CONSISTENCY AND STABILITY OF THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Keywords: criminal procedure legislation, legislative activity, consistency, stability, changes, additions, amendments.

дение прав человека при отправлении уголовного правосудия: анализ законодательства и правоприменительной практики. Душанбе, 2012. 140 с.; Мониторинг уголовного судопроизводства: отчет: результаты мониторинга за период с апреля 2013 по январь 2014 г. Душанбе: Центр по правам человека. 2014. 30 с.

ки Таджикистан были внесены соответствующие изменения и дополнения, посредством которых были видоизменены и содержательно подкорректированы свыше 150 уголовно-процессуальных норм. В процессе этой законодательной деятельности появились новые статьи (ст. 35(1) «Порядок рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий», ст. 88(1) «Недопустимые доказательства», ст. 167(1) «Восстановление уголовного дела»); также некоторые статьи были приняты в новой редакции (ст. 88 «Оценка доказательств», ст. 94 «Порядок задержания подозреваемого», ст. 203 «Особенности допроса несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего»); редакционной и технической правке были подвергнуты многие другие статьи, анализ которых нами представлен в другой работе².

Об отсутствии системности вносимых в текст УПК Республики Таджикистан правок свидетельствует также количество законов и количество изменений и дополнений. К примеру, масштабные правки были в 2011 г. — 2 законами 44 правок (0,88 %), в 2012 г. — 5 законами 12 правок (0,6 %), а в 2016 г. — 4 законами 33 правок (1,32 %). В процессе анализа нами были собраны и исследованы все официальные тексты законов, которыми вносились изменения и дополнения в уголовно-процессуальный кодекс³.

Законодателем в процессе реформирования отраслевого законодательства должны всегда учитываться концептуальные основания, и соответствующие законопроекты должны быть

разработаны с учетом последних. Отсутствие многих структурных компонентов законотворческой деятельности может быть чревато последствиями, проекты законов разрабатываются без общего согласования однородных норм. К этой категории законодательных актов можно отнести Закон Республики Таджикистан от 23.07.2016 г. № 1332⁴, который, как нам представляется, стер границы между делами частного и частно-публичного обвинения. Единственным отличием стала норма, которая также указывает на шаблонный подход: в случае примирения лица, пострадавшего от преступления, с обвиняемым и возмещения нанесенного вреда пострадавшему производство по делу прекращается. Здесь остается открытым вопрос о временном пределе и процессуальном порядке примирения. Подобные требования также включены и в полномочия следователя.

В такой ситуации остается только ждать, когда же мы начнем действовать (здесь мы подразумеваем деятельность отечественных ученых, которые до настоящего времени о вышеприведенной проблеме ничего не пишут⁵). Наши суждения по результатам проводимых исследований сочетаются с теми системными ошибками и проблемами, о которых часто говорит в своих выступлениях Лидер нации, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон⁶.

Профессор Л.В. Головкин характеризует кодификацию уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан с нескольких позиций. Так, он отмечает, что, с одной стороны, речь также идет о достаточно умеренной кодификации, которую можно назвать консервативной и которая выдержана в определенном духе постсоветских уголовно-процессуальных кодексов «первой волны» (1990-х годов). С другой стороны, при разработке нового ко-

² См.: Сравнительная таблица изменений и дополнений в УПК Республики Таджикистан // Анализ исполнения государственных программ Республики Таджикистан в области судебно-правовой реформы. Душанбе, 2018. С. 67—122.

³ Законы Республики Таджикистан от 21 июля 2010 г. № 618; от 25 марта 2011 г. № 692; от 2 августа 2011 г. № 755; от 16 апреля 2012 г. № 809; от 3 июля 2012 г. № 864; от 1 августа 2012 г. № 878; от 28 декабря 2012 г. № 927; от 28 декабря 2012 г. № 932; от 22 июля 2013 г. № 982; от 22 июля 2013 г. № 983; от 14 марта 2014 г. № 1067; от 27 ноября 2014 г. № 1134; от 23 ноября 2015 г. № 1229; от 15 марта 2016 г. № 1275; от 14 мая 2016 г. № 1306; от 23 июля 2016 г. № 1332; от 23 июля 2016 г. № 1333; от 24 февраля 2017 г. № 1381; от 17 мая 2018 г. № 1516; от 2 января 2019 г. № 1556. Полные версии изменений и дополнений приведены здесь: Сравнительная таблица изменений и дополнений в УПК Республики Таджикистан // Анализ исполнения государственных программ Республики Таджикистан в области судебно-правовой реформы. Душанбе, 2018. С. 67—122.

⁴ Закон Республики Таджикистан от 23.07.2016 г. № 1332 «О внесении изменений и дополнений в УПК Республики Таджикистан» // Джумхурият. 2016. 28 июля (№ 146—149).

⁵ Исключением является следующая статья: Искандаров З.Х., Салимзода Т.Н. Некоторые процессуальные правила участия прокурора в судебном рассмотрении уголовных дел // Правовая жизнь. 2018. № 4 (24). С. 109.

⁶ См.: Выступление на встрече с работниками органов прокуратуры // Президент Республики Таджикистан: офиц. сайт. URL: www.president.tj/ru/node/17272 (дата обращения: 13.04.2018); Торжественное собрание по случаю Дня таджикской милиции. URL: <http://www.president.tj/node/18876> (дата обращения: 11.11.2018); Речь на встрече с работниками судебных органов. URL: <http://www.president.tj/node/21842> (дата обращения: 25.04.2019).

декса Таджикистан в значительно большей мере, нежели, допустим, Туркменистан, следовал реформаторским тенденциям, прислушивался к мнению зарубежных экспертов и стремился отказаться от советской уголовно-процессуальной инфраструктуры⁷.

Рассуждая о квинтэссенции отечественного уголовно-процессуального закона, ориентирах для исправления системных ошибок, следует также проанализировать роль и деятельность неправительственных организаций. В этой связи профессор Л.В. Головкич отмечает, что нельзя сбрасывать со счета и далеко не одинаковый международный контекст, в котором оказались постсоветские государства, что, в частности, проявилось в разной степени интенсивности зависимости их уголовно-процессуальной эволюции от потенциального членства в европейских организациях (Совет Европы и Евросоюз), а также заинтересованности в соответствующих реформах со стороны международных организаций (ООН, ОБСЕ, Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ) и крупнейших иностранных держав, прежде всего США. В этом смысле уже можно говорить о нескольких вариантах развития постсоветского уголовного процесса, проявившихся в тех или иных странах (группах стран)⁸.

В Таджикистане ряд организаций проводят различные по содержанию мониторинги действия УПК Республики Таджикистан и исследования проблем доступа к правосудию. Во многих экспертных исследованиях частично анализируются основные направления проводимых реформ в сфере уголовно-процессуального законодательства (иногда вместе с другими отраслями законодательства), а с другой стороны, проводятся научно-практическая апробация и анализ различных точек зрения отечественных и зарубежных специалистов по наиболее актуальным проблемам уголовно-процессуальной деятельности в контексте выявления, раскрытия, расследования преступлений и рассмотрения уголовных дел, что является дополнительным материалом к различным научным исследованиям. Актуальными также являются организация и проведение специальных экспертных

форумов⁹ по различным вопросам осуществления правосудия в региональном контексте. Начиная с 2015 г. на национальном уровне проводятся экспертные встречи с активным привлечением академического круга¹⁰.

В контексте нашего анализа уместно будет упомянуть и о суждениях Фары Лоуренс, которая говорит об уголовном процессе как о ключевом показателе ситуации с правами человека в стране. Ею утверждается, что эволюция системы уголовно-процессуального права в Центральной Азии поэтому была под пристальным вниманием международного сообщества, особенно таких международных организаций, как Программа развития ООН, Управление Верховного комиссара ООН по правам человека, Управление ООН по наркотикам и преступности, ЮНИСЕФ, ЮНИФЕМ; европейских и общеевропейских организаций, в числе которых программа ЕС ТАСИС, ОБСЕ; неправительственных организаций и фондов: ABA/CEELI, Freedom House, Human Rights Watch, Amnesty International, фондов Конрада Аденауэра, Фридриха Эберта, Института открытого общества, Международной кризисной группы и т.д. Всякий раз, когда это было возможно, эти организации оказывали содействие и поддержку и оценивали реформы в области уголовно-процессуального права в Центральной Азии.

Фара Лоуренс правильно дает практические рекомендации экспертам по разработке общей

⁹ III Экспертный форум по уголовному правосудию для Центральной Азии: 17–18 июня 2010 г., Душанбе, Таджикистан: итоговый отчет; Четвертый экспертный форум по уголовному правосудию для Центральной Азии: 29–31 октября 2012 г., Алматы, Казахстан: итоговый отчет; Пятый экспертный форум по уголовному правосудию для Центральной Азии: 24–25 ноября 2014 г., Бишкек, Кыргызстан: итоговый отчет; Шестой экспертный форум по уголовному правосудию для государств Центральной Азии: 16–18 ноября 2016 г., Ташкент, Узбекистан: рапорт; Седьмой экспертный форум по уголовному правосудию для государств Центральной Азии: 27–29 ноября 2018 г., Бишкек, Кыргызстан: отчет о конференции. См.: Экспертные форумы по уголовному правосудию в Центральной Азии // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе: официальный сайт. URL: <https://www.osce.org/ru/odihr/443320> (дата обращения: 12.05.2020).

¹⁰ Первый Национальный форум по верховенству закона в Республике Таджикистан (3 ноября 2015 г.). Душанбе, 2016. 123 с.; Второй Национальный форум по верховенству закона в Республике Таджикистан (3 ноября 2016 г.). Душанбе, 2017. 234 с.; Третий Национальный форум по верховенству закона в Республике Таджикистан (3 ноября 2017 г.) // Жизнь и Закон. 2018. 192 с.

⁷ Головкич Л.В. Современное развитие уголовного процесса в странах бывшего СССР (на постсоветском пространстве) // Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головкича. М.: Статут, 2016. С. 195.

⁸ Там же.

правовой политики для стран Центральной Азии, а именно:

1. Принять целостный подход к реформам уголовно-процессуального кодекса: положительные реформы на основе международного (европейского) опыта могут легко отойти в сторону от своих первоначальных целей или не заработать, как планировалось, если они не соответствуют социально-экономической обстановке и реалиям судебной системы в конкретной стране. Международный опыт нужно учитывать, но при этом следует избегать бездумного копирования европейского законодательства.

2. Оказывать поддержку независимости судебной системы от исполнительной власти за счет дополнительной поддержки реформы, касающейся статуса и профессии судей (отбора, процедуры назначения и длительности срока службы, социальной защиты, иммунитетов и привилегий, дисциплинарных процедур).

3. Содействовать плавному и адекватному переходу к более состязательному процессу путем укрепления роли судьи и адвоката в ходе досудебного и судебного разбирательств¹¹.

Выводы эксперта весьма оригинальны и своевременны, требуют системного анализа и координации внимания как ученых-теоретиков, так и практиков-руководителей. Необходимо прислушаться к рациональному мнению и готовиться к своевременным действиям, чтобы в дальнейшем не допускать пробелов и противоречий в сфере уголовного производства по материалам и конкретным делам.

Не последнюю роль играют в этом контексте также соображения некоторых договорных органов ООН и других международных организаций. Например, пункт 16 (С.1) Заключительных замечаний Комитета ООН по правам человека, который требует соответствующей информации относительно применения на практике специального Постановления Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан от 14.06.2013 № 6 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего выбор мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога, их изменения и продления сроков содержания под стражей и домашнего ареста». Суть требований заключается в

правильном выборе, применении и изменении мер уголовно-процессуального принуждения в контексте соблюдения прав и свобод человека и гражданина в различных стадиях уголовного процесса.

Особо следует отметить, что регламентация данных уголовно-процессуальных правоотношений строится сугубо на конструкциях уголовно-процессуального законодательства. Правоприменительная практика, особенно после введения нового УПК Республики Таджикистан, вызывает шквал недовольства со стороны правоохранительных органов и судов различных инстанций, так как санкционирование применения и изменения мер пресечения, ограничивающих права и свободы человека и гражданина, было передано судам¹².

В рамках приведения уголовно-процессуального законодательства в соответствие с общепризнанными нормами и принципами международного права Правительством Республики Таджикистан был пересмотрен ряд нормативных правовых актов, регламентирующих уголовно-процессуальную деятельность правоохранительных органов и судов¹³.

Выполнение и приведение прав в соответствие с требованиями и стандартами в области соблюдения прав и свобод человека и гражданина обсуждалось в рамках нескольких исследований независимых экспертов и организаций¹⁴, которые выявили ряд конкретных направ-

¹² Мониторинг влияния нового УПК Республики Таджикистан на соблюдение прав человека при отправлении уголовного правосудия: анализ законодательства и правоприменительной практики. Душанбе, 2012. С. 5, 10, 20—26; Доклад НПО о выполнении Республикой Таджикистан Международного пакта о гражданских и политических правах. Душанбе, 2013. С. 6—7, 24—25.

¹³ См.: *Юлдошев Р.Р.* Международные обязательства Таджикистана в контексте изменений и дополнений уголовно-процессуального законодательства // Современные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории и практики: материалы VII Международной научно-практической конференции (5 апреля 2018 г., Москва) / под ред. *В.В. Ершова*. М.: РГУП, 2018. С. 170—176.

¹⁴ Программа судебно-правовой реформы на 2011—2013 годы: предварительные результаты и дальнейшие шаги. Душанбе, 2013. 85 с.; Анализ выполнения рекомендаций государств — членов Совета ООН по правам человека Правительством Республики Таджикистан в рамках Универсального периодического обзора с 2012 по 2015 г. Душанбе: Бюро по правам человека и соблюдению законности, 2015. 304 с.; Универсальный периодический обзор по правам человека, подготовленный общественными организациями Республики Таджикистан. Отчет № 1 «Гражданские и политические права». Душанбе, 2015. 32 с.

¹¹ *Лоуренс Ф.* Исследование по уголовно-процессуальной реформе в свете права на справедливое судебное разбирательство в Центральной Азии // Уголовно-процессуальная реформа в странах Центральной Азии / *И. Алимбаев, Ф. Лоуренс, К. Осмоналиев, С. Романов*. Европейский союз, 2013. С. 61.

лений совершенствования уголовно-процессуального и отраслевого законодательства.

Как нам представляется, некоторые рекомендации, требования к дополнению УПК Республики Таджикистан и других отраслевых нормативных правовых актов имеют положительное влияние на УПК Республики Таджикистан и служат его совершенствованию. Во-первых, они направлены на искоренение произвола, бесчеловечного отношения и превышения служебных полномочий со стороны сотрудников правоохранительных органов. Во-вторых, предоставляют возможность дополнительно в специально предусмотренных случаях использовать фиксацию всех персональных данных сотрудников правоохранительных органов в рапортах, протоколах, которые они составляли, участвуя в задержании лица, нарушившего закон или

совершившего преступление, и, таким образом, подписывали их, указывая на выявленное нарушение¹⁵. Уместным будет использовать данный пункт только в тех ведомственных документах, которые непосредственно усилят учетно-регистрационную дисциплину сотрудников правоохранительных органов¹⁶.

Очередную волну изменений и дополнений принесет разработанный независимыми экспертами и учеными исследовательский проект о совершенствовании уголовно-процессуального кодекса, который представлен в качестве крупного законопроекта¹⁷, прошедшего согласование и получившего одобрение соответствующих министерств и комитетов. В ближайшей перспективе предполагается обсуждение данного законопроекта парламентом страны.

¹⁵ Совместный приказ № 5-60: № 46: № 98-«а»: № 40: № 463/1 от 24 октября 2012 г. и № 73 от 17 ноября 2012 г. «Об утверждении и введении в действие Инструкции «О задержании».

¹⁶ Подробнее об этом см.: Доклад Специального докладчика по вопросу о независимости судей и адвокатов г-на Леонардо Деспуи (30.12.2005) // Общественный фонд «Нотабене»: официальный сайт. URL: [http://notabene.tj/Doc/Kaz/compl/Доклад%20Специального%20докладчика%20по%20вопросу%20о%20независимости%20судей%20и%20адвокатов-Sep05%20\(RU\).pdf](http://notabene.tj/Doc/Kaz/compl/Доклад%20Специального%20докладчика%20по%20вопросу%20о%20независимости%20судей%20и%20адвокатов-Sep05%20(RU).pdf) (дата обращения: 21.05.2020); Доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания Хуана Э. Мендеса (28.01.2013). URL: http://notabene.tj/Doc/Kaz/compl/СД_пытки_Тадж.pdf (дата обращения: 21.05.2020); Дополнительный доклад: миссии в Республику Таджикистан и Тунис (05.02.2015). URL: [http://notabene.tj/Doc/Kaz/compl/СД_пытки_доп_Тадж%20\(2\).pdf](http://notabene.tj/Doc/Kaz/compl/СД_пытки_доп_Тадж%20(2).pdf) (дата обращения: 21.05.2020).

¹⁷ Практика применения Уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан и рекомендации по его совершенствованию / под ред. А.М. Маджитова, Е.Д. Камоловой. Душанбе, 2012. 228 с.; Рекомендации по совершенствованию положений Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан: [на тадж. языке]. Душанбе: ЭР-Граф, 2019. 82 с.

УДК 37.018:343.16
ББК 67.73

Татьяна Владимировна ЧЕРЕМИСИНА,
научный сотрудник научно-исследовательского отдела
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации
E-mail: ice_tree@mail.ru

Научная специальность: 12.00.11 — Судебная деятельность, прокурорская деятельность,
правозащитная и правоохранительная деятельность

ПОНЯТИЕ, ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И ПРИНЦИПЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В СЛЕДСТВЕННОМ КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Автор статьи исследует цели, задачи и принципы воспитательной работы в образовательных учреждениях Следственного комитета Российской Федерации. Сформулированы понятия национального воспитательного идеала и профессионального воспитательного идеала. Обоснована важность создания условий, направленных на развитие личности, формирование культурной среды, нравственных качеств обучающихся наравне с навыками профессии следователя.

Ключевые слова: воспитание, воспитательная работа, культурная среда, обучение, национальный воспитательный идеал, профессиональный воспитательный идеал, Следственный комитет Российской Федерации.

Tatiana Vladimirovna CHEREMISINA,
Researcher of the Research Department of the Moscow Academy
of the Investigative Committee of the Russian Federation
E-mail: ice_tree@mail.ru

CONCEPT, GOALS, TASKS AND PRINCIPLES OF EDUCATIONAL WORK IN THE INVESTIGATIVE COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The author explores the goals, objectives and principles of educational work in educational institutions of the Investigative Committee of the Russian Federation. The article defines the concepts of national educational ideal and professional educational ideal. The author substantiates the importance of creating conditions aimed at personal development, the formation of the cultural environment, and the moral qualities of students on a par with the skills of the investigator's profession.

Keywords: education, educational work, cultural environment, training, national educational ideal, professional educational ideal, Investigative Committee of the Russian Federation.

Приоритетной задачей Российской Федерации является формирование новых поколений, обладающих актуальными знаниями и умениями, разделяющих традиционные нравственные ценности, готовых к мирному созиданию и защите Родины. Ключевым ин-

струментом решения этой задачи является воспитание детей¹.

¹ Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Распоряжением Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р // Российская газета: федер. выпуск. 2015. 8 июня (№ 122).

В 2020 году исполняется 10 лет со дня принятия Федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации». Однако ни в законе, ни в Указе Президента Российской Федерации от 14.01.2011 № 38 «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации» воспитательная работа не предусмотрена в качестве направления деятельности ведомства.

Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета Российской Федерации и Концепция воспитательной работы в Следственном комитете Российской Федерации, утвержденные Председателем СК России 11.04.2011 и 26.06.2017 соответственно, частично восполняют пробелы в вопросах воспитания следователей. В Следственном комитете создано и функционирует управление воспитательной работы.

Между тем нарушения присяги, административные правонарушения, в том числе связанные с ДТП, и даже преступления до сих пор совершаются в наших рядах. Так, с 2007 по 2019 г. к дисциплинарной ответственности за нарушение Присяги сотрудника Следственного комитета Российской Федерации привлечено 711 должностных лиц. Увольнение как мера дисциплинарного взыскания применено к 345 сотрудникам. В 2019 году за совершение грубого дисциплинарного проступка и нарушение Присяги сотрудника Следственного комитета из следственных органов было уволено 34 человека (в 2018 г. — 49), были возбуждены уголовные дела и велось следствие в отношении 44 сотрудников (в 2018 г. — 53). По вине сотрудников СК России с 2007 по 2019 г. произошло 3902 ДТП. По вине работников СК России зафиксировано 1309 случаев ДТП, из них 130 совершены лицами, находившимися в состоянии алкогольного опьянения².

Свежим примером нарушения этических норм стало поведение следователя следственного управления СК России по Тюменской области в одном из ресторанов города Тюмени. В начале февраля 2020 года следователь отмечал там присвоение ему звания майора в компании коллег и сотрудников иных правоохранительных ведомств. Один из гостей, ранее судимый, позируя вместе со следователем, стал снимать всех

присутствующих на камеру мобильного телефона, сопровождая видеоряд комментариями «АУЕ!» и «Жизнь ворами!». Видеозапись мужчины разместил в общем доступе в социальной сети «Инстаграм». Руководитель следственного управления 12 февраля 2020 г. уволил следователя за нарушение Присяги сотрудника Следственного комитета.

Став самостоятельным ведомством, Следственный комитет создал два федеральных государственных казенных общеобразовательных учреждения высшего образования: Московскую и Санкт-Петербургскую академии Следственного комитета. Кроме того, в системе СК России действуют три кадетских корпуса: Кадетский корпус СК России имени Александра Невского (в г. Москве), Санкт-Петербургский кадетский корпус СК России и Волгоградский кадетский корпус СК России имени Ф.Ф. Слипченко.

Следственный комитет активно способствует взаимодействию следственных органов с региональными (муниципальными) органами управления образованием и общеобразовательными организациями по вопросам создания профильных кадетских классов, реализующих дополнительные общеразвивающие образовательные программы, направленные на подготовку несовершеннолетних граждан к государственной службе в органах СК России. Так, наряду с кадетскими корпусами под патронатом Следственного комитета находятся 32 кадетских класса в общеобразовательных школах.

Основные нравственные качества личности формируются в детском и юношеском возрасте, поэтому основной субъект воспитательной работы в СК России — это учащиеся ведомственных образовательных организаций.

Однако процесс формирования нравственного облика следователя не заканчивается после назначения на должность. Из приведенных выше данных следует, что сотрудники следственных органов, особенно молодые специалисты, нуждаются в постоянном ненавязчивом воспитательном воздействии. Поэтому воспитательная работа в Следственном комитете — это единый непрерывный процесс формирования зрелой, ответственной, нравственно цельной личности сотрудника следственных органов, который начинается в образовательных учреждениях и продолжается в течение всей служебной деятельности человека.

Воспитательная работа — это целенаправленная деятельность руководителей следственных органов по формированию у сотрудников высоких профессиональных, гражданско-патри-

² Материалы к расширенному заседанию коллегии Следственного комитета Российской Федерации «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2019 год и задачах на 2020 год». С. 45.

отических и морально-психологических качеств, повышению уровня общей культуры, мобилизации их на неуклонное соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина, добросовестное служение интересам общества и государства, исполнение требований закона и профессиональной этики³.

Воспитание — это педагогически организованный целенаправленный процесс развития личности гражданина, освоения и принятия им ценностей, нравственных установок и моральных норм общества⁴. Сущность воспитания заключается в попытке привить ребенку все лучшие свойства человечества, чтобы, став взрослым, он соответствовал этому идеальному образу. Заметим, что в нормативном определении процесса воспитания не указаны субъекты (общественные институты и т.д.), реализующие эту деятельность.

В научной литературе приводятся более развернутые определения. Так, А.М. Руденко определяет воспитание как целенаправленное создание условий (материальных, духовных, структурно-организационных) для усвоения новым поколением ценностей, норм общества, социального опыта в целом с целью адаптации его к общественной жизни и производительному труду. Иными словами, это целенаправленное управление процессом развития личности и помощь человеку в реализации его потенциальных возможностей⁵.

В процессе воспитания надо четко видеть цель, даже если ее нельзя воплотить в каждом. Поэтому в современных условиях духовно-нравственное развитие и воспитание личности должны определяться единой стратегией. Цель — это мысленный образ желаемого результата. В рамках этой стратегии мы должны четко ответить на вопрос: «Кого мы хотим воспитать?» Гражданина, патриота, профессионала? Может быть, прежде всего профессионала и первоклассного юриста, а уже потом — патриота своей страны? Должен быть сформирован четкий образ того, кто должен получиться «на выходе» воспитательной работы.

К сожалению, сегодня почти забыто наследие главного советского педагога А.С. Макаренко⁶. Его методы доказали свою эффективность в перевоспитании бывших беспризорников и малолетних уголовников. Отметим, что основная идея Макаренко — это принцип коллективной ответственности, а в Московской академии Следственного комитета воспитание основано на идее индивидуальной ответственности. В то же время определенная доля коллективизма в воспитательной работе должна присутствовать.

Авторы Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России понимают *национальный воспитательный идеал* (далее — НВИ) как высшую цель образования, нравственное (идеальное) представление о человеке, на воспитание, обучение и развитие которого направлены усилия основных субъектов национальной жизни: государства, семьи, школы, политических партий, религиозных объединений и общественных организаций⁷.

В содержании НВИ приоритет отдается нравственности, которая есть мир ценностей «живущего в современных социокультурных исторических условиях человека». НВИ связан с базовыми национальными ценностями и является формой единства таких ценностей⁸.

В Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России соответственно традиционным источникам нравственности определяются и базовые национальные ценности, каждая из которых раскрывается с точки зрения нравственности.

Например, *патриотизм* — любовь к России, к своему народу, к своей малой родине, служение Отечеству; *социальная солидарность* — свобода личная и национальная, доверие к людям, институтам государства и гражданского общества, справедливость, милосердие, честь, достоинство⁹.

Исходя из этого, определим, что национальному воспитательному идеалу соответствует человек нравственный, компетентный, разделяю-

³ П. 3 Концепции воспитательной работы в Следственном комитете Российской Федерации, утвержденной Председателем СК России 26.06.2017.

⁴ Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Просвещение, 2009. С. 9.

⁵ Методика воспитательной работы / А.М. Руденко [и др.]; под ред. А.М. Руденко. Ростов н/Д: Феникс, 2015. С. 14.

⁶ См.: Мацкевич И.М. Система А.С. Макаренко и возможность использования его методов в настоящее время // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 4. С. 85.

⁷ Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Указ. соч. С. 8.

⁸ Салов А.И. О современном национальном воспитательном идеале // Воспитание в современном культурно-образовательном пространстве: сборник статей / под общ. ред. О.К. Поздняковой. Т. 4. Самара; М., 2016. С. 245.

⁹ Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Указ. соч. С. 19.

щий семейные ценности, дорожающий своей честью, знающий духовные и культурные традиции многонационального народа Российской Федерации.

В контексте воспитательной работы в Следственном комитете Российской Федерации на базе НВИ необходимо сформулировать профессиональный воспитательный идеал как цель воспитательной работы в ведомстве.

Итак, *профессиональный воспитательный идеал* (далее — ПВИ) — это образ сотрудника, обладающего набором личных качеств, наиболее высоко ценимых в конкретной профессии (организации).

Качества, которыми должен обладать сотрудник СК России, чтобы соответствовать ПВИ:

- компетентный в сфере своей деятельности, с установкой на постоянное повышение своего профессионального уровня;
- дорожающий своей офицерской честью и авторитетом ведомства в обществе;
- честный, справедливый, соблюдающий правовые и морально-этические нормы как в служебное, так и во внеслужебное время;
- патриот России, осознающий себя гражданином и имеющий гражданскую позицию;
- уважающий традиции ведомства, передающий свои знания новым поколениям следователей;
- обладающий повышенным чувством ответственности, твердый в своих убеждениях;
- трудолюбивый, надежный, оптимистичный, способный к преодолению трудностей.

Понятие профессионального воспитательного идеала не сформулировано ни в Концепции воспитательной работы в Следственном комитете Российской Федерации, ни в Концепции патриотического воспитания обучающихся образовательных организаций Следственного комитета Российской Федерации.

Между тем ученые в сфере педагогики изучают вопросы формирования профессионального идеала студентов в учебно-воспитательном процессе¹⁰.

Воспитательная работа направлена на достижение ПВИ, который является частью НВИ, и все позитивные качества, которыми обладает носитель НВИ, относимы и к ПВИ. Таким образом, воспитательная работа в СК России подчинена

иерархии целей: 1) формирование личности гражданина Российской Федерации, соответствующей НВИ; 2) формирование личности сотрудника СК России, соответствующей ПВИ.

Воспитание может осуществляться как на *профессиональном* (школа, детские учреждения), так и на *непрофессиональном* уровне (семья, двор). Профессиональное воспитание осуществляется отдельным педагогом или педагогическим коллективом с применением научно апробированной методики.

Задачи воспитательной работы — это то, что требуется сделать в процессе воспитания, чтобы достичь цели. В системе СК России задачи воспитательной работы классифицируются как общие и специальные.

Общие — задачи воспитательной работы, применимые ко всем ее объектам: кадетам, студентам, сотрудникам следственных органов. К общим относятся следующие задачи воспитательной работы:

- формирование у сотрудников непримиримого отношения к преступлениям, иным правонарушениям, воспитание их в духе строгого соблюдения не только законов и Присяги сотрудника СК России, но и требований Кодекса этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета Российской Федерации;
- воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций;
- совершенствование системы подготовки и переподготовки следователей, руководителей следственных органов и иных сотрудников Следственного комитета, а также профессорско-преподавательского состава и педагогических работников кадетских корпусов, учреждений высшего образования СК России;
- укрепление и развитие элементов материальной базы органов и учреждений Следственного комитета, включая общеобразовательные организации, для обеспечения оптимальных и безопасных условий труда и учебного процесса.

Специальные — задачи воспитательной работы, применимые к конкретным объектам с учетом их специфики. Например, задачи воспитательной работы, проводимой в отношении

¹⁰ Фролова С.Л. Формирование профессионального идеала студентов в учебно-воспитательном процессе // Сибирский педагогический журнал. 2009. № 7. С. 379—387.

кадет, отличаются от задач по воспитанию следователей¹¹.

Среди задач по воспитанию кадет и обучающихся академий СК России выделяются такие задачи:

- внедрение новых методов обучения и воспитания, образовательных технологий, обеспечивающих освоение кадетами базовых навыков и умений, повышение их мотивации к обучению и готовности в дальнейшем связать свою жизнь со следственной деятельностью;
- формирование эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у кадет, основанной на принципах справедливости, всеобщности и направленной на самоопределение и профессиональную ориентацию их на государственную службу в следственных органах Следственного комитета;
- создание в кадетских корпусах, в профильных общеобразовательных организациях и профильных кадетских классах Следственного комитета современной и безопасной цифровой образовательной среды;
- развитие сети профильных общеобразовательных организаций и профильных кадетских классов, обеспечивающих запросы образовательных организаций высшего образования, осуществляющих подготовку кадров в интересах Следственного комитета;
- расширение возможности социализации кадет, обеспечение преемственности между общим и высшим образованием, более эффективная подготовка кадет к освоению программ высшего образования.

Среди задач воспитательной работы в отношении сотрудников СК России выделяются следующие:

- формирование у сотрудников непримиримого отношения к преступлениям, иным правонарушениям, воспитание их в духе строгого соблюдения Конституции Российской Федерации и законов, Присяги сотрудника Следственного комитета Российской Федерации;
- формирование мировоззрения и системы ценностей сотрудников, а также социаль-

но и профессионально значимых гражданско-патриотических, психологических и морально-нравственных качеств;

- развитие у каждого сотрудника позитивной мотивации к труду, осознания личной ответственности за выполнение служебных обязанностей и задач;
- создание условий для наиболее полной профессиональной самореализации сотрудников, развития их способностей и творческого потенциала, постоянного духовного и физического совершенствования, поддержания здорового образа жизни, уважительного отношения к ветеранам и старшим, бережного отношения к семье и детям;
- развитие общей и организационной культуры, а также соблюдение правил поведения, культуры речи и общения, как в профессиональной, так и во внеслужебной деятельности;
- предупреждение профессиональной деформации и иные.

Кроме того, в образовательных учреждениях важно правильное формирование культурной среды, в которой происходит развитие личности. Культурная среда — это определенные духовные, нравственные и социальные условия для развития личности, создаваемые в коллективе, связывающие его с общественной социальной средой и передающие воспитаннику опыт самостоятельной культурной деятельности. Чем раньше личность окажется в благоприятной культурной среде, тем у нее больше шансов для самореализации, освоения культурного опыта и передачи его будущим поколениям.

Культурная среда характерна не только для образовательной организации — она формируется и в конкретном ведомстве. Поэтому каждый сотрудник Следственного комитета должен вносить вклад в поддержание такой культурной среды, которая является наиболее благоприятной для формирования в ней личности, соответствующей национальному и профессиональному воспитательным идеалам.

В основу процесса воспитательной работы положены следующие принципы:

1. Законность. Принцип законности применительно к воспитательной работе выражается в том, что запрещено применение незаконных методов воспитания (телесные наказания, участие в воспитательных мероприятиях, квестах, играх, сопряженных с риском для воспитуемых и окружающих людей, с использованием пропаганды экстремистских идей и т.п.).

¹¹ Черемисина Т.В. Социальная работа как направление воспитательной работы в Следственном комитете Российской Федерации // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2020. № 3. С. 135—137.

2. Уважение чести и достоинства воспитуемого. Необходимо признавать и уважать каждого воспитанника как личность, признавать ценность любого человека, в процессе деятельности формировать у воспитуемого чувство собственного достоинства. Необходимо уважать честь и достоинство как воспитуемого, так и педагога (воспитывающего). Способы и приемы воспитания, унижающие достоинство личности, недопустимы¹².

3. Научная обоснованность. В процессе воспитательной работы используются только научно обоснованные методы, например: а) формирования личности; б) организации деятельности и формирования опыта общественного поведения; в) стимулирования желаемого поведения и деятельности.

4. Системность, непрерывность и обязательность воспитательного процесса. Принцип выражается в том, что все иные формы работы педагога и руководителя, включая образовательную, должны содержать элементы воспитания. Это также относится к совещаниям, которые проводят руководители.

5. Индивидуальный подход к формированию и развитию необходимых деловых и личных качеств у сотрудников. Принцип закрепляет многообразие форм, методов и средств, используемых для обеспечения эффективности воспитательного воздействия, дифференцированный подход к их применению. Приоритет имеют критерии, связанные с созданием обстановки справедливости, требовательности в сочетании с взаимопониманием, товарищеской поддержки и взаимопомощи.

Задачи и принципы воспитательной работы должны ежедневно воплощаться на практике, планомерно приближая ее объекты к главной цели — достижению профессионального воспитательного идеала (ПВИ) сотрудника СК России, входящего в систему национального воспитательного идеала (НВИ) гражданина Российской Федерации. Вместе с тем в организации воспитательной работы следует придерживаться реалистичной стратегии, не ставить гипертрофированных, заведомо недостижимых целей. Стремление к идеалу, самокритичность и постоянное самосовершенствование — вот те личностные доминанты, наличие которых говорит о личностной зрелости и нравственном здоровье человека. Поэтому, если выразить кратко тот результат, который мы ожидаем получить в процессе воспитательной работы «на выходе», то это интеллигентный, воспитанный человек.

Итак, государственное значение воспитания заключается в том, что оно направлено на духовно-нравственное формирование личности гражданина России — педагогически организованный процесс усвоения и принятия обучающимся базовых национальных ценностей, имеющих иерархическую структуру и сложную организацию. Выработка единого подхода к воспитательной работе во всех следственных органах и учреждениях ведомства позволит своевременно обмениваться передовым опытом, получать новые знания и совершенствовать имеющиеся навыки, передавать следственные традиции новому поколению молодых следователей, укрепить авторитет Следственного комитета в глазах общества и повысить уровень доверия к нему граждан.

¹² Черемисина Т.В. Роль судов офицерской чести в организации воспитательной работы в Следственном комитете Российской Федерации // Российский следователь. 2020. № 9. С. 56—59.

УДК 342.9
ББК 67.401.143.1

Жанна Сергеевна ЧУПИНА,
доцент кафедры таможенного дела
Российского университета дружбы народов,
кандидат экономических наук, доцент
E-mail: Lemesheva.87@bk.ru

Александр Леонидович ЧУПИН,
ассистент кафедры таможенного дела
Российского университета дружбы народов
E-mail: Vse.1@mail.ru

Научная специальность: 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством
(экономическая безопасность);
12.00.14 — Административное право; административный процесс

ПРАКТИКА И ЗНАЧЕНИЕ ТАМОЖЕННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТОВАРОВ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ШЕРЕМЕТЬЕВСКОЙ ТАМОЖНЕ

Аннотация. В статье проведен анализ организации действий по выявлению, расследованию и предупреждению таможенных преступлений в регионе деятельности Шереметьевской таможни за 2017—2019 гг.; проведен анализ особенностей применения технических средств таможенного контроля в целях пресечения правонарушений и преступлений, связанных с незаконным перемещением товаров в Шереметьевской таможне; исследованы практика и значение таможенной экспертизы товаров при выявлении таможенных правонарушений и преступлений в Шереметьевской таможне.

Ключевые слова: таможенные органы, таможенная экспертиза, таможенные правонарушения, таможенный досмотр, объекты таможенного контроля.

Zhanna Sergeevna CHUPINA,
Associate Professor of the Department of Customs
of the RUDN University,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
E-mail: Lemesheva.87@bk.ru

Alexander Leonidovich CHUPIN,
Assistant of the Department of Customs
of the RUDN University
E-mail: Vse.1@mail.ru

PRACTICE AND VALUE OF CUSTOMS EXAMINATION OF GOODS IN DETECTION OF OFFENCES IN THE SHEREMETYEVO CUSTOMS OFFICE

Abstract. The present article analyzes the organization of actions to identify, investigate and prevent customs crimes in the region of the Sheremetyevo customs for 2017—2019; analyzes the features of the use of technical means of customs control in order to prevent offenses and crimes related to the illegal movement of goods in the Sheremetyevo customs; examines the practice and significance of customs expertise of goods in detecting customs offenses and crimes in the Sheremetyevo customs.

Keywords: customs authorities, customs expertise, customs offenses, customs inspection, customs control objects.

Пресечение, выявление, расследование таможенных преступлений и борьба с ними являются немаловажным аспектом обеспечения экономической безопасности Российской Федерации в рамках существования Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

На современном этапе в качественной доработке и совершенствовании для пресечения незаконных действий со стороны участников внешнеторговой деятельности, а также для повышения эффективности деятельности самих таможенных органов нуждаются методы, средства, формы борьбы с таможенными преступлениями и правонарушениями, применяемые в своей деятельности таможенными органами¹.

На сегодняшний день актуальна проблема повышения эффективности пресечения, выявления, расследования и предупреждения таможенных преступлений, которые связаны с незаконным перемещением товаров через таможенную границу ЕАЭС². В настоящее время его риски значительно увеличились. За незаконное перемещение товаров через таможенную границу ЕАЭС установлена ответственность на уровне таких нормативно-правовых актов, как:

- 1) Уголовный кодекс Российской Федерации;
- 2) Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), в котором определены 24 вида таможенных правонарушений.

Так, по итогам работы за 2019 год таможенными органами Российской Федерации возбуждено 2014 уголовных дел, в сравнении с 2018 годом на 40 дел меньше (в 2018 году количество дел составляло 2054). В отношении физических лиц возбуждено таможенными органами в 2019 году 1306 уголовных дел, на 52 уголовных дела меньше, чем в предыдущем году. Таможенными органами России в 2019 году возбуждено 150 968 дел об административных правонару-

шениях, что на 5,5 %, или на 7820 дел, больше, чем в 2018 году³.

В деятельности таможенных органов при выявлении таможенных правонарушений и преступлений немаловажное значение имеет таможенная экспертиза товаров и транспортных средств. Рассмотрим такую практику на примере Шереметьевской таможни, которая является одним из самых крупных таможенных органов на воздушных пунктах пропуска⁴.

Шереметьевская таможня входит в организационную структуру управления таможенными органами России и является таможней непосредственного подчинения.

Она включает в себя несколько значимых таможенных постов:

- 1) Таможенный пост Аэропорт Шереметьево (грузовой);
- 2) Таможенный пост Аэропорт Шереметьево (почтовый);
- 3) Таможенный пост Аэропорт Шереметьево (пассажирский);
- 4) Авиационный таможенный пост (центр электронного декларирования)⁵.

Так, в 2019 г. возбуждено 123 уголовных дела (2018 г. — 36, 2017 г. — 71). Представим изменение количества возбужденных уголовных дел в регионе функционирования Шереметьевской таможни в динамике за три года (см. рис. 1).

В регионе функционирования Шереметьевской таможни в 2019 г. с привлечением кинологов со служебными собаками было выявлено 34 случая обнаружения (в 2018 г. таких случаев зафиксировано 27), из них:

- 19 случаев обнаружения наркотических средств и сильнодействующих веществ общим весом 10,43 кг;

¹ Лемешева Ж.С. История становления законодательства об ответственности за контрабанду // Экономика и социум. 2016. № 9 (28). С. 294.

² Лемешева Ж.С. Совершенствование научно-методического аппарата планирования контрольных показателей эффективности деятельности таможенных органов Российской Федерации: монография. М.: Магнитогорск, 2018. С. 78.

³ Организация правоохранительной деятельности в таможенных органах // Материалы к расширенному заседанию коллегии ФТС России. 2020. С. 64.

⁴ Васильев С.Н., Немирова Г.И. Основные направления совершенствования механизма взаимодействия таможенных органов и участников внешнеэкономической деятельности в условиях развития цифровой экономики // Экономические стратегии ЕАЭС: проблемы и инновации: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции: Москва, РУДН, 11—12 апреля 2019 г. М.: РУДН, 2019. С. 44—55.

⁵ Шереметьевская таможня // Федеральная таможенная служба: офиц. сайт. URL: <https://sh.customs.gov.ru> (дата обращения: 04.11.2020).

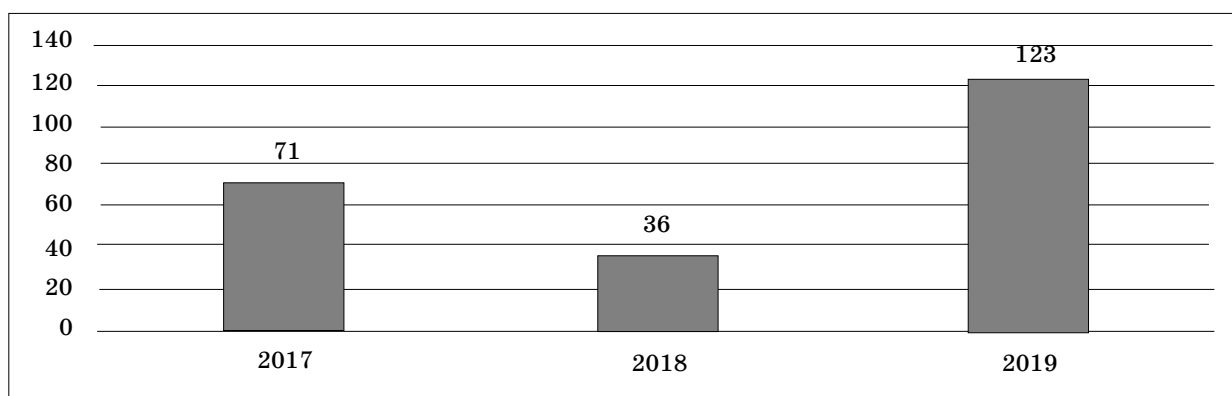

Рис. 1. Количество возбужденных уголовных дел в регионе функционирования Шереметьевской таможни в 2017—2019 гг.⁶

- 15 случаев обнаружения объектов СИТЕС⁷ общим количеством 437 шт. (части панцирей черепах и изделия из них, бивни, раковины, брюхоногие моллюски, кораллы, сушеные морские трепанги, части панцирей морских черепах) общим весом 167 кг.

Для более детального анализа следует привести несколько примеров из деятельности должностных лиц таможенных органов, осуществляющих таможенный контроль в отношении товаров, перемещаемых в регионе функционирования Шереметьевской таможни.

Пример 1. Летом 2019 года инспекторы таможенного поста Шереметьевской таможни обнаружили при таможенном контроле у пассажира, прилетевшего с Украины, 7 приматов семейства лориевых вида обыкновенный потто с недействительным сертификатом СИТЕС.

Животные были браконьерским путем изъяты из дикой природы в Демократической Республике Конго и по поддельному сертификату СИТЕС вывезены на Украину для последующего ввоза на территорию РФ. Ввоз осуществлялся индивидуальным предпринимателем для дальнейшей реализации животных. Согласно заключению эксперта Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления ФТС России, общая рыночная стоимость животных

составила 4 млн 27,1 тыс. руб. Экзотические животные были изъяты и переданы в благотворительный фонд защиты животных. В отношении неустановленных лиц, действовавших в интересах индивидуального предпринимателя, возбуждено уголовное дело по ст. 226.1 УК РФ⁸.

Пример 2. В ноябре 2019 г. инспекторы Шереметьевской таможни задержали двух котов азиатской леопардовой кошки, которых пытался незаконно ввезти из Ханоя 45-летний гражданин Вьетнама. В ходе таможенного досмотра багажа пассажиров таможенники обнаружили в картонной коробке контейнер для перевозки животных, в котором находились два котенка леопардового окраса.

Разрешительные сертификаты на перевозку животных, попадающих под действие Конвенции СИТЕС, у владельца отсутствовали. Котят были переданы в центр передержки животных. Была назначена стоимостная экспертиза⁹.

Для полноценного осуществления таможенного контроля в деятельности таможенных органов используются инспекционно-досмотровые комплексы (далее — ИДК), которые позволяют получить рентгеновские изображения, дающие

⁶ Составлено авторами по результатам исследования деятельности Шереметьевской таможни.

⁷ См.: Конвенция по международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС) (Вашингтон, 3 марта 1973 г.) // Таможенный портал для участников ВЭД. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/73kcites> (дата обращения: 25.11.2020).

⁸ Сотрудники Шереметьевской таможни изъяли семь контрабандных лори из Конго стоимостью более 4 млн руб. // Агентство городских новостей «Москва». URL: <https://www.mskagency.ru/materials/2913991> (дата обращения: 25.11.2020).

⁹ Шереметьевские таможенники обнаружили в багаже у пассажира котят азиатской леопардовой кошки // TKS.RU — всё о таможне. URL: <https://www.tks.ru/crime/2019/11/13/04> (дата обращения: 25.11.2020).

возможность таможенному инспектору выявить незаконное перемещение или недостоверное декларирование товаров¹⁰.

Изменение количества объектов контроля в регионе функционирования Шереметьевской таможни за последние три года представлено на рис. 2.

Рис. 2. Динамика количества объектов контроля в регионе функционирования Шереметьевской таможни за 2017—2019 гг.¹¹

По данным, представленным на рис. 2, видно, что через пункты пропуска Шереметьевской таможни, оснащенные ИДК, прошло в 2019 г. порядка 0,98 млн объектов таможенного контроля, в 2018 г. — 1,19 млн, в 2017 г. — 1,06 млн объектов.

Изменение количества проведенных таможенных досмотров с применением ИДК в регионе функционирования Шереметьевской таможни за последние три года представлено на рис. 3.

Рис. 3. Динамика количества проведенных таможенных досмотров с применением ИДК в регионе функционирования Шереметьевской таможни за 2017—2019 гг.¹²

За анализируемый период количество таможенных осмотров значительно снизилось.

¹⁰ Лемешева Ж.С. Основы планирования показателей эффективности деятельности таможенных органов Российской Федерации: монография. М.; Магнитогорск, 2019. С. 54.

¹¹ Составлено авторами по результатам исследования деятельности Шереметьевской таможни.

¹² Составлено авторами по результатам исследования деятельности Шереметьевской таможни.

На рис. 4 представлены примеры контрабандных товаров, обнаруженных должностным лицом Шереметьевской таможни с применением ИДК.

Любой товар, ввозимый или вывозимый через таможенную границу, должен соответствовать определенным стандартам. Такое соответствие помогает определить таможенная экспер-

тиза товаров. Согласно ст. 388 Таможенного кодекса ЕАЭС (далее — ТК ЕАЭС), «таможенная экспертиза — исследования и испытания, проводимые таможенными экспертами (экспертами) с использованием специальных и (или) научных знаний для решения задач, возложенных на таможенные органы»¹³.

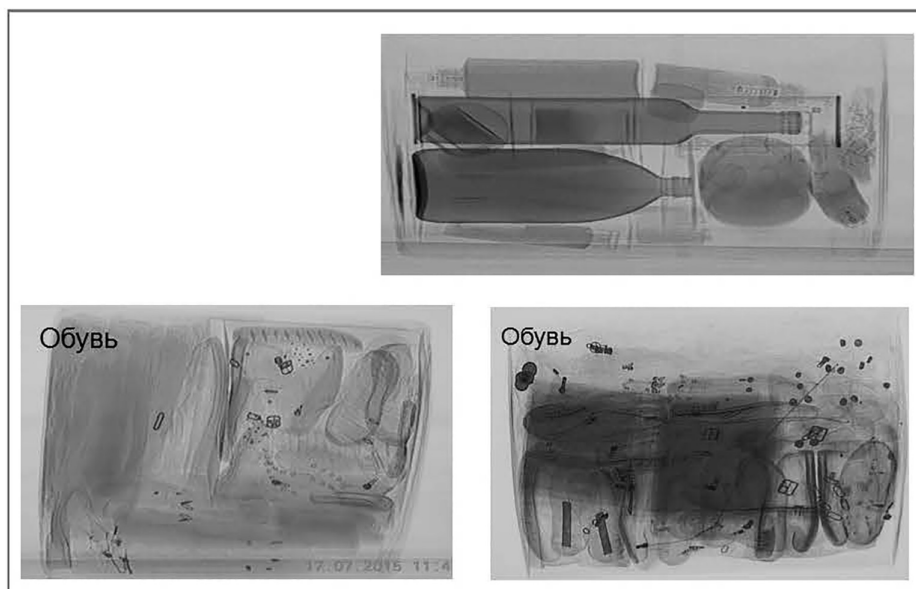

Рис. 4. Пример выявления контрабандных товаров с использованием ИДК

Одной из главных задач, возложенных на Центральное экспертно-криминалистическое таможенное управление, является экспертное обеспечение таможенных органов, в том числе и Шереметьевской таможни, при осуществлении таможенного контроля товаров, транспортных средств и других объектов, перемещаемых через таможенную границу ЕАЭС.

Существует ряд нормативно-правовых документов, которые регулируют порядок и особенности проведения экспертизы в таможенных целях:

1) ТК ЕАЭС (таможенную экспертизу и особенности ее назначения регулирует глава 53, ст. 388—396);

2) Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (глава 58, ст. 335—336);

3) Приказ Минфина России от 13.05.2019 № 68н «Об установлении случаев приостановления срока проведения таможенной экспертизы»;

4) Приказ ФТС России от 07.02.2019 № 204 «Об утверждении Порядка продления срока проведения таможенной экспертизы, Порядка уведомления декларанта или иного лица, обладающего полномочиями в отношении товаров, о продлении срока проведения таможенной экспертизы, Порядка приостановления сроков проведения таможенной экспертизы»;

5) Приказ ФТС России от 05.02.2019 № 180 «Об утверждении Порядка изъятия таможенных, транспортных (перевозочных), коммерческих и иных документов, средств идентификации таких документов и товаров для проведения таможенной экспертизы и формы акта об изъятии таможенных, транспортных (перевозочных), коммерческих и иных документов, средств идентификации таких документов и товаров для проведения таможенной экспертизы»;

¹³ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // СПС «КонсультантПлюс».

6) Приказ ФТС России от 17.01.2019 № 46 «Об утверждении формы заключения таможенного эксперта (эксперта) и Порядка заполнения заключения таможенного эксперта (эксперта)»;

7) Приказ ФТС России от 16.01.2019 № 34 «Об утверждении Порядка проведения таможенной экспертизы, формы решения таможенного органа о назначении таможенной экспертизы».

Таким образом, представленный анализ материалов судебной практики показал, что в деятельности таможенных органов часто встречаются случаи недостоверного декларирования товаров, ввозимых на таможенную территорию или вывозимых с нее участниками внешнеэко-

номической деятельности. Участникам внешнеэкономической деятельности следует точно и достоверно указывать информацию о товаре в декларации на товар. Таможенным органам, в свою очередь, следует более четко формулировать запросы экспертам при проведении таможенной экспертизы. Эксперты должны давать однозначные и четкие ответы и использовать все нормативно-правовые документы, средства, методы, способы в целях правильной идентификации и классификации товаров в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза¹⁴ (ТН ВЭД ЕАЭС).

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Международное гуманитарное право. Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. И.И. Котлярова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. — 303 с.

ISBN 978-5-238-03281-8

Рассматриваются понятие, принципы и источники международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, его отличие от стандартов в области прав человека. Акцентируется внимание на значении этой отрасли международного права в деле защиты жертв войны (раненых, больных, потерпевших кораблекрушение, военнопленных, гражданского населения), гражданских объектов, интересов нейтральных государств, окружающей среды, ограничения воюющих государств в выборе методов и средств ведения боевых действий, а также роли МККК в ее становлении и развитии.

Отмечается актуальность распространения знаний о международном гуманитарном праве в органах внутренних дел России и других силовых структурах, раскрывается значение института ответственности государств и физических лиц в деле предупреждения международных преступлений, роль Международного уголовного суда в обеспечении выполнения норм международного гуманитарного права.

Для курсантов, слушателей, адъюнктов, преподавателей образовательных организаций МВД России, практических сотрудников полиции, а также для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, специалистов, интересующихся проблемами международных отношений.

¹⁴ См.: Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 16.07.2012 № 54 (ред. от 20.10.2020) «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343.2.01
ББК 67.408.0

Жора Сейранович АЛЕКЯН,
аспирант Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации, следователь по особо важным делам
следственного отдела по Промышленному району г. Самара
следственного управления Следственного комитета
Российской Федерации по Самарской области
E-mail: alekyan.g@bk.ru

Научная специальность: 12.00.08 — Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

Научный руководитель: Голик Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор

ПОНЯТИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОШИБКИ В НАУКЕ ОБ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И ЕЕ ВИДЫ

Аннотация. В статье проводится анализ термина «юридическая ошибка». Автором рассматриваются различные подходы к определению указанного термина и предлагается определение, сформулированное на основе проведенного анализа. Кроме того, автор приводит классификацию юридической ошибки в уголовном праве.

Ключевые слова: уголовное право, ошибка, юридическая ошибка, негативная ошибка, позитивная ошибка, добросовестное заблуждение.

Zhora Seyranovich ALEKIAN,
Graduate student of the Moscow Academy
of the Investigative Committee of the Russian Federation,
Investigator for Particularly Important Cases
of the Investigative Department for the Promyshlennyj district of Samara
of the Investigative Department of the Investigative Committee
of the Russian Federation for the Samara region
E-mail: alekyan.g@bk.ru

THE CONCEPT OF LEGAL ERROR IN THE SCIENCE OF CRIMINAL LAW AND ITS TYPES

Abstract. The article analyzes the term "legal error". The author considers various approaches to the definition of this term and proposes a definition formulated on the basis of the analysis. In addition, the author gives a classification of a legal error in criminal law.

Keywords: criminal law, error, legal error, negative error, positive error, good faith misconception.

Феномен ошибки всегда сопровождает человеческую деятельность. Правильная оценка с позиции уголовного права деяния лица, совершившего преступление и действовавшего в условиях сознательного заблуждения, предполагает рассмотрение как философских, так и правовых аспектов формирования ошибки на уровне сознания индивидуума.

Философские аспекты формирования ошибки не являются предметом анализа в данной работе. Однако не отметить тот факт, что при установлении виновности лица в преступном деянии неизбежно приходится обращаться и к философским категориям, не совсем верно.

Несомненно, правильность функционирования каждой ветви власти, согласованность меж-

ду законодательным регулированием и реально оказывают весомое влияние на жизнь в государстве. Кроме того, допущенные, например, при разрешении дел ошибки вполне могут стать фатальными при принятии окончательного решения судом. В общем и целом можно сказать, что проблема ошибки в праве является постоянной, так как, сколько по времени существует право, столько же существует и ошибка в праве.

В данной статье проанализируем юридическую ошибку в уголовном праве. Прежде всего, необходимо понять, что же, собственно, такое ошибка, как ее трактует научная литература, законодательство, дать ее определение.

Законодательством не закрепляется понятие ошибки в праве. В научной литературе также не существует единого подхода к определению этого понятия.

Если обратиться к словарю С.И. Ожегова, можно найти определение слова «ошибка» как «неправильности в действиях, мыслях». При этом, по указанному словарю, «ошибочный» означает «содержащий в себе ошибку»¹.

А.Б. Лисюткин предложил следующее определение ошибки. Им было высказано мнение, что ошибка — это разрыв, который произошел в процессе положительной деятельности из-за конкретного дефекта либо из-за того, что определенную цель невозможно достигнуть². Кроме того, им также отмечалась важная особенность: правовая ошибка происходит при реализации юридически значимой деятельности и должна быть существенной, а также способствовать тому, что возникают, изменяются или прекращаются правовые отношения.

Ю.П. Боруленков делает справедливый вывод о том, что некоторыми учеными и практическими работниками под ошибкой понимается откровенное нарушение закона. Однако, по его мнению, правовое невежество не должно переводить нарушение закона в разряд правовой ошибки³.

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. С. 487.

² Лисюткин А.Б. О понятии категории «ошибка» в юриспруденции: логико-философский аспект // Правоведение. 1996. № 3 (214). С. 23, 25.

³ Боруленков Ю.П. Очная ставка. Устраняем противоречия? // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, имена (к 90-летию профессора Р.С. Белкина): сборник материалов 53-х криминалистических чтений: в 3 ч. М., 2012. Ч. 3. С. 22—23.

М.Б. Фаткуллина ошибку трактует как неверное знание. Его лицо получает, находясь в заблуждении в отношении деяния, которое оно совершает, а точнее, в отношении юридических обстоятельств этого деяния⁴.

Фаткуллина выделяет две формы ошибки: «мнимую идеальную совокупность преступлений» и «мнимую реальную совокупность преступлений», предлагая дополнить уголовный закон самостоятельным термином и включить в Уголовный кодекс Российской Федерации статью о юридической ошибке⁵.

Таким образом, можно отметить отсутствие единства в понимании и определении понятия «ошибка».

Ошибку можно определять в качестве модели того, как лицо себя ведет. Такое представление основывается на том, что лицо заблуждается в чем-то, что, в свою очередь, приводит к отрицательным последствиям как для него самого, так и для общества. Чаще всего такие ошибки влекут за собой определенного рода ответственность.

Осложняется сложившаяся ситуация еще и тем, что современная юридическая наука использует в качестве инновационного понятия термин «дефект права».

Анализируя этимологию слова «дефект», можно сказать, что оно применяется в сферах, связанных с техническими и естественными науками⁶, а именно в сочетании с физическим объектом (например, дефект товара) либо физическим или психическим явлением (например, дефект масс)⁷. Отметим, что словарь С.И. Ожегова под дефектом понимает «изъян, недостаток, недочет»⁸.

Позиция относительно данного термина в научной литературе является неоднозначной.

Особенно ярко позиции неприятия термина «дефект права» придерживаются представители правовой лингвистики, которые считают, что

⁴ Фаткуллина М.Б. Юридические и фактические ошибки в уголовном праве: проблемы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Екатеринбург, 2001. С. 12.

⁵ Там же. С. 15—16.

⁶ Масловская М.В. О некоторых дефектах избирательного права // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 18. С. 9—13.

⁷ Сибгатуллина Г.Р. Понятия «дефект права» и «юридическая ошибка» в современной юридической науке // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1. С. 221.

⁸ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. С. 163.

является абсолютно некорректным использование естественно-научного понятия в тексте нормативных правовых актов и правовой науке⁹.

На наш взгляд, некорректно само отождествление указанных терминов. Попробуем объяснить нашу точку зрения. В случае дефекта всегда предполагается результат. И чаще всего данный результат носит отнюдь не положительный характер. А при юридической ошибке последствия могут быть и со знаком плюс.

Наличие широкого спектра мнений по поводу того, как же все-таки определять термин «ошибка», обуславливается довольно-таки широким понимаем указанного термина как с философской, так и с психологической точек зрения.

Ошибка есть неверное знание, сформированное под воздействием заблуждения об объективных и субъективных признаках вредоносного деяния, в том числе об обстоятельствах, исключающих вредоносность такового.

Причины, по которым могут возникать ошибки, абсолютно разнообразны. Ошибка может быть и следствием того, что отсутствуют знания о предмете деятельности (психической, физической). Причиной может быть обладание искаженными знаниями либо банальная невнимательность.

Помимо того, что научная литература не предполагает единого понимания термина «ошибка», единой классификации видов ошибки также нет. Основания классификации абсолютно различны. Например, в зависимости от предмета ошибку делят на юридическую и фактическую; по причинам возникновения подразделяют на извинительную и неизвинительную; по социально-психологической природе делят на виновную и невиновную.

Кроме того, наряду с общепризнанной классификацией ошибок как юридических и фактических, предлагалась дополнительная классификация ошибок, позволяющая дифференцировать правила квалификации, подлежащие включению в уголовный закон, и правила, требующие лишь доктринального рассмотрения.

Представим классификацию юридической ошибки. Предполагается наличие двух ее видов.

В основе первого вида — понимание лицом общественной опасности и уголовной противоправности деяния, которое оно совершает. В этом виде ошибки можно выделить:

- ошибку преступления, иначе говоря — негативную ошибку;

- ошибку наказания, иначе говоря — позитивную ошибку.

В основе второго вида — уголовно-правовая квалификация и наказуемость.

Негативная юридическая ошибка — ошибка, при которой лицо предполагает, что в совершаемом им деянии нет признаков общественной опасности и уголовной противоправности. Вместе с тем указанное деяние и есть преступление.

Проанализируем условия, при которых действует данное положение:

- лицо заблуждается относительно общественной опасности и уголовной противоправности и поэтому неправильно оценивает юридические обстоятельства того деяния, которое совершает;
- лицо неправильно оценивает факт, что указанное деяние относится к общественно опасным и наказуемым;
- уголовный закон это деяние относит к преступным;
- у лица на самом деле отсутствует информация об уголовно-правовом запрете.

Отсутствие данной информации может быть связано с местностью, в которой лицо проживает; может быть не опубликован уголовный закон, который вступил в законную силу; деяние криминализировано незадолго до того, как было совершено; официальное толкование закона является ошибочным и т.д.

Позитивная юридическая ошибка — неправильная оценка лицом совершенного деяния в качестве преступления, в то время как уголовный закон это деяние не относит к преступным или наказуемым. Иначе говоря, оно не причиняет и не может причинить вред общественным отношениям в связи с тем, что у него нет признаков, характеризующих общественную опасность и уголовную противоправность.

Анализируя позитивную юридическую ошибку, можно отметить следующие условия:

- лицо неправильно оценивает обстоятельства совершаемого деяния, имеющие юридический характер; неверная оценка связана с заблуждением относительно общественной опасности и уголовной противоправности;
- уголовный закон не содержит ту норму, которая лицом якобы нарушается (поэтому указанное деяние нельзя признать уголовно-противоправным).

Такое деяние не влечет уголовную ответственность.

⁹ Сибгатуллина Г.Р. Указ. соч. С. 221.

Данная юридическая ошибка, которая выражается в осознании наличия уголовно-правового запрета, относится к добросовестному заблуждению лица о том, запрещается совершаемое им деяние или нет.

В целом ситуации добросовестного заблуждения довольно обширны, поэтому попробуем их систематизировать, для чего необходимо выделить два критерия.

Первым критерием является причина заблуждения. В данном критерии предполагаются два варианта проявления:

- дефект в правотворчестве;
- дефект в восприятии лицом установленных нормативных требований.

Второй критерий — характер ошибки. Здесь также два варианта проявления:

- лицо не знает, что имеет место уголовно-правовой запрет;
- лицо не знает содержание данного запрета.

Сейчас общественные отношения регулируются достаточно сложно, в связи с тем, что существует разнообразная система взаимосвязанных норм, при этом рассредоточенных в разных источниках права. В данной системе встречаются определенные внутренние противоречия, неоднозначные толкования предписаний и др.

Причины того, что положения законодательства часто понимаются неверно, могут заключаться и в том, что лицами учитываются комментарии СМИ, консультации адвокатов, юристов, позиции, которые выражают суды в процессе принятия решений по сходным делам, однако они могут не относиться к конкретной категории дел и не быть идентичными рассматриваемой ситуации.

Кроме того, положения нормативных актов могут быть непонятны. Отсюда и непонимание правомерности или неправомерности того или иного поведения.

Несмотря на то, что граждане могут и добросовестно относиться к своим обязанностям, у них может не быть возможности ознакомиться с новыми нормами и запретами, например, в условиях длительных экспедиций, дальнего плавания и т.д.

В нашей стране преобладает презумпция знания закона. В чем она заключается? Как только закон или изменения в закон вступают в силу, то они применяются по отношению ко всем деяниям, которые они рассматривают и признают как преступные. В законодательстве нашей страны априори считается, что с того

момента, как принят закон, как в него внесены изменения, запрещение тех или иных деяний является автоматическим. Связано это с тем, что законы и изменения в них публикуются в источниках, которые являются доступными. Однако на деле это не совсем так.

На наш взгляд, не совсем верно принимать за аксиому тот факт, что опубликование равняется знаниям населения об общественной опасности того или иного деяния. Фактически лишь малый процент населения действительно знакомится с новыми правовыми актами, изменениями в правовые акты, знает, что то или иное действие (бездействие) является общественно опасным и уголовно наказуемым. Чаще всего ситуация складывается противоположно. Граждане не знакомятся предварительно с правовыми актами и их изменениями, не осмысливают содержание изменений, даже если знакомятся с ними.

Указанное также является проблемой. По нашему мнению, более правильным будет отказаться от восприятия презумпции знания закона как аксиомы. Мнение о том, что население знает закон, необходимо рассматривать в качестве предположения, которое, в свою очередь, можно и опровергнуть.

Подводя итог, можно отметить, что феномен ошибки существует довольно давно практически во всех сферах жизнедеятельности. Не является исключением и ошибка в праве, в законодательстве. Основной фактор, который сопровождает ошибку, — неправильные действия, мысли. Особым значением обладают ошибки, которые совершаются в юридической форме.

Исследовав и проанализировав термин «юридическая ошибка в уголовном праве», можно сказать, что сегодня в научной юридической литературе нет единого мнения о нем.

Наиболее полно юридическую ошибку можно определить как неверное понимание лицом юридической сущности дела, а также его последствий, то есть неправильное представление лица о преступности совершенного им деяния и его последствиях.

Те ценности, которые формируются в процессе жизнедеятельности и понимаются как критерии для оценки всех явлений, играют важную роль в том, чтобы установить признаки конкретного преступного деяния, так как именно ими обусловлена значимость того или иного объекта, охраняемого уголовным правом.

Ошибка имеет несомненную связь с интеллектуально-волевыми и эмоциональными процессами психической деятельности человека, входит в их содержание, однако оказывает влияние на форму проявления и специфику, особенности содержания психического в общем и целом.

Когда человек реализует общественно значимую активность, но при этом совершает ошибку, это неизбежно влечет за собой отрицательные последствия для тех, кто этого человека окружает, а также порождает вопрос о том, какова социальная ответственность данного лица.

В уголовном праве нашей страны отсутствует цельный институт ошибки. Все представлено несколько фрагментарно, что, конечно же, не способствует формированию единообразной практики применения закона. Тот факт, что уголовное законодательство нашей страны не содержит положений, непосредственно регламентирующих ошибку, является пробелом уголовного права, который необходимо восполнить.

Наличие дефектов в правосознании граждан нашей страны, наличие дефектов в правовой культуре видится нам как основа в формировании преступного поведения и ошибок в уголовном праве. Тот факт, что граждане не знают закон, свидетельствует о низком уровне правосознания и правовой культуры общества. При этом достаточно большое количество лиц относит себя к приверженцам правового нигилизма¹⁰. Поэтому, на наш взгляд, явственна связь ошибки с уголовно-правовыми отношениями. Ошибка включается в саму структуру юридического факта и порождает преступление и соответствующую ответственность за него.

По нашему мнению, для восполнения существующих пробелов в законодательстве и устранения проблем в теории уголовного права необходимо законодательно закрепить термин «юридическая ошибка», что позволит добиться единообразия правового регулирования и практики применения, а также даст возможность правильно понимать указанный термин, а следовательно, избежать неточностей в теории и практике.

¹⁰ Ефремов А.В. Правосознание и правовая культура в Российской Федерации: проблемы становления и пути решения // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 6. С. 81—82.

УДК 347.72.03
ББК 67.404.013.11

Евгения Александровна БОРЗЫХ,
аспирант Ленинградского государственного
университета им. А.С. Пушкина
E-mail: evgeniia.borzykh@gmail.com

Научная специальность: 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством
(экономика предпринимательства)

Научный руководитель: *Космачёва Надежда Михайловна*,
доктор экономических наук, профессор

КОРПОРАТИВНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ В РОССИИ: ОБЗОР СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В РАМКАХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки формирования института корпоративного договора в России, проблематика практического применения конструкции корпоративного договора современным российским предпринимательским сообществом, оценивается релевантность выбранного законодателем подхода к формированию отдельных нормативных положений о корпоративном договоре, сделан вывод о перспективах развития института корпоративного договора в России, который способен стать эффективным инструментом обеспечения устойчивости экономического оборота, повышения инвестиционной привлекательности и увеличения капитализации российских предпринимательских структур.

Ключевые слова: корпоративный договор, корпорация, бенефициары, экономический оборот, бизнес-сообщество, институт.

Evgeniia Aleksandrovna BORZYKH,
Graduate student of Pushkin Leningrad State University
E-mail: evgeniia.borzykh@gmail.com

CORPORATE AGREEMENTS IN RUSSIA: AN OVERVIEW OF THE FORMATION OF THE INSTITUTION AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT IN THE FRAMEWORK OF THE INSTITUTIONAL ECONOMY

Abstract. The article discusses the prerequisites for the formation of a corporate contract institution in Russia, the problems of the practical application of the corporate contract design by the modern Russian business community, assesses the relevance of the approach chosen by the legislator to the formation of individual regulations on the corporate contract, concludes the prospects for the development of the corporate contract institution in Russia, which can become an effective tool to ensure the sustainability or economic turnover, increase investment attractiveness and capitalization of Russian business structures.

Keywords: corporate agreement, corporation, beneficiaries, economic turnover, business community, institution.

Корпоративный договор как правовая конструкция не является отечественным изобретением. В период своего становления и на ранней стадии применения корпора-

тивных договоры в мировой практике заключались как соглашения *sui generis* (своеобразные, единственные в своём роде) в силу принципа свободы договора.

Свобода договора, которая, по утверждению профессора К. Осаке, является «ключевым принципом англо-американского договорного права, основным началом рыночной экономики и краеугольным положением англо-американской политической философии»¹, долгое время служила, в частности в США и Великобритании, единственным юридическим основанием корпоративных договоров.

В настоящее время во многих мировых правовых порядках допускается возможность заключения участниками корпораций корпоративных договоров. Однако их правовая природа и правоприменительный статус, а также порождаемые такими договорами правовые последствия не идентичны.

Приведем несколько примеров.

В правовой системе Швейцарии (в силу доктрины невозможности распространения действия условий корпоративных договоров на общество, получившей закрепление в судебной практике с решения Коммерческого суда кантона Цюрих от 26 марта 1970 г.) акционеры вправе заключать только соглашения о голосовании и распоряжении правами на акции, вследствие чего корпоративные договоры представляют собой обязательно-правовые соглашения.

По праву Германии корпоративные договоры также являются обычными гражданско-правовыми соглашениями, не связывающими ни корпорацию, ни её органы управления. Корпоративный договор не может изменять императивные положения закона, зафиксированные в уставе, в таком договоре не могут содержаться вопросы управления корпорацией, главенствующее место в системе корпоративных документов принадлежит уставу, а корпоративным договором могут быть изменены исключительно диспозитивные нормы.

В правовой системе Италии корпоративные договоры имеют императивное ограничение как по предмету, так и по сроку действия: в стране отсутствует право на заключение бессрочных корпоративных договоров, стороны вправе заключить корпоративный договор на срок не более пяти лет. Кроме того, в Италии даже на уровне судебной практики не признается возможность распространения условий корпоративного договора на само общество.

¹ Осаке К. Свобода в англо-американском праве: понятие, сущность и ограничения // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 85.

Напротив, в праве Великобритании корпоративный договор рассматривается как корпоративный акт, который может быть использован для изменения устава непубличной корпорации, корпоративный договор имеет преимущественное значение по сравнению с уставом корпорации, а в качестве учредительного документа такой договор становится обязательным как для его сторон, так и для всех заинтересованных лиц.

А что же у нас?

Предпосылки к появлению института корпоративного договора в российском праве появились еще в начале 90-х годов XX века, когда данная конструкция получила распространение среди инвестиционных компаний. В данном контексте также следует отметить, что большинство акционерных обществ в России того времени представляли собой «индивидуальные» фирмы либо партнерства, которые в процессе приватизации были облечены в правовую форму корпорации, а несоответствие формы и содержания породило многочисленные конфликты².

Признание корпоративного договора на уровне законодательства и судебной практики произошло в 2009 году в виде акционерного соглашения и договора об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью. В 2014 году законодатель ввел в Гражданский кодекс Российской Федерации общую норму о корпоративном договоре, которая распространяет свое действие на его виды, предусмотренные специальным законодательством³.

В процессе реализации отечественной реформы корпоративного законодательства российский законодатель пошел по пути заимствования положений как англосаксонского, так и континентального права⁴.

На первом этапе реформы была реципирована континентально-правовая модель корпоративного договора, в ходе второго этапа произошло заимствование правовых черт англо-американской системы. Таким образом, в настоящее время российская модель корпоративного дого-

² Потанин В.О. Корпоративное управление: на пути к «российской модели» // Россия в глобальной политике. 2003. № 3. С. 198.

³ Борзых Е.А. Проблема развития института корпоративного договора в России // Экономика нового мира. 2019. Т. 4, № 2 (14). С. 11–12.

⁴ См.: Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014.

вора сочетает в себе черты как европейского, так и англо-американского права⁵.

Важно отметить, что при подготовке реформы корпоративного законодательства институт корпоративного договора выступил одним из камней преткновения, не позволявшим в течение длительного времени принять изменения в главу 4 Гражданского кодекса Российской Федерации⁶. Юристы и представители бизнес-сообщества вели активные дискуссии относительно того, какие вопросы могут регулироваться в рамках данного договора, кто может выступать его стороной, какова должна быть ответственность за неисполнение договора, можно ли регулировать на уровне такого соглашения вопросы управления компанией и пр.

Особые опасения с данным договором связывали представители академического сообщества. Так, Е.А. Суханов, заведующий кафедрой гражданского права Московского государственного университета, заместитель председателя Совета по кодификации, в одном из своих интервью назвал корпоративное соглашение «бомбой под весь наш оборот»⁷. Ученый выступил с резкой критикой положений о предоставлении участникам обществ возможности заключать корпоративные договоры с третьими лицами, изменении на договорном уровне структуры органов управления хозяйственным обществом — всё это, по мнению ученого, способно породить лишь новые злоупотребления, недобросовестные схемы ведения бизнеса, нарушения прав и интересов иных участников и самого общества.

В то же время бизнес-сообщество, напротив, настаивало на расширении сферы применения корпоративных соглашений по типу англо-американской модели. Предлагалось, в частности, закрепить возможность регулирования на уровне

не корпоративного соглашения структуры управления компанией.

Итогом дискуссии стали действующие положения Гражданского кодекса Российской Федерации о корпоративном договоре, которые можно назвать компромиссными, что, в свою очередь, не позволяет говорить об их концептуальной стройности, выверенности и, соответственно, безусловной эффективности: одна часть вопросов осталась не урегулирована, большая же часть, напротив, получила достаточно жесткое регламентирование.

Возможно ли найти объяснение такому подходу российского законодателя к регулированию института корпоративного соглашения?

Полагаем, причины следует искать в стремлении законодателя найти баланс между интересами бизнеса (в первую очередь крупного) и желанием привести российское корпоративное законодательство как минимум к уровню развития ведущих стран Европы и США, а как максимум — найти свою собственную уникальную российскую концепцию, которая бы совмещала в себе лучшие (по мнению разработчиков) мировые практики, переложенные на отечественную правовую и экономическую действительность.

Принимая во внимание, что вышеуказанная задача сама по себе непростая в исполнении, а в условиях масштабов реформирования законодательства того времени, осуществляемого практически одномоментно и в отношении существенного количества отраслей права и институтов, результат такого реформирования не вызывает удивления, скорее, сожаление и желание вернуться к обсуждению данного вопроса.

При этом суть компромисса и состоит в том, что в полном объеме не выигрывает ни одна из сторон. И на наш взгляд, бизнес-сообщество получило гораздо меньшее, чем то, на что могло бы и имело право рассчитывать.

О чем в данном контексте возможно говорить? На какие профиты могли бы рассчитывать участники экономического оборота при использовании конструкции корпоративного договора при должном урегулировании отдельных его нормативных положений и регламентации? Какого рода положительную монетизацию может принести реальному экономическому сектору заключенный корпоративный договор?

Представляется, что рассуждать возможно в следующих направлениях.

⁵ Борзых Е.А. Институт корпоративного договора в современном российском экономическом обороте // Проблемы и пути социально-экономического развития: город, регион, страна, мир: IX международная научно-практическая конференция (Санкт-Петербург, 6—7 декабря 2018 г.): сборник статей. СПб: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2019. С. 42.

⁶ См.: Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2016.

⁷ «Корпоративное соглашение — это бомба под весь наш оборот»: интервью Евгения Суханова // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/discussion/2014/7/11/korporativnoe_soglashenie_eto_bomba_pod_ves_nash_oborot_intervyu_evgeniya_suxanova (дата обращения: 10.11.2020).

Пожалуй, самым примечательным профитом с экономической точки зрения может служить опционально предусмотренная российским законодателем возможность корпоративного договора «страховать» корпорации от случаев корпоративных дедлоков, или, если сказать иначе, тупиковых ситуаций, при которых необходимое для нормального функционирования бизнеса корпоративное решение не может быть принято ввиду дисбаланса либо противоречивости корпоративных интересов участников корпорации. Причем проблема может возникнуть и быть купирована как на уровне собственников бизнеса (общее собрание участников/акционеров), так и на иных корпоративно-организационных уровнях (советы директоров, правления, коллегиальные исполнительные органы и пр.).

Также следует отметить, что потенциально конструкция корпоративного договора позволяет в достаточной степени демократично выстроить отдельные внутрикорпоративные бизнес-процессы, реализовать альтернативные нормативно установленным концепции внутрикорпоративной структуры, сделать ее более гибкой и восприимчивой к внешним изменениям, тем самым обеспечив дополнительный корпоративный комфорт и сокращение сроков реагирования на меняющиеся обстоятельства либо реализующиеся риски для собственников бизнеса и менеджеров, потенциальных инвесторов, текущих и будущих кредиторов, стратегических партнеров. Безусловно, подобные возможности могут стать существенным конкурентным преимуществом в условиях волатильного рынка.

В качестве не менее важной и экономической значимой опции корпоративного договора может быть обозначена возможность применения положений корпоративного договора в целях внесудебного урегулирования корпоративных конфликтов. В данном контексте следует отметить, что именно корпоративные конфликты, как показывает практика, наносят наиболее ощутимый вред корпорациям, принося как существенные (а иногда и катастрофические) финансовые потери, так и не менее (а иногда и более) значимые репутационные потери. Зачастую происходит и так, что такие гражданско-правовые конфликты, вырастая из корпоративных правоотношений, перерастают во вполне реальные уголовные дела.

В связи с этим способность корпоративным договором превентивно регулировать потенциальные корпоративные конфликты (возникающие, в частности, при избрании органов корпо-

раций, продаже, выкупе долей/акций, вхождении новых участников и пр.) видится в экономическом отношении реально действенным инструментом минимизации указанных корпоративных рисков и следующих за ними финансовых расходов, не исключая в числе прочего риск утраты как самого бизнеса, так и личного имущества бенефициаров.

Важно сказать также и о той роли, которую играет корпоративный договор в обеспечении корпоративной устойчивости, поддерживая баланс корпоративных интересов и минимизируя риск появления в структуре органов управления корпорацией нежелательных лиц, в отношении бенефициаров — риск потери корпоративного контроля над бизнесом, в отношении самой корпорации — риск утраты значимых активов.

Не менее значимую роль в обеспечении устойчивости бизнеса играет и степень прогнозируемости корпоративных решений, что, в свою очередь, способно внести ценный вклад в инвестиционную привлекательность корпорации.

Недопустимо также, говоря о преимуществах заключения корпоративного договора, не указать на такой договор как на инструмент нефинансового обеспечения обязательств корпорации, что в результате создает для бизнеса кредитные возможности, не связанные с отвлечением либо временным блокированием активов корпорации.

Резюмируя вышеизложенное, представляется возможным сделать обоснованный вывод: применение корпоративного договора может дать корпорации существенные экономические и конкурентные преимущества, что, при использовании комплексного подхода и масштабировании положительного опыта, потенциально способно привести к повышению уровня стабильности и эффективности экономического оборота в России в целом и на конкретных рынках, наиболее подверженных волатильности и нуждающихся в дополнительных внешних инвестициях, в частности.

Тем не менее, несмотря на весь ширококомпонентный потенциал, в современной отечественной практике предпринимательского сообщества данный правовой инструмент не получил повсеместного признания и распространения.

Основываясь на результатах аналитики и оценки причин такой недостаточной востребованности корпоративного договора в текущих экономико-правовых реалиях, возможно выде-

лить нижеследующие объективно существующие обстоятельства и факторы, оказывающие существенное влияние на восприимчивость к возможностям данного института со стороны российского бизнес-сообщества и исследователей в сферах права и экономики.

1. Информация о заключении (а в отдельных случаях и о содержании) корпоративного договора в России публичная, что следует из императивных положений статьи 67.2 Гражданского кодекса Российской Федерации⁸.

Что это значит для бизнеса? Если тезисно — все, о чем вы договариваетесь, будут знать банки, иные кредиторы, партнеры, любые заинтересованные третьи лица, которые при проведении процедур проверки (мониторинга) контрагентов могут запросить информацию о содержании корпоративного договора либо даже его текст. Подобная публичность далеко не во всех случаях оказывает позитивное влияние на хозяйственный оборот, не способствует достижению целей заключения корпоративного договора и зачастую противоречит экономическим интересам корпорации, в связи с чем не вызывает у бизнеса положительного отклика.

2. Качество функционирования отечественной судебной системы, не позволяющее в должной мере обеспечивать минимизацию рисков в случаях неисполнения положений корпоративного договора, равно как и отсутствие устоявшейся и единообразной правоприменительной практики по отношениям, вытекающим из корпоративного договора. Данный факт также не способствует распространению корпоративного договора в бизнес-среде, поскольку, даже оценив все профиты данного института, затратив время и ресурсы на заключение корпоративного договора и его исполнение, стороны не могут быть в полной мере убеждены в наличии надлежащей судебной защиты своих корпоративных интересов и притязаний в случаях недобросовестного поведения противной стороны корпоративного договора.

3. Личностная субъективная неготовность участников российского экономического оборота (в первую очередь конкретных бенефициаров) закрывать операционные задачи с риском блокирования (утраты) корпоративного контроля (даже временного, даже под условиями наступления обстоятельств либо рисков с невысокой степенью вероятности реализации).

4. Низкий уровень правовой грамотности значительной части российского бизнес-сообщества, отсутствие соответствующей просветительской работы со стороны уполномоченных и компетентных органов, недостаточный уровень правового сопровождения бизнеса, отсутствие в штате корпораций специалистов необходимого уровня правовой квалификации.

5. Иные сопутствующие факторы, как, например, нарабатанный годами практики применения существенный лимит доверия к зарубежным альтернативным институтам со схожими функционалом и возможностями (в первую очередь предлагаемым английским правом), сопряженный с недоверием к отечественной судебной-правовой системе, дополненные высокой степенью личного доверия к бизнес-партнерам (зачастую связанной с родственными либо дружескими бизнес-отношениями).

Значит ли это, что институт корпоративного договора в России не имеет позитивного будущего и не будет в полной мере своих возможностей воспринят и акцептован отечественным бизнес-сообществом?

Возможно ли, используя нарабатанную за прошедший с момента реформирования период правоприменительную практику и проведя должную аналитику, предпринять какие-либо шаги в целях создания мотивации к более широкому применению данного корпоративного инструмента?

Ответить на данный вопрос можно уверенно утвердительно. Российский законодатель заложил в институт корпоративного договора значительное количество позитивных опциональных возможностей, способных эффективно содействовать стабилизации и повышению качественных экономических характеристик участников российского рынка.

Однако, как и любой иной институт, бизнес-процесс либо алгоритм, корпоративный договор, безусловно, нуждается в ответственной и всесторонней аналитике качества применения на постоянной основе и своевременных необходимых «донастройках» по результатам прохождения каждой из таких «контрольных точек».

На текущем этапе возможными направлениями для подобной аналитики и корректировочных мероприятий, по нашему мнению, могут являться такие аспекты применения и самой функциональной наполненности корпоративного договора, как конфиденциальность содержания; стабилизация и унификация правоприменительной практики по спорам, вытекающим из корпоративного договора; прида-

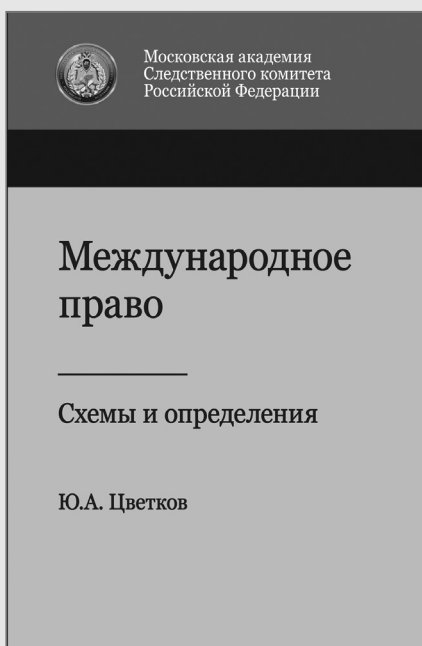
⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

ние весомости и неотвратимости правовым последствиям случаев неисполнения положений корпоративного договора; лояльность в отношении юрисдикции и права, применяемого к корпоративным отношениям, а также подсудности соответствующих споров; активное включение в формирование соответствующих позиций и лучших практик профессионального экономического и юридического научных сообществ; открытость и восприимчивость законодателя к позициям, выражаемым такими сообществами.

В заключение представляется возможным констатировать, что при должной и качественной нормативной и реализационной настройке институт корпоративного договора способен стать достойным инструментом повышения эффективности функционирования российских предпринимательских структур, в том числе предоставляя возможность качественного прогнозирования корпоративных решений, минимизируя корпоративные риски, стабилизируя тем самым экономический оборот, повышая инвестиционную привлекательность и увеличивая капитализацию российских компаний.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Цветков, Юрий Анатольевич. Международное право. Схемы и определения: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки «Юриспруденция», «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Правоохранительная деятельность» / Ю.А. Цветков. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. — 167 с.

ISBN 978-5-238-03325-9

В учебном пособии в схематическом виде представлены все основные разделы учебной дисциплины «Международное (публичное) право», даны определения основных институтов и понятий.

Для студентов юридических вузов.

УДК 343.136
ББК 67.410.212

Святослав Олегович МАХТЮК,
аспирант кафедры уголовного процесса
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации, заместитель руководителя
третьего отдела по расследованию особо важных дел
следственного управления Следственного комитета
Российской Федерации по Калужской области
E-mail: makhtyuk@gmail.com

Научная специальность: 12.00.09 — Уголовный процесс

Научный руководитель: *Цветков Юрий Анатольевич*, заведующий научно-исследовательским
отделом Московской академии Следственного комитета Российской
Федерации, кандидат юридических наук, доцент

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ИЛИ АМБИЦИИ: К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ И РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА

Аннотация. Автор обосновывает признание контрольных полномочий руководителя следственного органа необходимыми по отношению к следователю. Опровергается точка зрения о том, что самостоятельность следователя в уголовном процессе необоснованно и излишне ограничена в связи с введением фигуры руководителя следственного органа.

Ключевые слова: процессуальный контроль, процессуальная самостоятельность, руководитель следственного органа, самостоятельность следователя, независимость следователя, процессуальное доминирование.

Svyatoslav Olegovich MAKHTYUK,
Graduate student of the Department of Criminal Procedure
of the Moscow Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation
E-mail: makhtyuk@gmail.com

INDEPENDENCE OR AMBITION: ON THE ISSUE OF PROCEDURAL INTERACTION BETWEEN THE INVESTIGATOR AND THE HEAD OF THE INVESTIGATIVE BODY

Abstract. The author justifies the recognition of the control powers of the head of the investigative body as necessary in relation to the investigator. The author refutes the point of view that the investigator's independence in criminal proceedings is unreasonably and unnecessarily restricted due to the introduction of the figure of the head of the investigative body.

Keywords: procedural control, procedural independence, head of the investigative body, independence of the investigator, procedural dominance.

В знаменитом сатирическом романе «О дивный новый мир» Олдос Хаксли так описывает распределение социальных ролей в антиутопическом обществе: «Альфы могут быть вполне добротными членами общества, но при том лишь условии, что будут выполнять работу альф. Только от эпсилона можно требовать жертв, связанных с работой эпсилона, — по той простой причине, что для него это не жертвы, а линия наименьшего сопротивления»¹.

Позитивными усилиями законодателя и правоприменителей современный уголовный процесс далек от сравнений с антиутопией. Тем не менее и в мире уголовного судопроизводства есть «альфы» и «эпсилоны», сохраняющие свою идентичность и крайне трудно воспринимающие изменения в распределении ролей. «Процессуальным кастам» руководителей следственных органов, следователей и прокуроров посвящена настоящая статья. Стал ли за период с 2007 года руководитель следственного органа «достойным членом общества» уголовного процесса, частично выполняя прежнюю роль прокурора? Ведомственная подконтрольность следователя — линия его наименьшего сопротивления или жертвование самостоятельностью?

Эффективность реформы уголовно-процессуального законодательства, начало которой было положено почти 20 лет назад, по-прежнему является предметом не только правоприменительных разногласий, но и научных дискуссий.

Анализируя произошедшие в законодательстве и юридической практике изменения, следует отметить, что за истекший период масштабные изменения претерпела модель работы органов прокуратуры. Так, в 2002 году от прокуроров суду были делегированы полномочия по разрешению использования мер пресечения и следственных действий, связанных с ограничением прав граждан. Спустя 5 лет, в 2007 году, удар законодателя лишил прокуратуру собственных следственных подразделений, а также большей части ключевых надзорных полномочий в сфере уголовно-процессуальной деятельности.

Последнее из указанных реформенных изменений неразрывно связано с появлением в уголовно-процессуальном мире фигуры руководителя следственного органа, которому и были переданы контрольные полномочия прокурора в отношении следователей.

Разграничение функций между основными участниками уголовного судопроизводства со

стороны обвинения: прокурором, следователем и руководителем следственного органа — уже длительное время обоснованно вызывает неподдельный интерес со стороны научного сообщества. Перераспределение полномочий названных субъектов, действующих, казалось бы, в одном направлении, — это тот случай, когда от перестановки слагаемых может измениться итоговая сумма — качество и оперативность реализации целей уголовного процесса.

Наиболее остро происходящие изменения воспринимаются с точки зрения идентичности следователя. Являясь ключевой фигурой предварительного расследования, создавая непосредственный информационно-правовой продукт в виде уголовного дела², именно следователь с его положением в уголовном процессе является отражением всей государственно-правовой политики в рассматриваемой сфере, своеобразной лакмусовой бумагой разделения правоохранительных властей.

При этом статус следователя нуждается в четком определении не только на межведомственном уровне, но и институциональном, структурном. Используя терминологию синергетики, будет справедливым утверждать, что внедрение в 2007 году в самоорганизованную систему уголовного судопроизводства субъекта руководителя следственного органа ввело эту систему в состояние энтропии — хаотичности и неопределенности.

Для придания системе стабильности целесообразно определить понимание процессуальной самостоятельности следователя, ее соотношение с контрольно-организационными полномочиями руководителя следственного органа. Рассмотрение данного вопроса возможно в двух плоскостях, соответствующих дуалистической природе руководителя следственного органа: процессуальной и административной (управленческой). Однако, оставляя за скобками ранее предложенное восприятие руководителя следственного органа как топ-менеджера современного уголовного процесса³, сфокусируемся именно на процессуальном взаимодействии и соот-

² Цветков Ю.А. Управление в следственных органах. Курс лекций: учеб. пособие / под ред. А.И. Бастрыкина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. С. 29.

³ Махтук С.О. Топ-менеджмент в современном уголовном процессе: новые аспекты привычного понятия (ст. 39 УПК РФ) // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 2. С. 140—144.

¹ Хаксли О. О дивный новый мир: [роман] / [пер. с англ. О. Сороки]. М.: АСТ, 2019. С. 244.

ношении следователя и руководителя следственного органа.

Базисом в разрешении поставленной задачи является осознание, что основная функция руководителя по отношению к следователю — осуществление контроля. Ранее нами было сформулировано важное для понимания этого определение контроля: реализуемая функция специальных уполномоченных на то субъектов, включающая в себя проверку соответствия проверяемых процессов их нормативным описаниям, предоставляющая контролирующим субъектам право выявлять, констатировать, оценивать выявленные нарушения, принимать непосредственные меры по их устранению, а в дальнейшем — меры дисциплинарного воздействия к лицам, допустившим такие нарушения⁴.

Принимая во внимание изложенное, следует отметить, что наличие контроля руководителя и частичная замена им надзорных полномочий прокурора разделили ученых и практиков на две основные группы: считающих, что контроль является безусловно необходимым элементом реализации следователем уголовно-процессуальных функций, и тех, кто рассматривает контрольные полномочия руководителя как необоснованное и несоразмерное ограничение самостоятельности следователя.

Автор настоящей статьи, являясь практикующим следственным работником, безоговорочно относит себя к первой группе исследователей, оставаясь при этом убежденным в принципиальной невозможности осуществления какой-либо деятельности, в том числе и следственной, бесконтрольно. Анализ подтверждающих это точек зрения позволит в дальнейшем окончательно сформулировать собственное авторское понимание необходимости контроля руководителя следственного органа.

Так, В.А. Семенцов и О.В. Гладышева отмечают следующее: «Деятельность руководителя следственного органа, не посягая на процессуальную самостоятельность следователя, призвана обеспечить высокое качество, полноту и объективность предварительного следствия, со-

блюдение прав и защиту законных интересов участников досудебного производства»⁵.

Верно подмечает и В.Н. Исаенко, утверждая, что надлежащему выполнению следователем своих обязанностей «призван способствовать постоянный и действенный контроль руководителей»⁶.

И.В. Чечулин, говоря о процессуальном руководстве, сравнивает его с «организующим» вмешательством⁷.

А.В. Образцов отмечает, что качество и количество полномочий руководителя следственного органа призваны повысить эффективность процессуального руководства⁸.

Изложенное в достаточной степени подтверждает вывод о необходимости контроля над выполнением следователями своих процессуальных обязанностей.

При этом сложно не согласиться с мнением Ю.А. Цветкова, который, объективно высказываясь по исследуемой теме, отмечает, что самостоятельность следователя — это независимость, усеченная судом, прокурором и руководителем следственного органа⁹.

Солидарен с ним в этой части В.М. Быков, который, анализируя современную позицию следователя на процессуальном поле, приходит к выводу об отсутствии декларированной в законе абсолютной самостоятельности данного субъекта¹⁰.

⁵ Семенцов В.А., Гладышева О.В. Полномочия руководителя следственного органа в досудебном производстве // Социум и власть. 2012. № 3 (35). С. 46.

⁶ Исаенко В.Н. Процессуальная деятельность руководителя следственного органа как объект прокурорского надзора // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2010. № 4 (18). С. 25. Цитируется по: Иванов Д.А. Значение процессуального контроля руководителя органа предварительного расследования за деятельностью следователя, дознавателя по обеспечению возмещения вреда, причиненного уголовно наказуемым деянием // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Чечулин И.В. Общая характеристика функций руководителя следственного органа в новых процессуальных условиях // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 2. С. 244—246.

⁸ Образцов А.В. Процессуальное руководство предварительным расследованием: функциональные ориентиры // Уголовное судопроизводство. 2017. № 4. С. 31—37.

⁹ Цветков Ю.А. Процессуальная самостоятельность следователя в современной парадигме досудебного производства // Российский следователь. 2014. № 14. С. 52—56.

¹⁰ Быков В.М. О процессуальной самостоятельности следователя в российском уголовном процессе // Российская юстиция. 2017. № 8. С. 59—61.

⁴ Махтук С.О. Надзор руководителя следственного органа или контроль прокурора? К вопросу о недопустимости подмены понятий // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития: материалы III Всероссийской молодежной научно-практической конференции (Москва, 25 ноября 2019 г.) / под общ. ред. А.М. Багмета. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2020. С. 530—534.

В современных правовых реалиях следует признать такое положение процессуальных вещей аксиомой.

Подробно рассмотрен в науке вопрос о влиянии на следователя одной из форм контроля руководителя следственного органа — письменных указаний.

Согласимся с Т.Г. Олефиренко, которая отмечает, что, реализуя право давать указания, руководитель следственного органа «создает предпосылки к осуществлению надлежащего процессуального ведомственного контроля за деятельностью подчиненных следователей, не ограничивая при этом их право провести иные следственные действия, в производстве которых в ходе предварительного следствия возникла необходимость»¹¹.

Не видит ограничения самостоятельности следователя в такой форме реализации руководящих полномочий и Д.А. Иванов, называя письменные указания юридическими последствиями проверки дела, находящегося в производстве подчиненных сотрудников¹².

На наш взгляд, предусмотренное действующим уголовно-процессуальным законом разграничение полномочий ни в коем случае не ограничивает самостоятельность следователя и не ущемляет ее. Руководитель следственного органа, являясь субъектом процесса, осуществляющим контроль в отношении следователя, не лишает последнего возможности принимать решения лично, руководствуясь собственным убеждением. Предусматривая контрольно-ограничительные полномочия руководителя следственного органа, законодатель лишь наделяет его возможностью задавать вектор расследования, но не наказывает руководителю подменять своими решениями самостоятельное досудебное разбирательство со стороны следователя. Обозначение же рамок и направления следствия само по себе не может быть расценено как ограничение самостоятельности следователя, который, как презюмируется, осуществляет совместную с руководителем функцию — уголовное преследование. В этой связи иное восприятие соотношения прав руководителя и обязаннос-

тей следователя становилось бы возможным лишь в двух случаях: принятие заведомо незаконных (непринятие законных) решений следователем, а равно принятие заведомо незаконных (непринятие законных) контрольных мер к следователю со стороны руководителя.

Вместе с тем представляется, что подобное неправомерное поведение субъектов выходит за рамки собственно уголовного процесса, являя собой отношения по возникновению и реализации ответственности за заведомо незаконные действия должностных лиц.

В подтверждение сказанного нами можно привести позицию О.В. Химичевой, которая обоснованно отмечает, что «процессуальная самостоятельность следователя, понимаемая как его право все решения о направлении следствия и производстве следственных действий принимать самостоятельно, а с другой стороны, — как обязанность нести полную ответственность за законное, обоснованное и своевременное проведение этих действий, несовместима ни с каким контролем, кроме процессуального»¹³.

Из этого логично следует, что действия как следователя, так и руководителя следственного органа, не имеющие незаконных признаков, а потому укладываемые в рамки процессуальных отношений и ответственности, не могут расцениваться как разнонаправленные. Повторимся: и руководитель, и следователь осуществляют на стадии предварительного расследования основную функцию — функцию уголовного преследования, что заведомо исключает столкновение их интересов на границе формирования идентичности и самостоятельности следователя.

Не вдаваясь в этимологические тонкости, отметим, что самостоятельность следователя не является и не должна являться синонимом бесконтрольности его деятельности. Процессуальный контроль, конкретное руководство, деловая помощь — все это проявления роли руководителя следственного органа, которые не могут быть расценены как ограничивающие инициативу следователя.

В этой связи безосновательными, на наш взгляд, кажутся некрологи былой иерархической системе субъектов уголовного процесса, при которой полномочия руководителя следственно-

¹¹ *Олефиренко Т.Г.* Ведомственный процессуальный контроль как основное средство руководителя следственного органа по обеспечению законности предварительного расследования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 2-2 (40). С. 149.

¹² *Иванов Д.А.* Указ. соч.

¹³ *Химичева О.В.* Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. М., 2004. С. 160.

го органа, по сути в полном нынешнем объеме, осуществлялись прокурором. При изучении подобных точек зрения возникают два вопроса. Чем нынешняя власть руководителя хуже для следователя прежней гегемонии прокурора? И что плохого в том, что руководитель в настоящее время, осуществляя непосредственный, постоянный и системный контроль за расследованием уголовных дел, получил возможность содействовать направлению хода расследования, контролируя его?

Отвечая на поставленные нами же вопросы, присоединимся к точке зрения С.А. Минаевой, которая обоснованно утверждает, что «руководитель следственного органа, являясь значимой фигурой в досудебном производстве, наличествует не для того, чтобы подменить прокурора или, как считают многие ученые, оказать давление на следователя»¹⁴.

В.А. Семенцов и О.В. Гладышева, подтверждая изложенное, в своей совместной работе отмечают: «Несомненное преимущество руководителя следственного органа по сравнению с прокурором — непосредственная близость к объекту контроля (действиям и решениям следователя). Это создает условия для непрерывной проверки соблюдения требований закона и своевременного реагирования на выявленные нарушения и просчеты»¹⁵.

Как бы предвосхищая возможную непоследовательность позиции исследователей, критикующих усиление роли руководителя следственного органа, О.В. Химичева ещё до появления в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации фигуры руководителя следственного органа отмечала следующее: «Если отмена решения следователя прокурором не рассматривается как нарушение процессуальной самостоятельности следователя, то вряд ли обоснованно утверждать о наличии такого нарушения при отмене решения начальником следственного отдела (руководителем следственного органа)»¹⁶.

Говоря о соотношении полномочий руководителя и следователя, важно отметить, что следователь, двигаясь в рамках расследования, в направлении доказывания и уголовного преследования, вправе на основе закона совершать

любые следственные действия и принимать любые процессуальные решения. Однако, как только направление расследования необоснованно изменится, или следователем будут ложно поняты суть и объем реализуемых им функций, или доказывание в какой-то части станет избыточным, — в действие вступает процессуально доминирующий руководитель, который, осуществляя процессуальный контроль, должен отсеять лишние и ошибочные движения следователя в рамках расследования, вернув его действиям законный, обоснованный и процессуально правильный вектор. Можно ли при такой системе взаимодействия говорить об ограничении самостоятельности следователя? На наш взгляд, нет. Невозможно дополнительно ограничить то, что имеет своё движение в рамках и без того ранее обозначенных границ — требований закона и процессуальных функций.

В этой связи особенно удивительными кажутся предложения некоторых исследователей предоставить следователю полномочия по обжалованию в суд указаний руководителя следственного органа¹⁷. Подобные меры однозначно способны привести лишь к внутрисистемному кризису отношений следователя и руководителя, утопить их взаимодействие в ещё большем документообороте и формализме, лишая при этом обоих субъектов возможности сосредоточиться на выполнении непосредственно служебных задач. Противоречит такое положение и задачам судебной системы, а также пониманию судебного контроля. В разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации прямо указано, что предметом обжалования в суд действий руководителя следственного органа, равно как и следователя, не могут являться вопросы, связанные с полнотой расследования и проведением конкретных следственных действий¹⁸.

Важно учитывать и ещё одно обстоятельство. Наделяя следователя полномочиями по обжалованию решений непосредственного руководителя в суд, инициатор изменений, по сути, нарушает устоявшуюся систему «солидарной от-

¹⁴ Минаева С.А. К вопросу процессуального контроля руководителя следственного органа в стадии возбуждения уголовного дела // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 3 (27). С. 125.

¹⁵ Семенцов В.А., Гладышева О.В. Указ. соч. С. 46.

¹⁶ Химичева О.В. Указ. соч. С. 190.

¹⁷ Там же. С. 164; Шабунин В.А. Некоторые вопросы правовых отношений руководителя следственного органа и следователя в связи с осуществлением ведомственного процессуального контроля // Российский следователь. 2011. № 21. С. 13—16.

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 (ред. от 29.11.2016) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

ветственности» следователя и руководителя следственного органа¹⁹. При всей неоднозначности системы, разрушение бюрократического фундамента в системе следственных органов следует начинать точно не с ещё большей формализации взаимодействия её участников.

Подводя итог, следует отметить, что следователь — это не только и не столько статья в Уголовно-процессуальном кодексе. Это не исчерпывающий перечень должностных обязанностей, сроков и форм их исполнения, отраженный на бумаге. Следователь — это центральный субъект уголовного судопроизводства, живой, а потому обладающий собственным правосознанием, поведением, амбициями, ошибками.

В этой связи ключевой воспринимается мысль, изложенная в своей работе Ю.А. Цветковым: «Современное состояние досудебного производства характеризуется, с одной стороны, высокой степенью организационной и пра-

вовой сложности и наукоемкости следственной деятельности, а с другой стороны, недостаточно высоким уровнем профессиональной подготовки следственных кадров. В таком состоянии абсолютизация процессуальной самостоятельности следователя и ослабление механизмов внутрисистемного управления могут привести к непредсказуемым последствиям»²⁰.

Оставляя сказанное для дальнейшего размышления и осознания, добавим лишь, что следственно-судебная практика последних лет, статистика и независимые оценки деятельности следственных органов однозначно и безоговорочно наглядно продемонстрировали: фигуре руководителя следственного органа — быть. При этом вопросы о степени его процессуального доминирования, об объеме полномочий и соотношении их с другими субъектами уголовного судопроизводства не исчерпаны и требуют дальнейшей научной разработки.

¹⁹ Махнюк С. О. К вопросу о соотношении самостоятельности следователя и ответственности руководителя следственного органа (на примере системы Следственного комитета Российской Федерации) // Следственный комитет Российской Федерации: второе десятилетие на службе Отечеству (Москва, 7 февраля 2019 г.) / под общ. ред. А. М. Багмета. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. С. 236.

²⁰ Цветков Ю. А. Указ. соч. С. 56.

УДК 343.35
ББК 67.408.142

Вера Михайловна ЯКОВЛЕВА,
адъюнкт факультета подготовки научно-
педагогических кадров Академии ФСИН России
E-mail: vera.yakowlewa2017@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.08 — Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

Научный руководитель: *Расторопов Сергей Владимирович*, доктор юридических наук,
профессор

ЗАПРЕЩЕННЫЕ ПРЕДМЕТЫ КАК ИНСТРУМЕНТЫ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРЫСТНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Аннотация. Статья посвящена вопросам поступления запрещенных предметов лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы. Рассмотрены основные виды преступных корыстных деяний, обусловленных доставкой запрещенных предметов в пенитенциарные учреждения. Предложены меры по совершенствованию профилактической деятельности.

Ключевые слова: исправительные учреждения, запрещенные предметы, сотрудники, осужденные, корыстный мотив, средства мобильной связи, наркотические вещества, профилактика.

Vera Mikhailovna YAKOVLEVA,
Graduate student of the Faculty of Training
of Scientific and Pedagogical Personnel of the Academy
of the Federal Penitentiary Service of Russia
E-mail: vera.yakowlewa2017@yandex.ru

PROHIBITED ITEMS AS INSTRUMENTS FOR COMMITTING SELF-INTEREST CRIMES IN PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY

Abstract. The article deals with the receipt of prohibited items to persons serving sentences in places of deprivation of liberty. The author examines the main types of criminal acts committed by convicts with the help of prohibited items in prisons. The article proposes measures to improve preventive activities.

Keywords: correctional institutions, contraband, employees, convicts, mercenary motive, mobile communications, drug matter, prevention.

В настоящий момент особое внимание в деятельности уголовно-исполнительной системы уделяется профилактике преступности, одним из основных аспектов которой является предотвращение поступления запрещенных предметов осужденным, отбывающим наказание в исправительных учреждениях.

Ситуация, связанная с проникновением запрещенных предметов, препятствует нормальному функционированию структурных подразде-

лений, предназначение которых заключается в осуществлении социальной изоляции преступников и предупреждении новых преступлений осужденными и иными лицами.

Администрации пенитенциарных учреждений не всегда удается справиться с перекрытием каналов поступления запрещенных предметов, которые могут привести к совершению правонарушений или выступить в качестве средств их реализации. Следовательно, приоритет в де-

тельности сотрудников режимных объектов, исполняющих наказания, должен отдаваться мероприятиям, направленным на обнаружение и пресечение поступления осужденным веществ и предметов, которые запрещено иметь при себе, приобретать, получать в посылках, передачах, бандеролях.

Учитывая современную криминальную обстановку в исправительных учреждениях, связанную с проникновением запрещенных предметов и совершением посредством их преступлений, в рамках нашего исследования представляется целесообразным выявить процессы, детерминирующие пенальные преступления, совершаемые с корыстной мотивацией. Таким образом, наличие исследуемых нами правонарушений в пенитенциарных учреждениях связано с сосредоточением на одной территории криминально активных лиц, основной целью которых является совершение противоправных действий корыстной направленности.

По ходу реализации своих преступных интересов спецконтингентом координируется процесс привлечения других осужденных и обучения их преступным навыкам, распределения средств, полученных в ходе преступной деятельности с использованием незаконно поступающих предметов.

Из всего перечня незаконно поступающих предметов, изымаемых у осужденных, одними из самых распространенных в исправительных учреждениях являются средства мобильной связи либо комплектующие, обеспечивающие их работу.

В настоящее время общее количество изымаемых средств мобильной связи остается довольно высоким. Это подтверждается статистикой по изымаемым запрещенным предметам в пенитенциарных учреждениях. Так, в 2017 году сотрудниками оперативных служб было изъято 64 тыс. средств мобильной связи, в 2018 году количество изъятых средств мобильной связи составило 56,4 тыс. В 2019 году — 40,3 тыс., из них 24,8 тыс. при доставке в учреждение¹.

Несмотря на снижение вышеуказанных показателей, с каждым годом все больше средств сотовой связи изымается у осужденных, по сравнению со средствами сотовой связи, изымаемыми при их доставке. Данное обстоятельство объясняется тем, что официальная статистика не отражает реальных масштабов исследуемых

нами деяний, что говорит о высокой степени латентности правонарушений, совершаемых в местах лишения свободы.

Осужденные не только используют новейшие мобильные устройства в целях коммуникации, но и совершают посредством их противоправные действия, запрещенные уголовным законом РФ. К таким преступным деяниям, предусмотренным уголовным законодательством РФ, можно отнести мошенничество, совершаемое с помощью средств мобильной связи, активно используемое спецконтингентом в местах лишения свободы, в целях получения таким путем денежных средств граждан, а также личных данных, которые впоследствии служат предметом шантажа и вымогательства².

Например, следствием и судом было установлено, что в 2017 году осужденный, отбывая наказание в исправительной колонии Самарской области, с мобильного телефона звонил путем случайного набора на номера жителей г. Ярославля. Подсудимый обманным путем получал от них денежные средства в размере от 10 тыс. до 315 тыс. руб. посредством перевода на указанные им номера банковских счетов либо направлял к потерпевшим заказанных через Интернет водителей такси, которые получали деньги и переводили их на указанные счета, оставляя себе по договоренности с подсудимым часть из похищенных денежных средств. Таким путем осужденный получил от потерпевших денежные средства на общую сумму более 1 млн руб. В отношении него судом был вынесен обвинительный приговор по ст. 159 УК РФ (мошенничество)³.

Дистанционное мошенничество, совершаемое в местах лишения свободы, обладает целым рядом специфических признаков и последствий, заключающихся в создании новых преступных проявлений, обширной географии преступлений и изобретении способов, препятствующих расследованию⁴. Также осужденные, совершая данный вид преступления во время отбывания на-

¹ Сведения о состоянии режима и надзора и изъятии запрещенных предметов за период 2015—2019 гг. по форме ФСИН-1 (раздел 4).

² Костарев Д.Ф. К вопросу о поступлении запрещенных предметов в исправительные учреждения уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Вестник Пермского института ФСИН России. 2017. № 2. С. 26—32.

³ По материалам официального сайта прокуратуры Самарской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_63 (дата обращения: 15.02.2020).

⁴ Румянцев Н.В., Мальчук О.И., Нурждин А.А. Некоторые аспекты предупреждения проникновения запрещенных предметов на территорию исправительного учреждения // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. С. 299.

казания, получают криминальный опыт и, покинув места лишения свободы, продолжают заниматься таким видом противоправной деятельности.

При помощи мобильных устройств осужденные поддерживают криминальные связи с лидерами преступной среды, отбывающими наказание в других исправительных учреждениях, склоняют граждан, находящихся на свободе, к совершению противоправных действий, осуществляют призывы к экстремистской деятельности и пропагандируют межнациональную рознь.

Помимо того, наличие средств мобильной связи, а также выхода в сеть Интернет в местах лишения свободы дает возможность осужденному организовывать доставку наркотических веществ и иных запрещенных предметов на территорию исправительных учреждений, тем самым не только обеспечивая ими участников криминальных групп, но и оказывая с их помощью влияние на других осужденных.

В подтверждение вышесказанному следует отметить, что статистика за последние годы показывает стремительный рост количества изымаемых наркотических веществ и их аналогов, как у осужденных, так и у сотрудников и третьих лиц при доставке в исправительные учреждения. Так, показатель изымаемых наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с 50173,189 гр. в 2017 году вырос до 59753,196 гр. в 2019 году⁵. Полученные наркотические вещества используются не только для употребления, но и для сбыта другим осужденным в целях получения денежных средств или для урегулирования иных криминальных отношений.

Незаконный оборот наркотических веществ и их аналогов в местах лишения свободы дестабилизирует деятельность исправительного учреждения, негативно влияя на состояние оперативной обстановки⁶ и стимулируя тем самым осужденных к совершению преступных деяний.

⁵ Сведения о состоянии режима и надзора и изъятии запрещенных предметов за период 2015—2019 гг. по форме ФСИН-1 (раздел 4).

⁶ Барабанов Н.П., Савардунова В.Н., Кириченко В.М. Противодействие поступлению в исправительные учреждения запрещенных предметов, неслужбным связям сотрудников с осужденными (криминологический, организационный, психологический и правовой аспекты): монография. Рязань: Академия ФСИН России, 2012. С. 57—63.

Сотрудники структурных подразделений, исполняющих наказания, нередко становятся доставщиками и сбытчиками наркотических веществ и их аналогов для осужденных, в качестве примера можем привести следующее уголовное дело.

Следственным управлением Следственного Комитета РФ по Тюменской области в отношении младшего инспектора исправительной колонии ФКУ ИК № 2 УФСИН России по Тюменской области было возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 30, пп. «б», «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ (покушение на незаконный сбыт наркотических средств лицом с использованием своего служебного положения, в крупном размере). Следствием было установлено, что в марте 2020 г. младший инспектор ИК № 2 с целью продажи заключенным пытался пронести на территорию исправительной колонии № 2 синтетическое наркотическое вещество массой 192 гр., а также марихуану весом 27 гр., но был задержан сотрудниками безопасности УФСИН России по Тюменской области⁷.

Немаловажным фактором проникновения запрещенных предметов в места лишения свободы является вступление в незаконные связи со спецконтингентом сотрудников учреждений, исполняющих наказания. Наличие таких противоправных взаимодействий подтверждается официальными статистическими данными, изученной нами следственной практикой и приговорами судов.

По данным проведенного нами опроса экспертов из числа работников прокуратуры, руководства и сотрудников исправительных учреждений, большинство опрошенных отметили, что 64,7 % запрещенных предметов попадают к осужденным посредством незаконных действий персонала пенитенциарных учреждений. В основном правонарушения такого вида совершаются сотрудниками структурных подразделений из корыстных побуждений с целью получения материальной выгоды. По результатам нашего исследования, в совершаемых противоправных действиях корыстный мотив присутствует у 84,2 % сотрудников.

Островский городской суд Псковской области постановил обвинительный приговор по уголовному делу в отношении младшего инспектора груп-

⁷ По материалам официального сайта следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Тюменской области. URL: <https://tyumen.sledcom.ru> (дата обращения: 10.05.2020).

пы надзора отдела безопасности исправительной колонии ФКУ ИК № 2 общего режима УФСИН России по Псковской области. Он признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных пп. «б», «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, ч. 3 ст. 290 УК РФ, ч. 1 ст. 291.2 УК РФ и ч. 1 ст. 285 УК РФ.

Следствием и судом установлено, что в период с ноября 2017 г. по март 2018 г. сотрудник группы надзора отдела безопасности ФКУ ИК-2 УФСИН России по Псковской области по договоренности с осужденными систематически проносил для них на режимную территорию ИК запрещенные предметы: лекарственные препараты, мобильные телефоны и наркотические средства. За доставку запрещенных предметов на территорию ИК он получил от осужденных денежные средства на общую сумму более 80 тыс. рублей.

Суд назначил виновному наказание в виде 4 лет 6 месяцев лишения свободы, с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима, с лишением права занимать должности в правоохранительных органах, а также на государственной службе и в органах местного самоуправления сроком на 5 лет⁸.

Средства, поступающие осужденным путем реализации запрещенных предметов, могут использоваться ими в целях подкупа персонала учреждений, исполняющих наказания.

Сотрудники исправительных учреждений, получив денежные средства от осужденных, способствуют предоставлению незаконных льгот и привилегий, улучшению условий содержания лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, либо продолжают поставлять им запрещенные предметы⁹.

Возникновению рассматриваемых криминальных деяний, сопряженных с корыстной мотивацией, способствует немалое количество факторов, к которым относятся определенные упущения в организации режима и надзора, в воспитательной работе с осужденными и приобщении их к труду. Такие факторы, несомненно, оказывают негативное влияние на деятельность пенитенциарных учреждений, но не являются исчерпывающими, так как наличие про-

блем в кадровом подборе, низкий уровень профессиональной подготовки персонала, неэффективность предупредительной деятельности также способствуют осложнению оперативной обстановки и совершению исследуемых нами преступлений в местах лишения свободы.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что незаконное поступление к осужденным запрещенных предметов и веществ негативно влияет на режим отбывания наказания и противоречит уголовно-исполнительному законодательству. Кроме того, данные правонарушения впоследствии способствуют совершению в местах лишения свободы деяний корыстной направленности, имеющих более высокую степень общественной опасности.

Исходя из тяжких последствий рассматриваемых нами преступных явлений, создающих реальную угрозу как пенитенциарной системе, так и общественной безопасности в целом, необходим комплексный подход, заключающийся в совместной деятельности персонала исправительных учреждений по планированию и реализации оперативно-разыскных, воспитательных и других мероприятий, направленных на предотвращение незаконного поступления запрещенных предметов и веществ осужденным, и противодействию совершению с их помощью преступных деяний корыстной направленности в местах лишения свободы. Данные меры, на наш взгляд, будут действенными сдерживающими факторами для исследуемых противоправных деяний.

Подводя итог, можно отметить, что наличие у спецконtingента запрещенных предметов наносит вред как сотрудникам исправительных учреждений и осужденным, так и лицам, находящимся на свободе. Принятие предупредительных мер на законодательном и практическом уровне позволит сократить незаконное поступление запрещенных предметов, препятствующее нормальному функционированию учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, и способствующее совершению преступлений корыстной направленности.

⁸ По материалам официального сайта Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru> (дата обращения: 21.01.2020).

⁹ Сивцов С.А. Коррупционные преступления в исправительных колониях России и механизмы противодействия им: монография / под ред. В.А. Якушина. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2018. С. 32.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

«Образование. Наука. Научные кадры»

Ежеквартальное информационно - публицистическое научное издание.

Рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации научных работ (статей), отражающих основное содержание диссертаций.

В журнале печатаются статьи адъюнктов, аспирантов, кандидатов наук, докторантов по разрабатываемым ими темам для защиты кандидатских и докторских диссертаций по следующим дисциплинам: **юридическим, историческим, педагогическим, психологическим экономическим, техническим.**

Журнал посвящен обзору новинок учебной литературы для высшего и профессионального образования отечественных и зарубежных изданий. Кроме того, в нем публикуются научные статьи, аналитические материалы и комментарии к различным исследованиям.

Минимальный объем подачи материала - четыре страницы текста (8 тыс. знаков, включая точки, запятые, пробелы; параметры набора – Word, размер кегля 14, одинарный интервал между строками, Times New Roman).

Основная цель журнала - способствовать повышению качества высшего профессионального образования и интеграции образования с наукой и практикой.

**Приобрести журнал можно
в Книжном салоне издательства ЮНИТИ-ДАНА
123298, Россия, Москва, ул. Ирины Левченко, д. 1**

Подписку на журнал можно оформить
в любом почтовом отделении Российской Федерации
по каталогу Агентства «Роспечать» —
индекс 81783, раздел «Журналы России»

Тел./факс: 8-499-740-60-14, 8-499-740-60-15.
E-mail: nodari@unity-dana.ru, www.unity-dana.ru